

"Самая длинная ночь в году"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Тереза Тур

САМАЯ ДЛИННАЯ НОЧЬ В ГОДУ

Газета «Вестник Поморья»

от 20 декабря 1900 года

Обращение государя-императора

Александра Александровича Радомирова

к гражданам Поморья

«Дорогие мои сограждане! В этот светлый день, когда мы отмечаем очередную годовщину образования нашего славного государства, хочется вспомнить всех, кто стоял у истоков.

Вспомнить первого императора Радомирова, который смог объединить наши земли, раздираемые усобицей. Того, под чьей дланью возникла наша страна. На зависть врагам и на радость нам, благодарным потомкам, простирается она широко и вольно — от Северного моря до Южного, от Западного до Восточного.

Вспомнить солдат и офицеров, которые отстаивали и отстаивают нашу независимость. Целительниц, спасающих жизни. Ученых, благодаря которым мы могущественны и непобедимы. Купцов и владельцев заводов, что преумножают наши богатства. Крестьян и рабочих, что своим тяжелым трудом дают нам возможность развиваться и идти дальше!

Славься, страна, славься, Поморье!»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Стоит у моря замок

Назло семи ветрам.

Прекраснейшая Ари

Спит сном глубоким там.

Будто розы цветут

во дворце ледяном —

пробуждения ждут снегири.

Чтобы встретить тебя

красногрудой зарей.

Спи, Ари, спи.

Южный имперский городок Джанхот.

Двадцать первое декабря.

Ночь с пятницы на субботу. Она

Ветер...

Наверное, на всей Земле остался только ветер. Он прилетел внезапным шквалом в наш тихий городок. Властный, сильный, беспощадный и ледяной, он покорила морские волны, заставив их с грохотом обрушиться на берег. Волна свалила старое дерево, растущее на самом краю обрыва, и стон заповедных сосен раздался в горах. А ветер понесся дальше, не обращая внимания на всхлипы и стоны деревьев, не встречая преград на своем пути.

Я никак не могла заснуть. Странно... Ведь когда-то не знала, что такое бессонница. Если была хоть какая-то возможность уронить тело — сознание отключалось мгновенно. До того, как голова коснется подушки. Это было... В другой жизни. С другим человеком. Было — и прошло. А теперь у меня бессонница. Приехали...

Вздыхнула, поднялась, хлопнула в ладоши, зажигая светильники в спальне, — решила, что буду читать. Наверное, зря я никуда не уехала на эти длинные выходные. Учительницы собрались в небольшое поместье в горах, расположенное всего в нескольких часах пути от нашего приморского городка. Поместье принадлежало родителям одной из них и носило замечательное название: «Анастасиевская поляна». Я любила там бывать, но сегодня отчего-то заупрямилась — осталась дома.

Наверное, у них сейчас ярко горит свет, веранда разукрашена ярко-алыми фонариками, в бокалах белое терпкое вино. И смех... Разговоры до утра. Я любила слушать разговоры коллег. Даже о проблемах, утратах и потерях можно рассказывать так, что остальные — да и ты сама — станут смеяться. До слез. А потом уже можно будет дышать. Снова.

Жаль, что я им ничего о себе не рассказывала. Мне хотелось, правда. Но я не могла. Когда-нибудь решусь, наверное... Посмеюсь над своей глупостью, наивностью... Над светлой любовью, которая составляла все мое существо, над выгрызающей тоской, поселившейся в сердце...

«Все правильно! Я ведь все сделала правильно... Да?!»

С тех пор, как я сбежала, прошел почти год. Почему же до сих пор так больно? Почему каждую ночь снятся сны — чудесные, яркие, после которых не хочется просыпаться, открывать глаза и возвращаться в реальность — холодную, серую и бессмысленную. Без него...

«Но я ведь все сделала правильно! Он предал. Он... развлекался. Играл. А я полюбила...»

Полностью поменяв все — город, дом, — я отказалась от части себя тоже.

Больно...

До прошлого года я думала, что знаю о боли все. Я — целительница. Меня учили с пяти лет — как только почувствовала свой дар и прошла посвящение. Дар исцелять дается лишь женщинам.

Все десять лет я была лучшей на потоке. Затем лучшей практиканткой в Императорском военном госпитале. В самой столице! По традиции отличниц направляли работать с военными. Спать по шестнадцать часов в неделю много лет подряд было нормой моей жизни. Потом я год проработала полноправной целительницей в том же госпитале... Почти год.

А потом жизнь поменялась... Вернее, я поменяла ее. Сама.

Что со мной?! Слезы? Никогда не была размазней — призвание и характер не позволяли.

Девчонки с курса даже прозвище дали — «ледяная язва». Так они называли меня за глаза. Конечно, многие завидовали. За отличные оценки, за внимание ко мне преподавателей, за то, что выделяли и ставили в пример. Поэтому подруг моего возраста у меня никогда не было. Только учителя и коллеги постарше относились с симпатией — за то, что любила учиться. И лечить... Самозабвенно.

Когда-то.

Ресторан на окраине Джанхота.

Эта же ночь. Он

— И скажите, ваше высочество, что мы забыли в этой Небесами забытой дыре? Нет, южное побережье нашей благословенной Империи — это замечательно. Но никак не в декабре!

Черные, чуть раскосые глаза князя Алсапова насмешливо блестели. Они достались вельможе от его предка, который происходил из кочевого южного народа. Во времена первого императора Радомирова этот род бежал из своих краев и осел в Поморье.

— Как вы понимаете, светлейший князь, этот вопрос надо задать моему любезному дядюшке — он нас всех сюда вытащил.

И наследник Поморья кивнул в сторону мужчины лет сорока, который меланхолично перебирал струны гитары, усевшись чуть в стороне от веселой и слишком молодой — с его точки зрения — компании.

В отличие от остальных, пивших шумно и весело местное белое вино — весьма недурственное, надо отметить, этот предпочел коньяк — в большом количестве — и хоть какую-то иллюзию одиночества.

Молодые люди лучших родов Империи — князя Алсапов и Варейский, два графа: Волков и Соколов (а именно они составляли окружение наследника) — старались не подходить к двоюродному брату императора. Особенно когда он был в таком настроении. Хотя в подобной меланхолии, прорывавшейся бешеными вспышками беспричинной ярости, сиятельный князь Андрей Николаевич Радомиров пребывал в течение последнего года. И никто не мог понять, что с ним случилось.

Приставленный к наследнику лично его величеством князь прекрасно знал, зачем они сюда забрались. Он решил устроить «золотой» молодежи учения.

Буря, как и предсказывали маги-погодники, усиливалась. Через пару часов повалит снег, к утру все занесет, и надо будет организовывать и спасательную операцию, и эвакуацию людей

из дальних населенных пунктов. Вот пусть наследник и отрабатывает навык командования в чрезвычайной ситуации на примере данного района нашей необъятной страны. А с учетом того, что это предгорья, — повозиться молодежи придется. Заодно посмотрим, кто из ближайшего круга наследника чего стоит.

Отложив гитару, князь Радомиров допил коньяк и вышел во двор. Ему нестерпимо захотелось на воздух. В ночь. Туда, где под бешеными порывами ветра крупными хлопьями валил снег.

Сзади скрипнула дверь. Кому в тепле не сидится? Жаль. Хотелось побыть одному, рассказать снежным мухам о своей боли — пусть бы унесли с собой хоть немного... Может, легче стало бы.

— Самая длинная ночь в году... — раздался голос наследника.

— Да, ваше высочество, — нехотя откликнулся князь.

— Андрей Николаевич, вы сами на себя не похожи. Я могу чем-то помочь?

Двоюродный брат и доверенное лицо императора вздрогнул. Иной раз наследник вел себя... мальчишка мальчишкой — как, собственно, и полагается в его девятнадцать лет. А иногда... Иногда он поражал каким-то непостижимым умением читать в душах других. Это князь Андрей подумал. А вслух насмешливо сказал:

— Помочь? Мне?

Наследник не обиделся. Действительно, практически вся мощь Империи была сосредоточена в руках двоюродного брата императора — второго человека в государстве по значимости и влиянию. Наследник прекрасно понимал, что сам он был лишь... где-то в первой десятке. Наверное.

Сын императора не испытывал неприязни к родственнику, которому его отец верил иной раз больше, чем самому себе. Более того, он искренне желал у него учиться.

Но в последний год юноша просто не узнавал своего дядю, которого любил и которым гордился. В сердце наследника поселилась тревога...

— Простите, Александр Александрович. Я невыносим в последнее время, — раздался голос князя Андрея.

— В ваших розысках... Результатов нет?

Наследник понял, что сказал, и стал ждать вполне заслуженной отповеди — дядюшка не терпел вмешательства в личную жизнь. И поэтому всем полагалось не знать ни о его романе, ни о том, что девушка сбежала, ни о том, что ее почему-то не могли отыскать.

— Узнать бы, что она жива, — услышал он тихий ответ.

На двоих стоящих в темноте упало молчание — такое же беспросветное, как эта южная ненастная ночь.

— Я не могу ее найти. Представляете? Я! Не могу... найти, — заговорил тот же голос, так не похожий на голос всемогущего вельможи.

«Так она хотя бы жива?» — готов был сорваться вопрос, но в последний момент Александр

удержался.

— Я всего лишь не сказал, кто я такой. Я больше ни в чем не виноват... Случайная встреча людей, которые никогда не должны были встретиться. Небо, я никогда и ни с кем не был так счастлив!.. А она даже не дала мне возможности объясниться.

— Она узнала?

— О да. Она узнала. Увидела меня на параде в честь празднования вашего Тезоименитства.

— Прошлый январь. Мой день Ангела. Так вот почему вы удалились столь внезапно. Матушка еще очень удивлялась...

— Я все равно опоздал. Дома у нее никого не было. За вещами, документами и драгоценностями никто так и не зашел. Кулон связи, который я ей дарил, обнаружился в ближайшем к Дворцовой набережной мусорном бачке. А потом выяснилось, что она отправила два письма — одно в госпиталь, с заявлением об увольнении... — Андрей Николаевич замолчал, словно ему не хватило воздуха.

— А второе? — устав ждать ответа, спросил наследник.

— Второе... — в голосе мелькнула горькая насмешка. — Второе соответственно мне. Она нашла в справочнике официальный адрес моей резиденции, подписала конверт всеми моими титулами, положила туда подаренные мною накопитель энергии и охранный амулет... — родственник императора непроизвольно коснулся браслета. На вид ничего особенного — несколько темно-синих камней вплетены в замысловатый узор шнура.

— Вы ей дарили свои фамильные артефакты? — изумился Александр.

— Именно.

— Странная история. Но почему она ушла и не дала вам возможности объясниться?

— Не знаю. Теперь я могу лишь гадать, сходить с ума и молить Небеса, чтобы они хранили ее.

Ярким светом распахнулась дверь, их окликнули.

Князь Андрей дернулся, словно очнулся.

— Ваше высочество, вы позволите мне вас покинуть? — уже своим нормальным, язвительным голосом заговорил он, окинув насмешливым взглядом высыпавших на крыльцо придворных.

— Конечно, ваше сиятельство, — наследник прекрасно понимал, что родственнику надо побыть одному.

Тот коротко кивнул и ушел. Всего пара шагов — и князь исчез в непогоде, словно никогда здесь не было ни его, ни этого странного откровенного разговора.

— А принесите-ка мне коньяку, — распорядился несвоевременно протрезвевший наследник, подумав, что после подобных разговоров действительно стоит выпить.

Столица. Чуть больше года назад.

Сентябрь — ее любимый месяц. Она

День прошел суматошно. Я уже заметила, что в нашем отделении травматологии практически каждая пятница — это что-то. Как будто люди специально ждали целую рабочую неделю, чтобы учудить что-нибудь к выходным.

Сегодняшняя пятница исключением не стала. Сразу после обеда повалил народ. Ожоги, порезы. Переломанные конечности. Порванные связки. И прочие «удовольствия».

И хотя я была после ночного дежурства, следовательно, могла уйти домой сразу после обеда, все-таки задержалась на посту. Сильно задержалась. Просто, заскочив в приемный покой, обнаружила там покалеченных детей. Будь то взрослые — я бы еще подумала. И, скорее всего, отправилась домой, — но дети...

Я ободряюще улыбнулась совсем потерянной мамочке с младенцем на руках.

— Сколько ему?

— Четыре месяца, — подняла на меня заплаканные глаза молоденькая женщина.

— Хорошо, сейчас найду свободный кабинет и приму вас. Постарайтесь взять себя в руки, а то в больницу придется укладывать вас.

— Я только отвернулась, — всхлипнула женщина. — А Темка упал...

— Тсс...

Я перехватила ее запястье и стала потихоньку сдерживать бешено стучащий пульс. Когда через несколько секунд удары сердца перестали сливаться один с другим, я поднялась, распорядилась дать мамочке успокоительную настойку, сделала несколько шагов, чтобы... И была практически сбита с ног!

По коридору, даже не обратив на меня внимания, носились кадеты Императорского военного училища — высшего учебного заведения, куда набирались дети самых высокопоставленных семей.

— Кадеты! — прозвенел над нашим коридором мой возмущенный голос. — Внимание! Построение!

Да... Отцу бы понравилось. Алексею Михайловичу Иевлеву — боевому генералу, отдавшему жизнь за Империю. И пусть даже он знатностью рода похвастаться не мог, зато тем, что сам себе дорогу пробил, — вполне. А еще он отличался беззаветной храбростью. И тем, что служил Империи Поморья на совесть и смог блестяще организовать оборону Мирогграда — самого восточного города нашей страны. В Черную войну.

И я — его дочь — как общаться с солдатами и офицерами, вполне себе представляла. Пять лет в качестве практикантки в госпитале многому могут научить. И не только как лечить пострадавших мужчин. Но и как ими командовать. Так что с этими расшалившимися военными я справилась.

Не торопясь, подошла к вытянувшимся и замершим кадетам первого, судя по лычкам, курса. Дети еще...

— Вы где находитесь?! — «специальным» низким голосом рывкнула я. Хуже нет — кричать на высоком визге — получается жалко. — Почему в головных уборах? Кто старший?

— Простите, госпожа целительница, — форменные фуражки нырнули вниз, вытянутые физиономии стали вполне соответствовать моменту.

— Стыдитесь, господа, — холодно продолжила я. — Подобным поведением вы не только мешаете оказывать помощь пострадавшим, но и позорите свое учебное заведение и ваши фамилии.

Четверо потупились, пятый же возмущенно на меня уставился.

— Сядьте! И не отвлекайте персонал. Когда придет офицер, сопровождающий вас, попросите его зайти ко мне.

— Слушаемся.

И я открыла, наконец, дверь, за которой шел прием.

— Добрый день, Елена Николаевна! — обратилась я к дежурной целительнице. — Я займу соседний кабинет? Помогите вам принять поступивших. Вы не против?

— Спасибо, Ирина Алексеевна, — устало улыбнулась мне приятельница. — Вы-то сами как?

— Неплохо, — улыбнулась я в ответ.

— Вторая целительница никак не доберется до приемника — я к ней еще одного тяжелого ребенка на операцию отправила, — с извиняющимися интонациями протянула она.

— Пятница, — хором сказали мы, понимающе улыбнулись — и я отправилась к пострадавшему мальчику.

Часа через три я была обнаружена там заведующей отделением травматологии. И тут уже мне пришлось стоять, понурившись, пока княгиня Снегова меня отчитывала. Почти как я мальчиков-кадетов.

— Ирина Алексеевна! Я понимаю ваше рвение и желание помочь пациентам и коллегам. Но! — взгляд строгих серых глаз на меня. — Вы должны отдыхать! Вы не должны быть истощенной. Надо соблюдать меру. Вы же пришли работать не один день. Не один месяц или даже год. Нет. Несколько десятилетий. И каждый день вы должны приходить на работу, излучая силу и уверенность. А с такими нагрузками при отсутствии отдыха... Вас надолго попросту не хватит. Вы перегорите, и уже вас нам придется лечить. Все! Домой. И, кстати говоря, у вас завтра выходной! И послезавтра — тоже! И вы будете спать. Слышите меня? Спать! Спать и восстанавливаться!

И княгиня открыла дверь в кабинет, давая понять, что мамочку с маленьким мальчиком примет лично.

Я уже открыла рот, чтобы...

— Вы собираетесь со мной спорить? — с высочайшей степенью удивления посмотрела на меня заведующая.

— Нет, что вы, — поспешила ответить я.

— Вот и славно! Домой!

И я поспешила наверх, чтобы переодеться и уйти, наконец. Вышла на улицу, блаженно потянулась. Хорошо.

По широкому проспекту, на который выходило парадное крыльцо нашего госпиталя, прогрохотала конка. Их пустили по Поморску не так давно — и вид четверки лошадей, тянущей по рельсам ярко-синий вагончик, еще вызывал удивление.

— Тайна расставания Великого князя Радомирова с примой императорского театра! — сновали мальчишки-газетчики. — Сударыня, купите газету! Самые свежие новости!

Я отрицательно покачала головой: газет я не читала. Тем более... Ну вот что может быть интересного про то, кто кого бросил. А уж тем более — почему. Это ж не продолжение серии книг про моего любимого некроманта!

— Ирина Алексеевна! — окликнули меня у выхода из госпиталя, вырывая из приятных мечтаний о том, как дома у любимого камина я расположусь с книжкой, купленной вчера.

— Да, — удивленно обернулась я и увидела молодого офицера в той же форме, что была на непослушных мальчишках.

— Ирина Алексеевна, минуту. Простите. Я обязан принести вам свои извинения за поведение вверенных мне кадетов. Простите, не уследил.

И он внимательно — как-то изучающе — оглядел меня. И что интересного он ожидал увидеть? Что, кроме форменных белоснежных одежд? Особым образом высоко повязанного платка, делавшего нас похожими на монахинь. Осунувшегося лица. Рук, чуть подрагивающих под перчатками от усталости? Что?

Пристально посмотрела на него в ответ.

«Красив», — с некоторым раздражением отметила я. Правильные черты лица. Вьющиеся темно-русые волосы, чайного цвета глаза под густыми, пушистыми ресницами и тонкие, аристократические руки. При этом великолепно сложен — развитая мускулатура придавала мужественности. Высокий.

Подобная внешность сразила бы меня наповал, но было в молодом человеке тем не менее что-то отталкивающее. Наверное, слишком раздевающий взгляд, от которого сразу захотелось куда-нибудь спрятаться...

— Простите, — проговорил мужчина, осознав, видимо, что подобное разглядывание просто неприлично.

— Ничего. Как ваши подопечные?

— Одного, самого тяжелого, уже прооперировали. Он очнулся. Простите, что не проследил за порядком — меня как раз вызвали к заведующей оформлять документы.

— А что у вас случилось?

— Эти... пиротехники услышали от преподавателя по истории про то, как перед самой Черной

войной были созданы магические бомбы с зачарованным льдом. И решили тут же создать свою. Влезли в кабинет магической химии. Взломали охрану, между прочим! Вы можете себе представить, какая там охрана? У нас?! Вот как... Как, скажите мне на милость, такой талант с такой дуростью может сочетаться?

Он возмущенно посмотрел на меня. Вздохнул, выпуская облачко пара. Надо же — похолодало...

— Взяли первый попавшийся шар для оболочки, поместили в него разноструктурный лед, — продолжил он. — И где заклинание только раздобыли?! Соответственно оболочка у них в руках и рванула. Потому что стекло не удержит такое мощное заклятие — это же известно любому мало-мальски здравомыслящему человеку! А шаров из переплавленного особым образом черного хрусталя у нас нет. И не может быть! В учебных-то заведениях!

— Я даже представить себе боюсь, насколько сложно сделать подобную сферу, — вспомнила я уроки химии в пансионе и Академии.

— И насколько опасно давать в руки этих... талантов! Поэтому подобные сферы хранятся... Ну, никак не в училищах. Как, впрочем, и зачарованный лед!

Я только покачала головой. Вот детям делать нечего... И как в живых остались?!

— Хорошо еще, — словно услышав мои мысли, проговорил офицер-воспитатель, — что додумались двоих поставить на защиту. И заклинания удалась. Осколками четверых посекло несильно. И тот, у кого это все рвануло, в живых остался.

— Родителей известили?

— Четверо — сироты. Извещать некого. А у пятого, который ими и верховодил... У того отец уже у нашего командира. Конечно, стоило мальчишку отчислить, как зачинщика. Но... Отец — генерал. Так что, думаю, все обойдется деньгами на восстановление кабинета.

Я поморщилась. Ну, конечно, высокопоставленный отец. Кто ж сына наказывать будет по-серьезному? Другое дело — сироты...

— А остальные? — спросила я.

— Тоже оставят. На испытательном сроке. Ну, и преподавателю магической химии отдадут на растерзание. Наш профессор — настоящий фанат своего дела. Практически все студенты, что попадали в его ведомство за ту или иную провинность, впоследствии становились студентами химического мага-факультета! Так что хулиганов станет меньше, а специалистов, искренне и беззаветно преданных науке, — больше. Проверено годами.

— Это правильно, — одобрительно кивнула я.

— Так что все с ними в порядке будет.

— Хвала Небесам.

— Хвала, — откликнулся мой собеседник и предложил: — Давайте я вызову экипаж, и вас отвезут домой. К сожалению, я на службе и не могу проводить сам.

— Хорошо, — не стала спорить я. — Действительно, устала.

Мы стояли и молчали. Я жадно вдыхала горьковатый осенний воздух, такой вкусный после

запаха госпиталя, пропитанного антисептиком. Офицер молча смотрел на меня. Я поймала его взгляд — и смутилась.

— Простите... — решил мужчина. — Могу я пригласить вас на ужин? Конечно, когда вы будете не заняты. И не так измучены.

— Спасибо. Но не стоит.

— Это связано с тем, что у вас кто-то есть? Или просто день тяжелый?

— Характер тяжелый, — улыбнулась я. — И день тоже...

Он улыбнулся в ответ, словно выяснил что-то для себя приятное.

Вскоре прибыл экипаж, но не наемный — как я подумала — а личный, с гербом.

— Отдыхайте, уважаемая госпожа целительница, — подал мне руку офицер. — Было очень приятно познакомиться.

— И мне, — ответила я и сообщила вознице адрес.

Когда экипаж тронулся, я сразу закрыла глаза и, уже засыпая, поняла, что так и не спросила, как зовут молодого офицера.

— Госпожа целительница! Госпожа целительница! Прибыли!

Я вздрогнула — и проснулась. Растерла лицо руками, посмотрела на озадаченного возницу, чуть улыбнулась ему.

— Да... Я поняла.

Мне помогли выйти, и я побрела до дома, в котором вот уже целых шесть лет снимала флигелек с отдельным входом. С самого выпуска из Академии.

Жить отдельно! Это такое удовольствие! Особенно после пятнадцати лет обучения: десяти в пансионе и пяти в Академии, где в одной комнате живут шесть или восемь девочек. Одиночество — благо. Великое благо и невероятная роскошь. Можно просто посидеть у камина — и, глядя на язычки пламени, задремать... Улечься на мохнатый ковер и читать, не ожидая окрика воспитательницы, что лежать читать нельзя, потому как вредно.

Гостиная с камином и кухня со столовой внизу. Спальня и кабинет — наверху... А в мечтах — накопить денег и купить эту квартиру. Или какую-нибудь другую, похожую. Но обязательно — с отдельным входом. Как здесь.

Открыла дверь. Скинула платок, вытащила шпильки из волос, потрясла головой — хорошо-то как! Стянула белый форменный передник, разулась — и отправилась спать.

Проснулась ближе к полуночи. Поняла, что выспалась и хочу есть. Решила прогуляться. Неподалеку был круглосуточный ресторанчик — я его полюбила с тех пор, как заселилась сюда. Когда же я научусь связываться мысленно? Или хотя бы приобрету кулон связи? Первое у меня упорно не получалось — не было ни силы, ни умения. А кулон... Кулон и стоил безумно дорого, и связываться мне было особо не с кем. Разве что на дом еду заказывать... Но кулона нет, поэтому я пойду пешком, никуда не торопясь и получая удовольствие от прогулки. Сказано — сделано!

Оделась, весело сбежала по ступенькам на первый этаж.

Все-таки сентябрь — мой любимый месяц. Со времен детства, которое я провела на юге Империи. Лето — это что-то невыносимо жаркое. Ночи порой такие, что мы по очереди просыпались и обматывались влажными полотенцами. Особенно в конце августа... А потом — как по волшебству — налетал ветерок. Сначала едва ощутимый, он с каждым часом становился сильнее. В воздухе разливался горьковатый аромат, и вместе с ним приходила долгожданная прохлада.

Возвращаясь с пакетами, наполненными любимыми лакомствами, я вспомнила про офицера, что приглашал меня на ужин. Хорош собой, молод. Судя по экипажу — даже титулован. И чего мне, любимой, спрашивается, надо? Даже имени его не узнала.

Тяжело вздохнула и посмотрела на золото фонарей в темном небе. Светящиеся шары, свободно летающие над головами прохожих, реагировали на звук и тепло. Если кто-то заходил в менее освещенное место — несколько золотых провожатых устремлялись за ним. Затем шарик-фонарик возвращался к остальным, на Снежный бульвар. Это очень красиво, особенно осенью, когда яркие сферы то тут, то там подсвечивают деревья, играя с листопадом в догонялки. Зимой освещение делается голубым — в тон поблескивающим снежинкам.

Три шарика летели рядом, подслушивая мои размышления и посматривая с укоризной. Да... Талантом и работоспособностью Небеса меня облагодетельствовали. А вот покладистостью характера, умением сойтись с людьми... Вот чего нет — того нет. Одиночество да интересная книжка — вот мое счастье...

Домой заходить не хотелось, поэтому я пристроилась на скамейке возле дома. Шарик стал чуть ярче, намекая, что разговор не окончен... Раскрыла сумку. Где мои дезинфицирующие салфетки? Записная книжка, документы, кошелек, пара заряженных амулетов, позволяющих быстро остановить любое кровотечение, — ни разу не приходилось пользоваться, но с первой стипендии купила один на всякий случай. Слабенький, правда. А уже с первой зарплаты врача — другой, самый мощный, что был в лавке.

И тут раздался резкий хлопок — кто-то открыл точку переноса. Я не успела ни удивиться, ни испугаться — прямо передо мной вывалилось окровавленное мужское тело. Шарик взмыли вверх и тут же опустились, став в несколько раз ярче, хотя в ладоши я хлопнуть не успела.

Рефлексы! Вот что самое главное в целителе. Я не поняла толком, что происходит, а уже, отбросив пакеты с едой, опустилась на колени перед раненым. Медленное-медленное движение моих рук от его макушки к пяткам. Мужчина, лет под сорок. Тяжелый. Состояние критическое. Рванула черный сюртук, чтобы подобраться к телу. В руках оказались амулеты: один, помощнее — к пробитой печени. Другой — к левому легкому, туда, похоже, били магией.

Так... Передать немного энергии — совсем чуть-чуть, не хватало, чтобы он от шока вскочил и побежал — видела такое. Или, перепутав меня с нападающим, не шандарахнул по мне чем-нибудь убийственным. Тоже бывает. Теперь самое сложное... Легонько коснуться разума:

— Надо встать, миленький. Надо встать. Я тебя по ступенькам не подниму.

— Целительница... — прошептал он.

— Да, я здесь. Все будет хорошо. Вставай, миленький, вставай, родной, — по чуть-чуть выдавая ему энергии, просила я. — Ты сильный, ты сможешь...

Так поднимали воинов, чтобы вытащить их с поля боя, многие поколения целительниц. Главное, чтобы поднялся. Главное, чтобы распахнул глаза, сделал еще один вздох — и захотел жить так же сильно, как мы не хотели отдавать его смерти...

Мужчина поднялся. Распрямиться во весь рост я ему не позволила, закинув руку себе на плечо, подставившись, как костыль.

Я говорила, говорила и говорила — на подкорке записанные слова заговора, сама между тем судорожно соображая, что делать.

Понятно, что счет идет на минуты — и помощь я вызвать не успею. Вот-вот исчерпает ресурс амулет на легких — а я и не поняла толком, что с ними. И такая большая кровопотеря... Просто огромная...

Об этом я думала, пока втаскивала мужчину в дом, волокла его на кухню. Да здравствует современная мода — у меня посреди помещения, занимая практически всю площадь, стоял огромный стол-монстр, такая тумба два на полтора, набитая со всех четырех сторон кухонной утварью, которой я практически никогда не пользовалась.

Сгрузив мужчину на стол, я судорожно захлопала руками, чтобы свет стал максимально ярким, открыла ящик с лекарствами, взяла бутылочку со стимулирующей настойкой — силы мне понадобятся, после суматошной ночи и подвигов в приемном покое была выжата как лимон. Метнулась к стойке с разделочными ножами и кухонными ножницами. Бросила взгляд на часы — равнодушные ко всему цифры плыли в воздухе, ярко мигая на одном из шаров. Они отсчитывали неторопливые секунды, не подозревая, что складывают их в убийственные минуты.

Так. Разрезать одежду на мужчине. Сердце сжалось на мгновение — не поранить бы. Ножницы были обычные, кухонные, с острыми концами, не приспособленные для того, чтобы быстро и безопасно разрезать одежду на пострадавшем. «Надо бы завести дома нормальные», — мелькнула мысль...

Двенадцать секунд.

Что у нас тут? Кинжал аккурат в печени, как я и предполагала. Удар практически неощутимый — жертва ничего не чувствует, пока не истечет кровью. «Четыре минуты — взрослый сильный мужчина», — у меня в ушах так явно зазвучали слова профессора, что я чуть не вздрогнула, а этого делать было никак нельзя. Я плела кружева заговоров, сращивая ткани пробитой артерии, заживляя ткани печени и, миллиметр за миллиметром, вытаскивая из тела орудие убийства.

Семьдесят две секунды.

Раненый дышит. Прерывисто, едва слышно, но дышит. Сердце бьется нервными, затухающими скачками.

Глоток настойки — мне. Чуть-чуть силы в сердечную мышцу — ему.

Теперь легкие. Что там? Внешних повреждений нет. Положила ладони на левый бок — почувствовала, что туда ударили магией. Ударили с филигранной четкостью, до миллиметра, и с нужной силой — чтобы разорвать вену и добиться того, чтобы человек захлебнулся собственной кровью. Судя по тому, как мужчина хрипел и булькал, крови набралось в легких немало.

Внезапно пришла злость. И стало чуть полегче.

Я взяла кинжал, который только что извлекла из печени, оглядела — яда нет. На миг задумалась — все же он острее, чем мои кухонные ножи, — примерилась и резким сильным ударом проделала отверстие между ребрами. Расширителя и трубки не было, поэтому я чуть провернула лезвие и позвала кровь. Она покорилась — и выплеснулась наружу.

Мне удалось! Мужчина задышал чуть ровнее. Я стала заживлять. И порванные внутри сосуды, и свой разрез.

Пятьдесят семь секунд.

Но оставалась проблема с огромной кровопотерей.

Я допила настойку, дала себе десять секунд на отдых. И выплеснула в мужчину остаток силы — все, что было, приказывая оставшейся в организме жидкости воспроизвести клетку, себе подобную. Потом еще по одной. И еще...

С интересом посмотрела на голубые цифры часов. Шар сочувственно подлетел прямо к лицу, чтобы мне было удобнее смотреть. Странно ведут себя сегодня шары — как будто они все... понимают... а ведь этого... не... может... быть...

Перевела взгляд на раненого. Поняла, что он очнулся. И кулем сползла на пол.

Столица. Чуть больше года назад.

Сентябрь. Он

— Скажи, зачем тебе это было надо? — равнодушно спросил Великий князь Радомиров у своей бывшей любовницы.

Их милый, ни к чему не обязывающий роман закончился в тот момент, когда ему наскучил.

Случилось так, что несколько дней назад князь Андрей задержался на службе, доработавшись до звона в ушах. И на следующий день вдруг понял, что не хочет видеть эту, в общем-то вполне прелестную балерину. Распорядился, чтобы его порученец составил барышне письмо с уведомлением о том, что в ее услугах больше не нуждаются. Также приме императорского балета был передан чек на более чем приличную сумму, и князь выкинул эту историю из головы.

А сегодня этот самый порученец положил ему на стол газету. В которой Великий князь Поморья Радомиров Андрей Николаевич был главным героем. Любовником.

Сначала он просто пожал плечами. А потом — когда был уже в своем дворце — понял, что там слишком пусто. И отправился к женщине. Поговорить.

Они сидели в креслах в будуаре дома, который он снимал для нее. Молчали. Князь вертел в руках газету с нашумевшим интервью.

«Правда о моем расставании с князем Р.», — гласил заголовок.

Дурочкой молоденькая балерина не была. Девушка пробивалась трудом и потом с самых низов,

всеми силами сохраняя в своей «воздушной» жизни достоинство — хотя бы видимость его. И вот такого демарша от нее Великий князь точно не ожидал.

— Зачем, Нина? — повторил он вопрос.

— Деньги, — спокойно, даже равнодушно отвечала прима-балерина Императорского театра.

— Ты думаешь, я дал бы тебе меньше?

— Что вы, — в голосе все-таки появился яд. — Щедрость вашего сиятельства... хорошо известна.

Андрей Николаевич улыбнулся. Вот знает, бестия, что больше всего в людях он ценит храбрость. Правда, еще и преданность. Но произносить это слово при содержанке, которая ему наскучила, было попросту нелепо.

Он продолжал вопросительно смотреть на нее. Нина вздохнула, поднялась. Отошла к окну.

— Глупо, наверное... — тихо сказала она. — Но у нас все было... как-то по-человечески. Не скажу — любовь. Это, конечно, сказки. А они хороши лишь на сцене. Но... вы были так... нежны. И относились ко мне... с уважением. Так было... До того самого письма, которое мне передали из вашей канцелярии.

— И вы оскорбились?!

— Да, — развернулась Нина — и с вызовом посмотрела ему в глаза.

— Ну, что ж, — поднялся князь. — Думаю, что на этом все. Дом останется за вами — я его распорядился выкупить. Желаю как можно лучше устроить свою жизнь.

— А газетчики меня пугали тем, что вы вышлете меня из столицы, — донеслось ему в спину.

Он только фыркнул.

— Вам просто все безразлично! И... мне вас жаль, — слова отразились от стен и растворились в воздухе облачком горьковатого аромата прекрасного, но ядовитого цветка.

Князь Андрей забрал фуражку с тростью у слуги и вышел, чувствуя, как прохладный сентябрьский ветер навевает ему мысли о свободе.

Он решил идти через парк. Во дворец, где обитал с самого рождения, но который со времени смерти родителей перестал быть домом, идти не хотелось. Хотелось уехать куда-нибудь с пустым блокнотом. И снова — как в юности — грифельным карандашом писать стихи, делать наброски, прятать между страниц красивые осенние листья...

Двух нападавших, что пытались убить его — МАГИЕЙ, — он уничтожил, одновременно разорвав им сердца. А вот абсолютно не магический кинжал, отправленный с истинно военной ловкостью ему в правый бок, — пропустил. Позор!

Но печалиться тому, что на него нападают военные, которых он искренне и вполне справедливо считал своими, было некогда. Метнул сгусток энергии в сторону нападавшего — и по хрипу понял, что не промахнулся.

А через доли секунды, по тому, как его скрутило невыносимой болью, понял, что первые две атаки были лишь отвлекающим маневром и основной удар — куда-то в область сердца — он опять пропустил.

Еще один вскрик. А кто сказал, что Великий князь Радомиров — легкая добыча? Да что он вообще добыча?!

Осознал, насколько все плохо, только когда стал оседать в золото листы. Да... Разрешил личные проблемы с бывшей любовницей, нечего сказать... И о стихах помечтал. Хотя бы успел — почти успел — наколдовать перемещение к ближайшей целительнице...

Потом были какие-то странные видения — наверное, от потери крови. Хорошенькая девушка в белом платке целительницы, приговаривающая над ним слово «миленький». Он все хотел объяснить ей, что уж кем-кем, а вот «миленьким» — странновато и по старинке — его еще девушки не называли. Даже такие очаровательные. И молоденькие... Но ему все равно приятно. И он слушает этот голос, не позволяющий ему нырнуть в чуть мерцающую манящую тьму... Слушает, как девушка что-то приговаривает над ним.

Потом голос исчезает... Он понимает, насколько это неправильно. Тело начинает ломить, и с резким выдохом, отдающим острой болью в левом подреберье и в правом боку, мужчина приходит в себя.

Сразу вызывает подмогу — и в маленькой квартирке становится тесно.

— Убила бы! — заявила князю личная целительница, проводя руками над его многотрадным телом.

— Что с девушкой, Тамара Ильинична?

Он сфокусировал взгляд на белом пятне на полу. Понял, что это без чувств лежит его спасительница.

— Не думай даже! — прошипела целительница. — Никаких геройств! Лежи! Швы разойдутся.

Тамара Ильинична была приставлена к нему отцом еще в раннем младенчестве. Дама — уже тогда не молодая — отличалась скверным характером, крайней несдержанностью в речи и абсолютной преданностью. Преданностью роду Радомировых и лично князю Андрею.

Пока целительница бурчала, ее руки летали над девушкой.

— Все! — тяжело дыша, заявила Тамара Ильинична. — Жизни ее и так ничего не угрожало, энергию я ей влила — дар не потеряет. Хотя мозгов бы ей еще... С другой стороны, иначе тебя было не спасти.

И она внимательно посмотрела на питомца.

— У нее оригинальный способ плетения. Девочка талантливая, очень сильная. И самоотверженная. Тебе повезло сегодня, Андрей. Как никогда повезло.

— Почему она не приходит в себя?

— Исчерпала все ресурсы. Сейчас ей нужно спать. Я распоряжусь, чтобы ее отнесли в спальню.

— Я сам! — рыкнул он. — Пусть никто не трогает!

— Тебе лежать надо! Швы разойдутся!

— Вот и придумай, как сделать, чтобы этого не случилось!

— Слушаюсь, Великий князь Радомиров, — насмешливо протянула целительница, и он почувствовал тепло, которое струилось с ее пальцев.

— И, кстати, надень ей это на руку.

И он подал целительнице браслет, стянутый с руки.

— Это же родовой артефакт энергии! — удивилась она.

— Я в курсе, — невозмутимо ответил князь. — А еще я знаю, что если бы не эта девочка, то меня бы с этим родовым артефактом и похоронили...

Он попытался встать — и у него даже получилось. Только было очень больно.

— Тамара Ильинична! — возмущенно выдохнул он. — А боль снять?

— Боль — это сигнал организма о том, что человек делает что-то не так. И человек должен прислушиваться к подобным сигналам. Нормальный человек!

Но он уже не слушал. Он склонился над бледненькой девочкой, которая его спасла. Из-под накрахмаленного платка выбилась прядь каштановых волос. Такими же блеклыми были брови и ресницы. Под закрытыми глазами залегли синие тени. Видимо, работала на износ — сутками. Чуть вздернутый нос, тонкие сухие губы — ни кровинки. Веснушки. Ногти обстрижены под корень. Еле слышный запах какого-то лекарства — никаких духов. Чем же она его так очаровывает? Что это с ним? Благодарность за спасение? Просто забота? Сердце защемило странной незнакомой нежностью.

Он вдруг ощутил, что вокруг очень-очень много народу. И начальник охраны, и следователи, и чиновник по личным поручениям. И все смотрят на то, как он разглядывает девушку, которая, кстати говоря, все еще лежит на полу.

Князь подхватил ее на руки и понес на второй этаж, где, скорее всего, была спальня. Понял вдруг, что девушка вся в крови. В его крови.

Развернулся.

— Петр Петрович.

Начальник охраны подобрался.

— Распорядитесь, чтобы прочесали Императорский парк — именно там было совершено нападение. Мне интересно, кто столь хорошо подготовился. И хотелось бы узнать, каким образом кто-то посторонний был в курсе моих передвижений по городу.

— Мне необходимо знать, — осторожно начал Петр Петрович, — каким образом вы вообще оказались в Императорском парке?

— Решил прогуляться после весьма неприятного разговора.

— Ваше сиятельство! — тихо и злобно сказал начальник охраны, сверля взглядом брата императора. Тот невозмутимо стоял на первой ступеньке лестницы, прижимая к себе целительницу. — Давайте вы примете уже мое прошение об отставке. Оно у вас год как лежит. С того момента, как его величество распорядился, что у вас будет охрана — а вы решили, что вам это все не надо.

— Кто мы, — меланхолично отозвался Великий князь, — чтобы пренебрегать приказами его величества... Вы хорошо выполняете свою работу. На сегодня все.

Следователи исчезли. Начальник охраны остался стоять, упрямо глядя на светлейшего князя.

— Все свободны. Я останусь здесь.

— Но покушение... — все-таки возразил Петр Петрович.

— Не повод изменять своим привычкам, — иронично ответил родственник императора. — Доставьте сюда новый артефакт энергии. Повторяю — все свободны!

* * *

Спасительница заворочалась и задела ему правый бок. Он тихонько зашипел и решил, что надо подниматься — еще не хватало, чтобы девушка проснулась и перепугалась. Неизвестно кто, раненый, да еще и в ее кровати.

Остаток ночи он провел беспокойно — и свежие раны болели, и дышала девушка настолько тихо, что время от времени он просыпался в страхе за нее. Лежал, прислушиваясь несколько долгих-долгих секунд... Потом склонялся над ней, словно самый нежный из любовников... улавливал беззвучное дыхание. И засыпал снова. Успокоенный.

Проснулся окончательно уже ближе к обеду.

Отправился в купальню. Конечно, он понимал, что комната, потолок которой покрывают водяные шары с горячей и холодной водой, мылом, пенками, шампунями и прочими прихотями, возможна лишь во дворцах. Но аскетизм квартиры молоденькой целительницы... произвел впечатление. Странно. Целительницы не бедствовали. Никогда. Молодая девушка как-никак...

Жители Поморья, а особенно представительницы прекрасного пола, были очень домовиты. На белоснежных накрахмаленных просторах скатертей и полотенец адели снегири и ягоды рябины. Мчались вдаль, не замечая снежной бури, стаи волков. Чем богаче и наряднее вышивка — тем лучше хозяйка.

Здесь же глазу зацепиться было не за что! Белые полотенца. Чистые, выглаженные. Но не накрахмаленные. Точно такие же он видел в Госпитале. Белые полотенца с вышитым в правом нижнем углу красной нитью гербом — волчица, кормящая своих щенков.

На этих полотенцах не было ничего. Такие продают под вышивку. Он задумался. У целительницы, конечно, времени на вышивку нет. Тем более у сильной и талантливой. Но ведь можно купить уже вышитые! Значит, это ее выбор. Просто белый. Как в госпитале...

Размышляя таким образом, попытался вымыться. Было неудобно — места мало, кусочек мыла все время выскакивал из рук. Шара с мылом или шампунем не нашлось вовсе, да и с водой их было только три. Какой-то никому не нужный, Небом проклятый аскетизм! Неизвестно по

какой причине режим жесточайшей экономии — будто ни родственников, ни мужчин...

Хорошо, что одежду ему доставили еще с вечера — личный секретарь работал, как обычно, безукоризненно.

Обыскал кухню — не нашел ни джезвы, ни кофе. Поморщился. Распорядился, чтобы ему доставили все необходимое. Вызвал целительницу. Пытаясь говорить тихо (получалось не очень, но он старался) — попросил, чтобы она все-таки сняла боль. Уверил, что понял уже, надо быть осторожнее.

Потом отправил Тамару Ильиничну наверх, проверить, что там с девочкой, которая его спасла.

И только потом приказал отчитаться следственной группе, работавшей по покушению. Следователь по особым поручениям явился в тесную квартиру целительницы, которую Великий князь Радомиров отчего-то произвел в ранг своей штаб-квартиры.

— Кто? — только и спросил князь у следователя. Они с Сергеем Ивановичем Тюленевым работали уже много лет вместе и понимали друг друга с полуслова. А Радомирова сейчас интересовал только один вопрос.

Сергей Иванович тяжело вздохнул, поморщился и нехотя ответил на вопрос о нападавших:

— Студенты. Один из Академии Наставников — факультет физической культуры. Второй — студент Академии Горных Наук. И...

Сергей Иванович запнулся.

— Продолжайте, — приказал Великий князь.

— Один из нападавших был военным.

— Это понятно. Кинжалы просто так таким образом не летают, — задумчиво проговорил Радомиров.

— Военная Академия Поморья, — только и смог развести руками следователь, прекрасно понимая, как больно слышать князю Радомирову о том, что один из нападавших обучался в учебном заведении, которое Андрей Николаевич не просто курировал, а считал его своей вотчиной.

— Кто четвертый? — перевел на него тяжелый взгляд князь. — Их было четверо.

— Ушел. — А вот за это следователю и всем оперативникам было стыдно. — Порталы перемещения строит мастерски.

— Радиус?

— Вынырнул через восемь километров от места покушения. Другой конец города. Затерялся.

— Вот объясните мне, Сергей Иванович, — князь Радомиров потер правый бок, тот вдруг заныл, — зачем это им? Люди в стране живут... Не хуже и не лучше, чем везде. Воруют, конечно, у нас... Но это, боюсь, мало исправимо... А так — любой может дослужиться до личного дворянства. Работать, правда, надо... Мы выстроили систему за годы после войны. И регулярно я вижу подтверждения тому, что она работает. Всеобщая грамотность, возможность обучаться в высших учебных заведениях представителям всех сословий.

Он обреченно махнул рукой:

— Так почему студенты? Зачем? Чего они хотят? Неужели истории, которая приключилась двадцать лет назад, не хватило? В один день убили императора с императрицей. Моего отца — начальника Службы Безопасности Поморья... И все это ради свободы! И к чему это привело?

Князь Андрей говорил тихо, словно самому себе, не отрывая взгляда от камина...

— Молодые люди что — забыли о том, что сразу же началась Гражданская война? И одновременно с ней — интервенция на наши приграничные области? Они стараются не вспоминать, как подданных Поморской Империи вырезали только для того, чтобы освободить территории?

— Ваше сиятельство... — попытался успокоить его следователь по особым поручениям, но ему это не удалось.

— Неужели студенты всерьез считают, что тогда было лучше, что это и была свобода? А сейчас, когда сытость и защищенность, — тирания?

— Дураки потому что, — проворчал Сергей Иванович. — В бою не были.

Но Великий князь его просто не услышал:

— И потом... Ладно я. Я — цепной пес, душитель свобод... И много еще что. И в большинстве случаев — это правда... Но к себе-то они так зачем? Им же жить и жить!

— Ваше сиятельство... Андрей Николаевич... Вы же понимаете, что ответов на эти вопросы нет. И нет не только у вас или у меня. Ответа на этот вопрос нет и у тех молодых людей, что пытаются вас убить. Я не беру во внимание лозунги, которыми они нас потчуют, или восторженные речи о необходимости умереть за Родину, лишь бы не оставлять ее в руках самодура. Простите. Они не находятся под воздействием наркотиков. Они не агенты наших зарубежных коллег. Они не умственно отсталые. И они практически все из дворянского сословия.

— Да... Сергей Иванович, умеете вы... утешить... А помните, после победы нам казалось, что все самое страшное — позади. Что мы сумеем все наладить. Пусть вокруг разруха, но у нас все получится...

— И все ведь получилось.

— Только чувствую я себя детоубийцей, — едва слышно проговорил князь.

— Потому что вы — в отличие от этих поборников свободы — человек, — резко оборвал его следователь. — Пусть и наделенный властью. Вы умеете ценить жизнь, в том числе чужую. А эти дети — нет.

И следователь поспешил откланяться.

Сергей Иванович предпочитал видеть высокое начальство не сомневающимся в правильности своих поступков, в бодром состоянии духа. А подобные философские страдания, несомненно, угнетали. Перед тем как воспользоваться порталом переноса — сегодня надо еще слишком много успеть сделать, — он оглянулся на Великого князя Радомирова. Тот сидел в кресле перед горящим камином. Нет, он не сгорбился, не опустил голову. Наверное, попросту не умел. Но от

него веяло такой безысходностью, что следователю стало не по себе.

«Принести ему бутылку коньяку, что ли? Выпить в медицинских целях...»

Представив, как он это делает, Сергей Иванович вздохнул — и вошел в портал.

Сам он напился позже. Вусмерть. После разговора с родителями погибших студентов.

Столица. Чуть больше года назад.

Сентябрь. Она

Как все-таки хорошо выспаться! Я потянулась в кровати. Улыбнулась — и пошла умываться. Это же надо, какие интересные сны снятся с усталости! А мужчина, которого я спасала, был очень и очень симпатичный. Потрясающая фигура... А ресницы! Наверное, в реальной жизни он бы мне понравился. И, скорее всего, я бы бекала и мекала, если бы он со мной заговорил. А потом бы сказала какую-нибудь гадость — и гордо удалилась. Чтобы потом пожалеть.

Я вышла из купальни. Отдельная купальня — целых три шара с водой, и все — только мои! Роскошь, о которой можно только мечтать! Белые полотенца — как в госпитале. Вышитые полотенца я не любила. Они напоминали о доме, семье... маме. Это слишком больно. И потом, невышитые стоили дешевле.

Вымылась, надела халат, и... Натолкнулась глазами на свою форменную одежду, покрытую бурой, спекшейся кровью. «Суточной давности», — машинально отметил мозг. Закрыла лицо руками от неожиданности.

Что-то скользнуло по запястью. Что-то, чего там еще вчера... не было. Синие, сложной огранки камни, вплетенные в кожаный шнур. Закрыла глаза, потянулась к нитям. Артефакт. Очень мощный.

Я заметалась по ванной комнате, хлопнула дверью, метнулась в спальню, зацепилась бедром за угол стеклянного прикроватного столика, свалила стопку книг, зашипела от боли — и когда я научусь не наткаться на острые углы!

— Что случилось?! — хлопнув дверью, в комнату вбежал мужчина, в котором я опознала вчерашнего спасенного.

Не сон...

Я завизжала.

— Да что случилось-то? — У мужчины, который (как я думала) мне только приснился, на лице было написано недоумение. — Вчера вы вели себя как-то... тише.

Я от возмущения перестала издавать громкие звуки.

— Сейчас... полицию вызову! — пробекала-промекала я дрожащим голосом.

— Не надо... — попросил мужчина, делая шаг назад. — Вы меня спасли, потеряли сознание. Я остался, потому что беспокоился...

— Вы кто?

— Я... — Мужчина как-то нахмурился, потом довольно улыбнулся, словно какая-то хорошая идея пришла ему в голову. Улыбка сделала его моложе и приятнее. — Позвольте представиться — Миров Андрей Николаевич. Я... полковник Министерства безопасности Поморья. У меня даже документы есть. Хотите, покажу?

— Хочу, — злобно ответила я. Первый испуг прошел, и злилась я уже в основном на себя. Мужчина мне понравился — конечно, если общение перевести из моей спальни... хотя бы в гостиную.

— А я еду приготовил, — как-то печально отозвался полковник Министерства безопасности.

— Приготовили? — с подозрением посмотрела я на него. Господа такого ранга как-то не ассоциировались у меня с людьми, умеющими готовить.

— Вы меня раскусили, — с хитринкой посмотрел на меня мужчина, и я против воли улыбнулась в ответ. — Готовить я не умею. Я все заказал. В ресторане. Все, что мог представить себе вкусного. Да... Не беспокойтесь. Стол на кухне я отмыл от крови. Это я уже сам, даю слово...

И было в его голосе столько гордости, словно он... дракона победил, по меньшей мере...

— Вы присоединитесь ко мне за ужином? — тихонько попросил он.

— Ужином? — вскинула я на него глаза, потом вспомнила кровь суточной давности на моей одежде. — Сутки.

— Да, — кивнул мужчина. — Вы спали сутки. Я переживал. Даже целительницу вызывал, чтобы вас осмотрели. Но все обошлось. Вам надо поесть.

— Хорошо, — почему-то согласилась я. — Только... переоденусь.

— Я подожду вас внизу.

Спустя несколько минут я спустилась на кухню. Стол, на котором я вчера спасала моего неожиданного сотрапезника, был завален всяческими коробочками, пакетиками и сверточками. Еще присутствовал такой букет кремовых роз, что, приди мне в голову шальная мысль его поднять, я бы наверняка свалилась под тяжестью.

Я стояла и разглядывала цветы.

— Вы не любите розы? — тихонько спросил меня мужчина, столь же неуместный в моем доме, как и эти роскошные розы со стеблями почти метровой длины.

— Не представляю, в какую емкость их поставить, — пробормотала я, ощущая себя как-то глупо. — Такое количество...

— Да... Сто одна штука. А во что цветы ставят? — так же растерянно спросил меня мужчина.

— В вазочку... Хотя сто одну штуку... Не представляю.

Мы посмотрели друг на друга — и расхохотались. М-да... Два специалиста.

— За стол? — отсмеявшись, предложил мужчина.

— Идет, — кивнула я.

Мне подали руку. Я подумала — и вложила в его теплую большую ладонь свою ладошку. Было непривычно, но очень приятно.

По запястью съехал артефакт, словно стремясь вернуться к хозяину.

— Да... — неловко обратилась я к мужчине. — Возьмите, пожалуйста. Похоже, он ваш.

И я сняла с руки браслет.

— Нет.

Мою руку мягко взяли в свою — мне показалось на миг, что он сейчас ее поцелует. Но мужчина просто надел обратно браслет.

— Он очень дорогой, — решительно проговорила я.

— Не дороже жизни, вы не находите?

Я упрямо потупилась.

— Пожалуйста, не спорьте. И вообще, давайте ужинать. Кстати, из горячего есть мясо, рыба и птица. Я не знал, что вы любите, — и заказал всего понемногу. Есть вино. Тоже разных сортов.

— Я не пью вино. Я целительница, — пробурчала я. Не то чтобы я была чем-то недовольна, просто смущалась отчаянно.

— Простите, не подумал, — расстроился он. — Я, кстати, съел ваш вчерашний ужин. Там было много чего с креветками. Я подумал — и заказал салат с ними. Будете?

— Да, — оживилась я.

Стоило увидеть еду на тарелке, как я почувствовала дикий голод. И мне как-то стало не до светских бесед. Хотя какие светские беседы. Я их никогда не умела вести...

Подняла глаза. Первый раз внимательно посмотрела на мужчину, сидящего напротив меня. Не очень высокий, но гармонично сложенный. Крупные черты поморца, ранняя седина, голубые глаза, усы чуть скрывали красивые, четко очерченные полные губы. Длинные ресницы чуть дрогнули — я поняла, что он увидел, как его беззастенчиво рассматривают.

— Как вы себя чувствуете? — спросила я. А что делать, надо же о чем-то разговаривать.

— Простите, а можно узнать, как вас зовут? Мне очень неловко, — он широко улыбнулся.

— Ирина Алексеевна, — смутилась я от собственной невоспитанности.

— А меня — Андрей Николаевич. И благодаря вам я чувствую себя хорошо. Я вообще быстро восстанавливаюсь. Так что, если уж я сразу не погиб... — насмешливо начал он.

«Сожалею, но вся ваша семья погибла»...

В голове зазвенело.

— Ирина Алексеевна! — услышала она его слова. — Простите дурака...

— Ничего... Пройдет.

Я решительно поднялась. Он тотчас же вскочил.

— Вам что-нибудь подать?

— Нет, — я замотала головой. — Да... Пить.

Он растерянно смотрел, как я открыла дверцу холодильника, нашла вишневый сок. Распечатала бутылочку — и, демонстрируя полное отсутствие манер, выпила прямо из горлышка.

Потом достала еще одну бутылочку.

Посмотрела на мужчину.

— Простите, — тихо сказала я. — Наверное, это все... лишнее.

И кивнула на заваленный стол.

— Вас тяготит мое общество?

— Не ваше конкретно. Меня тяготит любое общество. — И, не знаю почему, добавила: — Простите, Андрей Николаевич.

— Я только хотел отблагодарить...

— Не стоит. Не принимайте на свой счет... но я умею общаться с людьми, пока я их лечу. Потом... не получается. Вообще не получается. И, пожалуйста, заберите ваш артефакт. Я не принимаю таких дорогих подарков. Вы ставите меня в неловкое положение.

Мужчина посмотрел на меня внимательно, коротко поклонился — и направился к выходу.

— Артефакт, — напомнила я.

— Нет, — ответил он уже с порога. — Кстати, там на полке, где лекарства, несколько бутылочек с вашей настойкой.

Когда замок на двери едва слышно защелкнулся, провожая незваного гостя, я вздрогнула.

Столица. Сентябрь.

Чуть больше года назад. Он

— Значит, «умею общаться с людьми, только когда их лечу!» — ворчал князь, сотворив портал в Министерство. — Нет, надо было ей сказать, что я спал в ее постели, что я сутки находился рядом...

«И успел навдумывать себе неизвестно чего», — пронеслась мысль.

— Ваше сиятельство! — метнулся ему навстречу порученец.

— Дмитрий Всеволодович, биографию Ирины Алексеевны... Как ее фамилия, кстати говоря?

— Иевлева, — открыл папку порученец.

— Прелестно, — сквозь зубы ответствовал родственник императора. — Имеет отношение к генералу Иевлеву?

— Дочь, ваше сиятельство! — бодро отрапортовал подчиненный.

— Замечательно, — поморщился он от неприязни к себе, — у девочки вся семья погибла... Поставьте к дому охрану.

Взял папку из рук опешившего порученца и направился к себе в кабинет.

«Если б там еще было написано, чем ей розы не угодили... А еще лучше, какие цветы она любит. Чем ее можно порадовать?»

— Так, что там у нас? — продолжил разговор сам с собой князь. — Ирина Алексеевна Иевлева. Двадцать шесть лет. Целитель. Так. С пяти лет обучалась в пансионе для целительниц... Золотая медаль. Ага. С пятнадцати лет — столичная Академия Целительства. Красный диплом — кто бы сомневался. Сирота. Вся семья погибла в Миргороде. Сначала мать с сестрой, потом и отец. Девочка осталась жива, потому что на тот момент находилась в пансионе при Академии Целительства в столице...

Вспомнил ее растерянный взгляд, каким она обвела заваленный стол, ее небольшую чистенькую квартирку — и даже не стал читать психопрофиль — на целительниц, как на военнообязанных, он тоже составлялся. Князь попросту понял, что там прочтет: «Независима, упряма, некоммуникабельна со всеми, исключая пациентов. Связей нет».

— И какие цветы дарят девушке, которая никого к себе не подпускает?

Он помолчал, подумал, вспомнил о делах насущных:

— Начальников отделов ко мне на доклад. И как только у Сергея Ивановича будут какие-нибудь новости по покушению — тоже ко мне.

* * *

В Министерстве безопасности Поморья под командованием Великого князя Радомирова было пять отделов. Первый — отдел внешней разведки, второй — отдел борьбы с врагами внутри государства, третий — отдел пропаганды, четвертый — экономический отдел и отдел пятый — охрана первых лиц государства.

Начальники отделов были в печали. Можно сказать, в тоске. Покушений такого масштаба давно уже не было. И как-то все привыкли к мысли, что военного положения — такого, как в годы Черной войны и первые пять лет после нее, — тоже не будет. Тяжело ведь жить все время в состоянии боевой готовности, все время ожидая нападения... Расслабились. Размечтались. А вон как вынесло...

— Итак, господа, — обвел тяжелым взглядом князь Радомиров всех присутствующих, — мне вот интересно, где могли встретиться несчастные мальчишки с тем или с теми, кому они помогали убивать меня? В Поморской научной библиотеке? И почему для покушения на меня опять

завербовали студентов?

Он злобно скривился и заговорил снова:

— Вам не кажется, что у правящего рода не складывается общение со студенчеством? Двадцать лет назад они уже участвовали в убийстве императора и императрицы. А также князя и княгини Радомировых, обставив все таким образом, что в один день погибли и мои родители, и родители наследника!

Начальники отделов переглянулись. Все понимали, что — да... Виноваты. Прошляпили. И что оправдания им нет.

— И почему в Министерстве безопасности Поморья никто знать ничего не знает о том, что студенты вернулись к прежним развлечениям?

— Мы готовы подать прошение об отставке, — тяжело вздохнул самый пожилой из них — он командовал внешней разведкой еще при покойном императоре. — Этому нет оправдания.

— Не смешите меня, — оборвал его Радомиров. — Вы, значит, в отставку, в поместье, к внукам, — а я это все буду сам расхлебывать? И узнавать у ваших агентов, есть ли внешний след? И искать потоки денежных средств — потому что за меня явно кому-то заплатили? И все это я буду делать лично?!

Недобрый взгляд в сторону начальника отдела экономики:

— И вообще, я отвлек вас от важных, — это было сказано с иронией, — дел лишь для того, чтобы прояснить свою позицию по данному вопросу. Никаких отставок. Никаких истерик. Никаких интриг между отделами!

И он внимательно посмотрел на руководителей отделов по работе с внутренними врагами и охраны первых лиц. На протяжении этого года они упорно интриговали друг против друга. Все знали, что Андрей Николаевич не выносит идею личной охраны, — и начальники отделов считали необходимым демонстрировать охранникам свое «фи». Особенно старались специалисты из отдела по работе с внутренними врагами. Охранники — будучи людьми злопамятными, а магами сильными — в долгу не оставались. Вот так все друг друга и развлекали. Время-то мирное... Делать-то нечего... Вот и допрыгались...

— Ваше сиятельство! — заговорил начальник отдела пропаганды.

— Просто найдите того, кто это сделал, — прервал Великий князь говорящего. — Свободны!

* * *

Князь Радомиров подошел к окну и посмотрел на золотистый отблеск фонарей в бархатно-черной реке.

— Осень, — тихо проговорил он. — Когда-то мне осенью стихи писались лучше даже, чем весной...

— А коньяк тебе лучше было пить в какое время года? Осенью или весной? — раздался у него за спиной знакомый голос.

— Коньяк — круглогодично, — с ноткой грусти отозвался князь. — Мне сейчас действительно

не помешает напиться. Может, я что и пойму в этой жизни...

— Андрей Николаевич, что за похоронное настроение? — удивился его собеседник. — Живой же!

— Не знаю, Семен Семенович, — обратился князь к старому сослуживцу и своему другу, — не знаю. Как-то все... бессмысленно...

— Налито, — откликнулся на его философскую сентенцию друг.

Князь Радомиров подошел к огромному столу для совещаний. Взял бокал и молча выпил.

— Вот и хорошо. Вот и ладушки, — неизвестно чему обрадовался Семен Семенович, наливая еще по одной. — А теперь еще раз. И уже с положенным тостом.

— Будем жить! — тостом, положенным на фронте, отозвался сослуживец.

Третьим тостом они помянули всех, кто не дожил.

А там и бутылка закончилась.

Князь Радомиров вызвал ординарца, распорядился подать еще коньяку.

— Кстати, ты ужинал? — спросил его Семен Семенович.

— О... — язвительно отозвался князь. — Я сегодня почти обедал. Мне хватило.

— Понятно, — протянул его друг. — И кто она? Балерина? Актриса? Слушай, а вот почему ты с оперными певицами любовных связей не заводишь? Они очень даже... ничего. С формами! А у балерин — плохой характер. От голода...

— Это не актриса и не балерина. Все гораздо хуже...

Они подождали, пока постучавшийся ординарец войдет и оставит коньяк. Семен Семенович распорядился подать также и ужин.

— Хуже? Насколько?

— Она — целительница. И ей не понравились розы, — печально сказал Радомиров.

— Может, ландыши? — едва слышно сказал его друг. — Лена их любила...

И князь Радомиров внимательно посмотрел на генерала Макарова.

Война... Время, когда кожей чувствуешь каждое мгновение прожитой жизни. Когда сходишь с ума от простых, казалось бы, вещей просто потому, что знаешь — может быть, уже завтра от всего этого не останется даже воспоминаний... От куска хлеба, от рассвета, до которого все-таки дожили, от глотка свежего воздуха. От близости с женщиной. От любви, которая случилась так не вовремя. Семен Семенович Макаров — тогда еще не генерал вовсе... И Елена. Его Лена. Макаров, так и не узнавший в ту безумную весну, кто она такая. Только то, что Лена любила ландыши и его, Семена.

Ее гибель — такая нелепая...

Сколько лет прошло — а боль не оставляет...

— Все пьете? — раздался с порога негодующий бас.

Генерал Макаров и Великий князь Радомиров вытянулись по стойке смирно — их посетил император. Да еще и в сопровождении военного министра, графа Морозова.

Граф, старинный приятель еще покойных императора и императрицы, насмешливо посмотрел на смежников.

— Я вот не понимаю... — гневался повелитель. — Вот почему вы пьете на рабочем месте? Что за безобразия? Что за вопиющее нарушение? Почему меня не позвали? Какое имели право обойти уважаемого Павла Афанасьевича!

И император кивнул на своего спутника, который, уже не сдерживаясь, улыбался. Благо — за густыми усами и роскошной седой бородой заметно этого практически не было.

— Простите, ваше величество, — протянул генерал Макаров. — Мы не осмелились беспокоить...

— Вы даже не вспомнили про нас, — пробурчал император. — Вот как что-то надо вашему драгоценному Министерству — так от вас не отобьешься. А как водки выпить... Или что там у вас?

Отправили ординарца еще за одной бутылкой. Император величественно затребовал себе нарезанного лимончика к коньячку. И они продолжили... Уже вчетвером.

* * *

Князь Андрей несколько раз прокручивал в голове варианты встречи с целительницей. Но не ожидал, что она смущенно улыбнется и проговорит:

— Как хорошо, что вы пришли, Андрей Николаевич. Я вчера вам нагрубила и переживала всю ночь. Простите меня.

В воскресный день, видимо, в честь выходного, одета она была не в белое, а каштановые волосы заплетены в две косы, а не стянуты шпильками на затылке.

Князь вспомнил, как ночью вытаскивал шпильки из ее волос — ему почему-то показалось, что ей сразу станет легче, когда он это сделает...

— Я принес вам ландыши, — ответил он невпопад.

Ее хорошенькое личико осветилось такой радостью, что ему пришлось призвать на помощь все свое самообладание и здравый смысл заодно, чтобы не обнять ее прямо здесь, на пороге.

Столица. Чуть больше года назад.

Сентябрь. Она

Я так обрадовалась тому, что обнаружила Андрея Николаевича у себя на пороге, что даже

забыла задуматься — откуда эта радость.

— Могу я пригласить вас на обед? — спросил он.

— Хорошо, — улыбка так и не желала уступить место моей обычной сдержанности. А еще эти ландыши... Крохотные белоснежные колокольчики. Может, это их беззвучный перезвон меня околдовал? Я ведь не хочу — а улыбаюсь...

Я закрыла глаза, чтобы еще острее ощутить аромат.

— Это просто чудо какое-то! Где вы их раздобыли?

— Ох... — вздохнул он как-то печально. — Хотел бы я ответить, что исключительно подвигом. Но это будет неправда, — он говорил серьезно, но в голубых глазах резвились смешинки.

— А как же? — я не могла отвести взгляда.

— Тиранией своего отдела. Мне раздобыли корневища — и всю ночь пытались вырастить ландыши. Я вспомнил все, что проходят в школе по ботанике.

— Про то, как заколдовать воду для полива растений? Я тоже это помню! Даже помню картинку из учебника... Спасибо, — тихо сказала я.

— Обед, — напомнили мне.

Я взяла жакет, надела небольшую шляпку — модную, даже с вуалью, закрыла дом.

— Я могу взять вас за руку? Просто мне хочется пообедать в моем любимом месте — а это далеко. Не в столице. Туда надо выстроить портал.

— Хорошо, — и я протянула ему руку.

Раздался хлопок.

Я открыла глаза. Перед нами была серая громадина старинной крепости, похожая на свернувшегося в кольцо огромного дракона. Круглые башни гордо возносились в прозрачное небо. Солнце чуть золотило листья деревьев, что росли вокруг.

— Вам здесь нравится? — осторожно спросил Андрей Николаевич.

— Очень красиво, — выдохнула я. — Это которая из Северных крепостей?

— Это Борек.

— А можно забраться на башню? — жадно оглядывая окрестности, спросила я.

— Конечно, — улыбнулся он.

— Всегда хотела путешествовать... — мечтательно проговорила я, когда мы уже забрались на самый верх по лестнице, что вилась «дымом», огибая башню по кругу. Я смотрела, стараясь запомнить то, что вижу, навсегда — зеленеющие поля, золотой лес, синее-синее озеро неподалеку. Ощущение свободы. Небо, которое внезапно стало так близко и которое принадлежало нам одним.

Мы долго стояли молча, закутавшись в безмолвие, как в теплое одеяло... Счастливые от того, что были здесь одни... Как дети, которые нашли что-то интересное, и теперь у них был свой секрет. Своя тайна.

— Я здесь бываю время от времени. Забираюсь на эту башню... И думаю... — вздохнул Андрей Николаевич.

— О чем? — не отрывая взгляда от головокружительной перспективы, спросила я.

— Как правило, что было бы, если бы... — не очень понятно ответил он. Но я не стала уточнять. Со мной поделились Секретом, мне доверили Тайну — этого было достаточно...

— Хорошее место. Очень.

— Сюда хорошо приезжать весной, когда прилетают лебеди. Тогда я впервые здесь побывал. Все других цветов... И вода, и небо, и зелень... Только камни такие же — серые.

Я молчала и думала о том, как ненавижу весну. Весной мне сообщили, что теперь я одна на всем белом свете. Весна унесла с собой всех, кого я любила. Сделав над собой усилие, глубоко вдохнула сладкий осенний воздух и крепче прижала к себе маленький букетик — белый флажок примирения...

После того воскресенья мы стали встречаться. Не так часто, как хотелось. У меня было много работы. Да и у него, как я понимаю, не меньше. Одно было неизменно — он встречал меня после каждого дежурства. И провожал домой. Вечером, правда, не всегда. Как получалось... А вот утром, когда я выходила из госпиталя — когда бодрая, подрагивая от щедро разлитого по венам адреналина, когда неживая, подремывая от усталости... Он ждал меня на противоположной от госпиталя стороне проспекта.

Мы много говорили по кулону-переговорнику. Он мне его вручил через несколько дней знакомства. В этом случае я столкнулась с потрясающим упрямством. Как ни пыталась ему объяснить, что он ставит меня в неловкое положение, что я не могу принимать такие дорогие подарки... Все было бесполезно. Как и в случае с артефактом. Он согласно кивал в ответ на мои слова возмущения. А потом я обнаружила кулон на столике в прихожей. Андрей Николаевич же связался со мной — как ни в чем не бывало...

В следующие выходные он пришел и предложил отправиться на юг.

— Вы видели водопады в ущелье Фа-Го? — спросил он.

И я радостно закивала:

— Отец возил нас туда — мы жили неподалеку. С детства их люблю!

— Отправляемся? — протянул он руку.

На юге Империи было еще совсем тепло — как будто и не осень. Мы любовались звенящим водопадом в горах — огромный камень, чем-то похожий на сердце, омывали струи воды и падали в пропасть.

— А вы помните сказку о том, что этот камень — сердце колдуна? — спросила я Андрея Николаевича.

Полковник насмешливо фыркнул. В романтические сказки, как я поняла, он не верил. А я вот их любила... И поэтому сказала, улыбаясь:

— Вот зря вы так! Местные жители помнят легенду о могущественном колдуне. Он полюбил красавицу. Но девушка не ответила взаимностью — и погибла при очередной попытке сбежать от него... Тогда колдун превратился в этот камень.

— Девушек ему по округе было мало, что ли? — проворчал Андрей Николаевич.

— Значит, она была той самой, единственной, — тихо сказала я. — Мне всегда было жаль колдуна.

— Он — глупец.

— Он полюбил. И не смог отпустить. И пережил такую муку — узнал, что из-за его чувств погиб человек... Любимая...

Андрей Николаевич зафыркал, пытаясь сдержать смех.

— Вы не пробовали писать сказки? Про магические миры, которые столь популярны среди молодежи последнее время?

— Я их не пишу! — Возмущению моему не было предела. — Я их читаю. И очень-очень люблю!

— Простите. — Он уже смеялся в открытую. — Вы такая серьезная. Такая...

И он с такой нежностью посмотрел на меня, что злиться на него было невозможно.

А через неделю мы отправились на север, на спящее подо льдом озеро Зоркое — самое большое на нашем континенте.

— Вам не холодно? — обеспокоенно спрашивал он. Я только отрицательно качала головой. Ко мне он пришел с таким количеством меховой одежды, что сейчас, надев ее, я ощущала себя неуклюжим тюленем.

Солнечный день, сверкающие ледяные глыбы... Мороз.

— Вы знаете, — хитро улыгнувшись мне, — в этих краях тоже есть легенда...

— И о чем она? — замерла я в нетерпении.

— Все не так мрачно. Здесь красавица-река убегала от сурового отца к любимому.

— И ей это удалось?

— Нет. С тех пор две реки обречены вечно убегать друг от друга. Легенда объясняет тот удивительный факт, что озеро обладает двумя круговыми течениями, которые движутся в разные стороны. Именно здесь добывают структурный лед.

В тот день мы обгорели — на лице остались непострадавшими лишь светлые пятна от очков, спасающих глаза от солнца. Мы их все-таки догадались нацепить. Андрея Николаевича я вылечила быстро — а вот себя тяжело. На следующий день пришлось обращаться к дежурной.

Вот так в моей жизни появился... Еще кто-то. Кто-то, с кем я чувствовала себя счастливой...

Меня поражало, с какой легкостью он строил для нас порталы. Андрей Николаевич услышал, должно быть, мои тихие слова о том, что я всегда мечтала путешествовать. И воплотил мою мечту в жизнь. Это было так тепло, волшебно, непривычно... Кто-то что-то делал для меня. Для меня одной! Кому-то каждый день было не все равно, как я его прожила...

Я доверяла выбор маршрутов ему. Попросила только однажды — мне нестерпимо захотелось побывать в Мирограде — самом восточном городе Поморья. Городе, обороной которого командовал мой отец. Где погибла вся моя семья.

Судьбе было угодно, чтобы я осталась в живых... Я никогда — при жизни моих — не была в Мирограде. Отца перевели туда перед самой войной — с юга Поморья, где прошло мое детство. Пока генерал Иевлев перебирался на новое место службы, мама с сестрой поехали в столицу — проведать меня в пансионе.

— Как ты, солнышко? — все спрашивала мама, что печалилась от разлуки больше меня самой. Она держала меня за руки и все заглядывала в глаза. Я же... настолько была под впечатлением от того, что магия целительниц мне подчиняется, настолько была... увлечена собой, что просто отмахнулась...

Как я? Замечательно! У меня же все получалось... Я почти умею лечить. И почти полноправная целительница!

Мама и сестра уехали к отцу — договорившись с начальницей пансиона, что заберут меня на зимних каникулах и будут навещать как можно чаще...

И все... Дальше была только война.

Для меня навсегда останется загадкой — почему отец не смог эвакуировать маму и сестру. Хотя... общественными порталами было пользоваться невозможно — транспортная система рухнула — интервенты озаботились. А ехать через всю страну, охваченную смутой...

Так что... Я была в Мирограде один раз — на открытии памятника отцу. И вдруг захотелось увидеть город таким, каким видели его они до войны, — океан, накатывающий на набережную, улыбающиеся люди. Ветер приносит звуки духового оркестра — играют модный вальс.

Я закрываю глаза... Мне кажется — еще немного — и я увижу маму. Сестру с ее всегда идеально уложенными локонами. Отца. Его фигуру с безупречной выправкой...

Сцепила руки — не плакать. Почувствовала спиной, как Андрей Николаевич сделал полшага ко мне и замер, почти касаясь.

— Подумайте о том, что часть их всегда с вами, — едва слышно сказал он мне на ухо. — Они радуются вашему счастью. Огорчаются вашим слезам... Они с вами — почувствуйте их... Это такое горькое... утешение. Но это единственное, что у нас с вами есть...

И я растворилась в этом городе. Я поверила, что мои рядом. Я танцевала вальс с Андреем Николаевичем. Потом мы ужинали в ресторанчике «Дары океана». Я смеялась. И они... Они были рядом — я их чувствовала! И они... Они были счастливы за нас.

Осень пролетела незаметно, и белоснежная зима торжественно вступала в свои права. На каникулы Андрей Николаевич убывал в командировку, на все праздники — он недовольно

морщился, сообщая мне об этом.

Я огорчилась, но постаралась не подать виду. Отправилась к заведующей — и собрала себе все возможные и невозможные дежурства на праздники. А что? У меня все равно эти дни свободны — зачем людям, у кого есть с кем праздновать, настроение портить?

Столица. Почти год назад. Январь. Он

Великий князь Радомиров Андрей Николаевич наблюдал за яркими парами, порхающими под звуки вальса.

Снежный бал! Снежный бал! Снежный бал во дворце! Все блестит, все сияет — мерцает, горит, переливается...

Он смотрел вокруг и думал только об одном: понравилось бы ей все это? Наверное — да. Еловые гирлянды, украшенные вырезанными из искусственного льда зачарованными мерцающими снежинками, создавали сказочное настроение. Снегири на них сидели не настоящие — всего лишь трехмерная иллюзия, сделанная лучшими магами. Настоящие птицы могли испортить дамам платья... Но его целительница наверняка бы поверила! Вряд ли она видела трехмерные иллюзии когда-нибудь. А вот хвойный аромат был настоящим. Ей наверняка бы понравилось, как и белоснежные волки, запряженные в сани для катаний по шесть, а то и по восемь в упряжке. Ради увеселительных прогулок их специально пригласили. И цыган выписали. Интересно, ей бы понравились цыгане?

Он вспомнил, как сказал Ире, что «убывает в командировку». В позолоченной массивной раме огромного зеркала гримасой боли исказилось его собственное бледное лицо. Пришлось сосредоточиться на том, чтобы сжавшиеся пальцы не переломили тонкую ножку бокала с шампанским...

Он солгал.

Конечно, Великий князь понимал, что это все — его обязанности. Как родственника императора. Но видеть всех этих людей... было как-то особенно невыносимо. Он не любил придворных, считая их бездельниками и нахлебниками. Они же не любили его, считая грубияном и самодуром.

Этот вечер и эту ночь ему хотелось провести с Ирой.

Ира... Моя гордая и нежная девочка... Что же нам с тобой делать?

Она с такой радостью улыбалась, когда его видела, что Великий князь по-черному завидовал Мирову Андрею Николаевичу, которого сам же и выдумал. Если бы он был этим персонажем... Как бы все было просто. У него уже была бы невеста... Месяц — и жена...

Как совместить эту девочку с высшим светом? С лицемерием и ненавистью, которыми она будет встречена? С его настоящей жизнью? С его ложью о том, кто он есть? Как совместить эти две разные плоскости бытия? Два противоположных течения озера Зоркого?..

Если бы можно было оставить все, как есть...

— А не выпить ли нам по коньяку? — обратился к нему старый друг покойного родителя —

граф Морозов, военный министр. — В конце концов, мы с вами лица высокопоставленные — и не обязаны терпеть эту... шипучку.

Князь Радомиров посмотрел на него с благодарностью. Вот это человек — настоящий военный! Понимает...

Как по волшебству появились бокалы с правильным напитком. И они поспешили отойти в угол бальной залы — чтобы постараться найти в этом вечере хоть что-то хорошее.

— Трезвым терпеть все это увеселение было бы невыносимо, — пожаловался ему военный министр. — К тому же хочется залить уши воском, чтобы не слышать весь этот бессмысленный треск, который здешние люди считают за разговоры.

Музыка на мгновение стихла — и до них долетели слова:

— Посмотрите, как князь Варейский смотрит на графиню Дубовицкую...

— Его что — вернули ко двору?

— Да, бедный мальчик пострадал — кто же знал, что глупышка, которую он похитил, не понимает, что такое романтика и хороший тон?

— Да... жаловаться Великому князю — это просто... бестактно!

Военные скривились одновременно.

— Зачем вы позволили этому юноше возвратиться в свиту наследника? — Небрежный кивок военного министра в сторону молодого князя Варейского, который кружил в вальсе очаровательную графиню. — Не думаю, что он может оказать благотворное влияние на Александра Александровича.

— Приказ императора.

Великий князь допил коньяк. И кивнул, подзывая слугу.

— Будь моя воля, никто бы из этих бездельников и близко бы к наследнику не подошел, — проворчал граф Морозов. — Один — поэт. Восторженный мистик! Кто знает, какие у него мысли в голове!

— Молодой Соколов! — рассмеялся князь Андрей. — На мой взгляд, он самый безвредный из всех. И, кстати, очень талантливый.

— Как маг — пустышка.

— Не соглашусь. Он слабее, чем наследник. Или Алсапов. Но, однако, сильнее, чем многие мои или ваши офицеры.

— Алсапов, — недовольно покачал головой военный министр. — По-моему, верить этому роду — дурной тон.

— Однако Радомировы им верят уже несколько сотен лет. И пока не обманулись.

Подошедший слуга налил им еще коньяку — и вельможи продолжили разговор.

— А что вы скажете про Волкова? — усмехнулся в густые усы граф Морозов.

— Увы... — развел руками князь. — К сожалению, ничего хорошего. У него — последнее предупреждение от государя-императора. Еще одна попойка с дебошем — и он будет отлучен от двора. В прошлый раз только мое заступничество — каюсь — помогло ему этого избежать.

— Все знают, что вы с его отцом большие приятели...

Князь Андрей кивнул.

— Эх... Вот вы с его величеством в их возрасте... — проворчал военный министр.

— Под вашим руководством войну выигрывали, — поддержал его Великий князь, чувствуя себя... просто старым.

— Хоть при деле были, — усмехнулся Морозов.

— М-да... Кстати. — Андрей Николаевич вспомнил, что так и не обговорил с военным министром вопрос, который его волновал. — Надо усилить работу с кадетами в военных академиях. Как-то молодые люди... разболтались.

— Если вы о покушении, то мы провели тщательную проверку.

— И что она дала?

Граф поморщился:

— Они совсем не понимают слов «завтра» и «будущее». Усмехаются, когда им говорят, что они испортят себе жизнь. Отеческие наставления вызывают лишь насмешку. А физические наказания отменили!

— Понятно, — кивнул Великий князь.

— Увеличим нагрузку, чтобы некогда было думы разные выдумывать. Так же посоветуем поступить в гражданских учебных заведениях.

Музыка опять стихла — и до них снова донеслось щебетание придворных.

— Вы знаете, — радостно говорила молоденькая фрейлина — из новеньких. — А над женой генерала Лютаева мы все-таки подшутили!

— И как — розыгрыш удался? — спросила у нее графиня Снегирева.

— Шутите? Когда он получил грамоту величайшего рогоносца, да еще и с намеком, чьей любовницей является его обожаемая супруга... Он был вне себя...

— А она что... правда с императором?

— Нет, конечно... Она столь провинциальна, что любит своего мужа.

Счастливый, нежный, звонкий смех утонул в беззаботной музыке. И снова закружились пары — юбки, туфельки, прически, мундиры, усы, бакенбарды, перчатки, эполеты, веера. Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз...

— Вы знаете, что мой подчиненный подал рапорт — и отбыл в свое поместье, — негромко сказал граф Морозов. — Вот, значит, кому я обязан тому, что толковый человек покинул свой пост.

— Надеюсь, он не поверил во весь этот бред, — тихо сказал князь Радомиров, который был самой первой жертвой подобных увеселений.

— Не знаю как к студентам, — прорычал военный министр, — а вот к этим бездельникам я бы метод физического воздействия применил!

Великий князь лишь пожал плечами.

Идею подобных розыгрышей подала императрица. Собственной персоной. И для своего первого развлечения она выбрала его, Великого князя Радомирова, двоюродного брата ее мужа. До этого он относился к ее величеству безучастно, хотя и с некоей долей уважения. Но однажды, года три назад, к нему в кабинет в Министерстве явилась смущенная и негодующая девица — из новых придворных дам ее величества. Кстати говоря, девица эта ему как раз нравилась. Она общалась со всеми, умудряясь глупо не хихикать...

И в тот раз она не хихикала. Она была в странном настроении — смеси негодования и смущения. Добилась приема. Кинула ему на стол официальный бланк Министерства.

— И что это значит? — прошипела она.

Князь с интересом взял бумагу и прочитал. Приказ фрейлине ее Величества, урожденной княжне Льдовой, приступить к обязанностям любовницы Великого князя Радомирова.

Он поднял глаза. Его недоуменный взгляд столкнулся с ее возмущенным.

— Какая гадость, — неторопливо протянул он. — Надеюсь, вы не решили, что я имею к этому хоть какое-то отношение?

Девица потупилась.

— Единственно, что мне интересно, как эти... шутники раздобыли мой незаполненный министерский бланк.

Потом они с княжной Льдовой — и ее женихом, пришлось и его посвящать в интригу — затеяли целое расследование.

— Зачем? — спросил он у императрицы, когда все узнал. Придворные, которые в этом участвовали, были уже отлучены от двора.

— Скучно, — отвечала она ему.

Ей было скучно. А идиотская идея прижилась...

Он дернул щекой, представляя в роли жертвы розыгрыша Иру. Или его в роли генерала, получившего письмо об измене...

И вот что ему теперь делать? Он привязался. Он — надо, наконец, признаться самому себе — полюбил...

Соблазнить ее — и сделать своей любовницей — не позволяла совесть. Женой... Да... Женой

Великого князя Радомира — наверное, здравый смысл. И любовь к ней...

Самое мудрое, что он мог сделать, — это оставить девочку в покое...

Тут он представил, что не подойдет к ней больше, не заговорит. Что в ее серых глазах поселится тоска. Или ненависть к нему — если обставить прощание как положено, с привлечением его как бы новой пассии...

— Прошу прощения, ваша светлость, — обратился он к графу Морозову, который тоже задумался о чем-то своем. — Но мне придется вас покинуть.

И... князь Радомиров сбежал с бала. Ничего, пару часов они тут точно без него обойдутся. В свой дворец — переодеться — он же не сможет появиться перед ней в белоснежной парадной форме с золотыми аксельбантами и россыпью орденов. Придется переодеться. А еще надо отнести поесть — наверняка она забыла.

Так он и появился в госпитале — в обычном черном кителе без знаков отличия и с корзинкой, полной еды.

— Чем мы можем вам помочь? — привстала навстречу целительница, увидев форму. — У вас что-то случилось?

— Понимаете, — обратился он к ней. — Я бы хотел увидеть Ирину Алексеевну Иевлеву. Она сегодня дежурит.

— Вам ее вызвать?

— Не нужно. Я не болен. Просто осенью... Она мне спасла жизнь. Я бы хотел поздравить ее с праздником.

— Вообще-то не положено...

— Пожалуйста.

— Ладно, проходите, — во взгляде читалось и одобрение, и интерес, — только тихонько. Вас проводить?

— Я знаю, куда идти, — он отрицательно покачал головой. Действительно, сразу как узнал, где работает Ира, тщательно изучил план здания. Пути подхода, отхода. Эвакуации... И где находится ординаторская отделения травматологии, ему было тоже известно.

Он тихонько постучал.

— Открыто, — раздался ее голос.

— Ирина Алексеевна! Добрый вечер.

На мгновение ему показалось, что она бросится ему в объятия. Но Ира смешалась, остановилась. Завела руки себе за спину, словно опасалась, что они ей не подчинятся.

Только глаза горели таким счастьем...

— Как вы? Откуда вы?

— Сбежал, — признался он. — Буквально на час... Решил вас поздравить. И покормить заодно.

— Я скучала, — призналась она.

— Я тоже, — вздохнул он. — Ужинать?

Быстро распаковали корзинку, достали все.

Он разлил по бокалам ее любимый вишневый сок.

— С праздником.

— У меня есть для вас подарок.

— Странное совпадение, — улыбнулся он. — У меня для вас — тоже.

Столица. Почти год назад. Январь. Она

А еще я не любила праздники. Детство, конечно, не в счет... Тогда была вера во что-то чудесное. Грезы. Надежды. Искрящаяся радость.

Потом я смогла устроить свою жизнь. Только праздники по-прежнему не любила...

Эти, Зимние, не были исключением.

До того момента, когда Андрей Николаевич постучал в дверь ординаторской.

До того, как я подарила ему на Зимние праздники самый мощный артефакт, останавливающий кровотечение. А он мне — защитный амулет, выполненный в том же стиле, что и артефакт энергии, который он отдал мне за свое спасение.

Уходя, он попросил разрешения пригласить меня на завтрак.

— Я, конечно, понимаю, насколько вы будете вымотаны, но так хочется встретить это утро с вами...

Ответила согласием.

В последнее время мне казалось, что между нами есть какая-то недоговоренность. Что-то он мне пытался то ли сказать, то ли, наоборот, не говорить. Это все рождало странную печаль в глазах, когда он смотрел на меня.

Чаще всего я совершенно не помнила об этом, но иногда...

Иногда — но не сегодня.

— Море? — с изумлением выдохнула я, оглядевшись по сторонам.

— Море! — весело ответили мне. — В этой бухте оно никогда не замерзает. Это юг Поморья.

Я огляделась. Большой деревянный дом, терраса нависает прямо над волнами. От перспективы у меня захватило дух.

— Где мы? — спросила я.

— Это мой дом... На юге.

— Еще одно любимое место?

— Самое любимое...

Мысль о том, что, наверное, не совсем прилично оставаться наедине в его доме, мне в голову как-то не пришла. В моем же мы оставались...

— А как спуститься вниз? — мне стало весело.

— А как же завтрак? — передразнил он.

Я жадно смотрела на волны.

— Хорошо, — смирился Андрей Николаевич. — Море так море. Только ступеньки крутые. Осторожнее.

Я сидела на камне, опустив пальцы в воду. Отогнать меня от воды у Андрея Николаевича не получилось. Зажмурившись, вдыхала солоноватый запах моря, слушала рокот набегающих на берег волн.

— Море мне снилось, — вырвалось у меня. — Родители и сестра — нет. А вот море... Каждый раз, когда я вспоминала, как когда-то была счастлива, мне снилось море. Только не северное, не то, что в столице. Оно другое. И запах. И ощущение от него. Я, уже когда стала работать, в выходные как-то поехала на залив. И... сказки не получилось. А это... Это чудо!

Открыв глаза, я посмотрела на Андрея Николаевича. У него было какое-то странное выражение лица.

Я торопливо стала подниматься с камня:

— Я вас задерживаю... Простите.

Мне подали руку.

— Вы? — удивился он. — Нет. Просто я задумался.

— Пойдемте завтракать...

А потом мы поднимались вверх по ступенькам, и он меня почти обнимал. И я не протестовала, потому что мне было настолько хорошо, что я боялась верить в происходящее.

...Я проснулась на диване в гостиной. Помню, мы сидели в креслах у камина, разговаривали о чем-то, смеялись...

Андрей Николаевич остался спать рядом. Он сидел на полу, откинувшись спиной на диван. Наши головы практически соприкасались... Я пригладила свои распущенные волосы. Надо же — он даже расплел косы...

«И что мне со всем этим делать?» — подумала я. Хотела подняться и выйти на террасу — к

морю. Но мужчина оказался так близко. Дыхание ровное, спокойное. Длинные ресницы, на которые я обратила внимание еще в нашу первую встречу... Неожиданно для себя дотронулась кончиками пальцев до его щеки...

— Ира, — улыбнулся он сквозь сон.

Я смутилась — и убежала на террасу...

— Как вы ощутили, что можете лечить людей? — он подошел неслышно, встал у меня за спиной в своей привычной манере — на полшага позади. Вроде бы и рядом, но и не со мной. Поймала себя на том, что хочется чуть податься назад, чтоб коснуться, словно бы и невзначай...

Солнце алым полукругом собиралось погрузиться в море. День промелькнул так незаметно, что хотелось просить каждую минуту — не уходи...

— Дом, в котором мы жили, был весь облеплен ласточкиными гнездами. Каждый год кто-нибудь из гнезда выпадал. Знаете, ласточки избавляются от слабых — их просто выталкивают... Сколько мы с сестрой рыдали над каждым птенцом — не передать... А однажды — мне только-только исполнилось пять — я подняла испуганного птенчика, поделилась с ним теплом, добавила силы в крылья... И приказала — лети! А вы? Как вы стали военным?

Он неожиданно поморщился.

— Военное училище в нашей семье — это традиция. Это не обсуждается. А чрезвычайные ситуации — куда ж без них в нашей стране... Надо же кому-то все разгребать. Простите...

— А чем бы вы хотели заниматься?

Он задумался, потом ответил:

— Наверное, тем же самым... Только иной раз хочется, чтобы это был мой выбор. Хотя бы иллюзия выбора.

— Надо отправляться домой, — проговорила я едва слышно.

— Вы замерзли? Я принесу вам плед.

И он действительно вернулся с огромным серым пледом.

— Позвольте?

Я развернулась к нему спиной и сделала этот самый маленький шаг назад, о котором мечтала. Замерла, почувствовав его руки на своих плечах. Стала заворачиваться в плед, постаравшись коснуться его ладоней. Словно бы и невзначай.

— У вас руки совсем замерзли... — и его ладони накрыли мои. Глаза закрылись сами собой. И я замерла — только сердце бешено колотилось. Но унимать его почему-то не хотелось...

Крикнула какая-то неугомонная птица. Я вздрогнула.

— Мне все-таки пора, — прошептала я.

— Хотите, я сварю вам кофе?

Я хихикнула, вспоминая нашу беседу о приготовлении ужина.

— Вот зря вы так! Я готовить не умею. А кофе варить — вполне! — обиженно проговорили у меня над головой.

— Хорошо, — улыбнулась я. — Кофе — и по домам. Завтра на работу. А я еще и дежурю.

— А вы уснете? После кофе? Он крепкий.

— Целитель — это такой человек, который засыпает, как только тело приобретает устойчивое положение в пространстве.

— Тогда пойдемте в дом.

И Андрей Николаевич выпустил меня.

— Так вот откуда в доме появилась джезва, зерна кофе и кофемолка. — Я внимательно наблюдала, как он священнодействовал.

Он лишь улыбнулся:

— Не хотел вас оставлять, но дел было много. А без кофе я очень плохо соображаю.

— То покушение, — проговорила я. — Их поймали?

— Одного — нет. — Он как раз разливал кофе по небольшим белоснежным чашечкам костяного фарфора. — Но не сказать, чтобы мы плохо старались. Пойдемте к столу? Может, вам молока подать? Только я не уверен, что оно тут есть...

— Не беспокойтесь.

— Вам не нравится кофе? — спросил он через какое-то время.

— Я не знаю, нравится он мне или нет. Очень горячий. Я не могу такой пить.

Андрей Николаевич хотел, видимо, что-то спросить, но я поднялась с кресла — он немедленно тоже поднялся.

— Зачем вы это делаете? — спросила я.

— Что именно?

— Вскакиваете, когда я встаю.

— Не знаю...

Он удивленно посмотрел на меня.

* * *

— Это был один из лучших дней в моей жизни, — тихонько сказала я, когда мы прощались около моего дома.

— И в моей... тоже, — отозвался он и протянул мне руку. Я подала свою. Он галантно, как-то по-придворному склонился и поцеловал мою ладошку.

Столица. Почти год назад.

Конец января. Он

Настроение было ужасным — уже трое суток Андрей Николаевич был в командировке. В очередной раз убедился: как ни проверяй, все ли готово к зиме, — все равно она придет неожиданно. Как будто наместники никак не могут привыкнуть, что Поморье — северная страна. И ведь так искренне каждый раз удивляются и метелям, и заносам, и тому, что дома отапливать надо. И чем севернее губерния — тем искреннее удивление от капризов погоды. Может, чиновников надо целительницам показывать — а то все забывают, что зима придет... Что будет суровой — как и положено в данном регионе, если вспомнить простейший курс школьной географии. Что снег все равно выпадет. И что его необходимо будет убирать...

Так что трое суток он носился по региону — и пугал. Проверял. Гневался. Потом на заключительном совещании уже спокойно сообщил, что его императорское величество разрешил ему, своему доверенному лицу, оформлять конфискацию имущества в пользу казны.

— Так что, господа, если вы не изыщете средств, чтобы нормально пережить эту зиму, без очередных бедствий и чрезвычайных ситуаций, то их изыщу я лично.

Они как бы клялись, он как бы верил. Казалось бы — театральное действие. Однако действовало же! С тех пор, как он взял за практику методично объезжать и пугать, — количество экстренных мероприятий стремительно сократилось. Но только Небеса знают, как же ему все это надоело...

В столицу пришли снегопады. В этот раз какие-то особенно снежные...

Ирина задерживалась. Князь давно выдал ей амулет связи — чтобы они общались, когда он уезжал. Договаривались о встречах, о времени, когда она выходит с работы. Он всегда ждал ее на другой стороне улицы — подальше от любопытных глаз.

Радомиров посмотрел на здание госпиталя — яркая, теплого оттенка подсветка, горят окна.

— Где же ты, девочка моя?

И насмешливо улыбнулся — слышал бы его кто-нибудь из знакомых. Хотя бы один из генерал-губернаторов. Хотя нет, не дай Небеса. Его позиция при дворе как доверенного лица его императорского величества была незыблема еще и потому, что у него не было слабостей. А значит, не было болевых точек.

Так что на его привязанности к этой девочке — если бы узнали, обязательно бы попытались поиграть...

Он уже собрался, послав к Небесам свою конспирацию, отправиться в госпиталь и узнать, что произошло, как увидел ее.

— Ира! — Он бросился туда, на свет, обнял ее, уже ни о чем не думая, — настолько потерянной она выглядела. — Что? Что случилось?

— Он умер, — выговорили ее губы. — Я ничего не смогла сделать.

— Бедная моя девочка... — прижать ее к себе крепко-крепко, жалея, что невозможно забрать

хотя бы часть ее боли.

— Ирина Алексеевна, — раздался знакомый голос княгини Снеговой. — Нельзя так реагировать. Смерть — это неотделимая часть жизни. А мы можем исцелять, но никак не воскрешать. Смиритесь с этим. Вы и так сделали все возможное. Вам не в чем себя упрекнуть.

Девушка дернулась, чтобы высвободиться из объятий. Но он не собирался ее отпускать. Поэтому она развернулась, а князь, стоя за спиной Ирины, продолжил ее обнимать. В конце концов, он практически всесилен в этой стране. Уж высший свет он как-нибудь выстроит, а ее общение с этой клоакой можно свести к минимуму — и пусть себе она лечит людей по-прежнему. Только надо будет охрану усилить.

— Отправляйтесь домой. Вон — молодой человек... ждет...

Тут супруга князя Снегова его узнала.

— Добрый вечер, — произнес он, отрицательно качая головой и приказывая этим жестом ей молчать.

— Вам придется объясниться, — холодно сказала княгиня, но вняла безмолвному приказу. И не стала раскрывать его инкогнито.

— Я могу нанести визит завтра? Перед тем, как вы отправитесь на службу?

— Безусловно, — склонила голову целительница. — В семь пятнадцать. Хорошего вам вечера.

И она удалилась.

Хлопок — и он перенес Ирину в свое поместье у моря.

— Я что-то сделала не так? — напряженно спросила девушка. Она высвободилась из его объятий, подошла к огромному, во всю стену окну и уставилась в крошечную темень, пытаясь разглядеть за ней море и небо. — Наталья Николаевна гневалась.

— На меня, как я понял, — улыбнулся он, подходя и обнимая. И почему он не принял решения жениться раньше? Мучился почти месяц? Придумывал себе глупости всякие...

— Вы что-то сделали не так? — продолжила между тем выпрашивать Ира.

— Княгиня Снегова переживает за вас. — Он легонько поцеловал волосы любимой. — И хочет узнать мои намерения.

— Ваши намерения...

Она обернулась, посмотрела на него, оглядела огромную гостиную его дома. Распахнула глаза, словно просыпаясь. И князь словно прочел ее мысли, которые понеслись вскачь, словно подковами по брусчатке мостовой: неприлично, недостойно, недопустимо... Он понял: ей стало стыдно. Она с такой легкостью, даже не задумываясь, откинула все нормы поведения, приличия, не раздумывая, оставалась с ним наедине. И ей было так хорошо, так спокойно, что она даже... позволила себе мечтать. Он был уверен в этом.

Ирина решительно высвободилась из его объятий.

— Андрей Николаевич, перенесите меня домой, — голос не дрожит, она могла себя хоть с этим

поздравить...

— Я бы не хотел оставлять вас одну в таком состоянии.

— Мне надо это пережить — вот и все, — холодно сказала она. — Как мне объяснили сегодня, винить мне себя не в чем.

Он тяжело вздохнул.

— Но не обязательно же переживать это в одиночку...

Ирина подняла на него безжизненный взгляд:

— Мне не привыкать.

— Ира, не надо...

— Я хочу остаться одна. Пожалуйста.

— Нет. Вам надо поесть. Я бы рекомендовал выпить коньяку. Потом выйти к морю и покричать. Лучше всего поплакать. И к утру смириться с тем, что вы не всеильны. Это очень больно, по себе знаю. Но одной это пережить... Можно. Но, безусловно, не нужно...

— Да что вы обо всем этом знаете? — прошипела она злобно.

— Может быть, больше, чем мне бы хотелось. — Князь отошел от нее, открыл шкафчик, достал пузатую бутылку, снял со стойки два бокала, наполнил их. — Я лишился родителей, когда мне было восемнадцать лет. Акция бомбистов. Экипаж так наспиговали ледовыми бомбами, что хоронить было уже практически некого...

— Я знаю, как действуют подобные бомбы, — бесцветным голосом проговорила она, сцепив пальцы. — Радиус поражения до десяти метров, разлетевшиеся осколки прошивают тела попавших под удар, как бумагу... Сфера из переплавленных осколков черного хрусталя... Внутри — зачарованный лед. На уроках в Академии нам рассказывали... И показывали.

Андрей Николаевич решительно сунул ей в руки бокал, выпил свой — и уставился на огонь камина, повернувшись к ней спиной.

— Простите. — Она подошла и положила руку ему на плечо. — Я не знала.

— Выпейте коньяк, Ирина. К сожалению, других успокоительных в доме нет. Да я их и не знаю.

— Настойка ледяного мха, — улыбнулась она сквозь слезы. — По капле на год жизни...

— Могу слуг отправить... Вам будет легче, если вы выпьете лекарство?

Он по-прежнему не поворачивался.

Она обошла его — и обняла сама.

— Ирочка, — шептал он, осыпая ее короткими и нежными поцелуями-узнаваниями, поцелуями-вопросами, подглядывая за выражением ее лица из-под длинных ресниц...

А руки уже сами тянулись к ее волосам, которые, как и полагается, были уложены в строгую

гладкую прическу. Почему ему всегда казалось, что от такой укладки у нее болит голова?

Она вздохнула — и прижалась к нему. Положила руки ему на плечи.

И легкость поцелуев исчезла, ее сменило неистовство...

Князь ее целовал — страстно, жадно, уже не думая ни о чем, — и потихоньку отбрасывал шпильку за шпилькой, пока не высвободил косу. Он гладил ее распущенные волосы. И не мог остановиться. Не мог насытиться. Смог только чуть приоткрыть глаза, чтобы посмотреть на нее...

Какая серьезная мордашка! Он не мог не улыбнуться. Она почувствовала эту улыбку на своих губах — и очнулась.

Мучительно покраснела.

Он погладил ее по щеке.

«К Небесам все! За два-три дня я организую нам свадьбу, порву всех, кто хоть косо взглянет, императрица не рискнет со мной связываться — и на нее найдется управа». И он прижал девушку к себе еще крепче.

И князю стало так легко, как не было с тех самых восемнадцати лет, когда привычный мир вдруг рухнул.

Он опять потянулся к ее губам, но остановился, потому что вспомнил:

— Ты не ужинала!

Улыбнулся ее недоуменному взгляду, потому что она чуть было не сказала вслух: «Какой ужин?» Поэтому спросил уже недовольно:

— Ты хоть обедала нормально?

Ирина, лукаво улыбаясь, отрицательно покачала головой.

— Охрану приставлю! — грозно заявил он.

Потом вспомнил, что охрана уже приставлена, — и огорчился. А как подумал, что ему еще и объясняться с Ирой...

— Ужинать! — возвестил вслух, а про себя подумал, что и это решаемо...

После еды она стала дремать, сидя прямо за столом, с открытыми глазами, да еще и умудряясь ему что-то отвечать. Получалось, правда, не очень внятно. Поэтому Андрей Николаевич сделал над собой героическое усилие и преодолел искушение оставить ночевать ее в своем доме.

— Я отнесу тебя домой, — подошел к ней и подхватил на руки.

— Сумка и жакет. — Все-таки Ирина была прагматична. — И на вешалке мое пальто.

Подождал, пока она соберется. И с печальным вздохом доставил домой, прямым ходом в гостиную.

— Только пообещай, что сразу ляжешь спать. Наверняка сумасшедший день будет... —

прошептал, уже прощаясь. И поцеловал. Снова.

— Хорошо, Андрей Николаевич, — с интонацией первой ученицы ответила она.

— Называть мужчину, с которым целуешься, на «вы» и по имени-отчеству... — раздосадованно протянул он. — Это...

— Неприлично? — улыбнулась она.

— Практически. Я встречу тебя завтра с работы — и мы поговорим. Пока тренируйся.

* * *

В семь пятнадцать утра он был у княгини Снеговой.

— Я искренне благодарен вам, ваше сиятельство, за то, что вчера вы сохранили мою тайну и не стали раскрывать мое инкогнито, — после всех необходимых ритуалов приветствия, поклонов и целования ручек, заявил он.

Княгиня не садилась, демонстрируя свое недовольство, поэтому и он остался стоять.

— Я так понимаю, — аккуратно подбирая слова, начала она, — что моя сотрудница понятия не имеет, кто тот «молодой человек», с которым у нее роман?

— Вы совершенно правильно все понимаете, — не стал спорить с очевидным он.

— Ваше сиятельство, вы понимаете, насколько это выглядит дурно со стороны?

— Отчего же? — вдруг разозлился князь. — Я что — подлец? Или насильник? Не человек? У меня не может быть искренней привязанности?

— Вы — человек, которого я, бесспорно, уважаю. Однако... Что будет с этой девочкой? Она и так практически не сходится с людьми. У нее нет родных. Нет друзей. А после... опыта общения с вами... Она же никого никогда к себе не подпустит!

— Ей не придется к себе кого-то подпускать, — яда в его голосе было предостаточно. — Моей супруге, согласитесь, это будет не к лицу.

— Что? — изумилась княгиня.

— Ваше сиятельство... Я уважаю вашу заботу об Ирине Алексеевне и лишь поэтому с вами беседую. Однако согласитесь... — Он как-то устал объясняться витиевато и просто сказал: — Это все обидно слышать.

— Вы ведь аристократ. Первая фамилия Империи.

— Поэтому у меня больше проблем с заключением брака, чем у полковника, которым я имел неосторожность представиться в начале нашего знакомства.

— И дело только в этом?

— Совершенно верно.

— Тогда я сохраню вашу тайну и дам возможность объясниться с вашей избранницей самостоятельно, — склонила голову княгиня. — И... приношу свои извинения за необоснованные подозрения.

Князь отбыл на службу. Так как он планировал исчезнуть где-нибудь дней на пять — сразу после празднования Тезоименитства наследника, — то надо было максимально разобраться с текучкой, распределить обязанности. И еще много чего интересного, включая беседу с Его Императорским Величеством.

Вместо этого он битый час выслушивал причитания ее императорского величества на предмет того, как она боится, что на дне рождения наследника может случиться что-то плохое.

В глубине души князь был с ней абсолютно согласен. Как и Служба Безопасности, а также еще добрый десяток организаций, отвечающих за безопасность на подобных мероприятиях. Однако... Монархия держится на традициях, на торжественности вот таких моментов... На единении власти и народа. Конечно, на иллюзии единения — но эту самую иллюзию как раз и надо было создавать тем более старательно, что опять начались покушения. И начались они как раз с него, с Великого князя Радомирова Андрея Николаевича — верного пса престола.

— Я могу гарантировать, что все возможное и невозможное будет сделано. К тому же на наследнике будет кольцо с мгновенным телепортом: если что — он будет перенесен в безопасное место.

— Почему нельзя раздать эти кольца всем?

— Размечает, — пожал плечами князь. — Один — уйдет. Если все сразу — эффект будет равен той самой бомбе, которую могут бросить.

— Вы столь равнодушны к чужой жизни, — патетично прошептала императрица.

— Я там тоже буду, — пожал плечами он.

— Если с моим сыном, наследником Империи, что-то случится — я вам этого никогда не прощу!

— Я понимаю ваше беспокойство и сделаю все, чтобы не допустить покушения.

И вот так об одном и том же — уже полтора часа. Участники совещания меланхолично ожидают за дверью — а вот они-то как раз и должны обеспечивать ту самую безопасность, о которой так печется ее величество.

Обычно князь так долго императрицу не выслушивал: ни сил, ни времени, ни желания особого не было. Но сейчас, когда он со дня на день будет представлять невесту... Портить отношения еще больше не хотелось.

Поэтому он терпеливо рассказывал — вот не думал, что в нем есть подобная добродетель — какие беспрецедентные меры безопасности... Какой силы защитный купол... Сколько полицейских в охране...

Наконец, императрица поднялась — показала, что беседа окончена.

«Слава Небесам!» — подумал князь.

Можно было начинать совещание.

А он еще не поговорил с императором.

Через час он понял, что не успевает.

Мысленно связался с Ириной — надо научить ее общаться, не используя кулон, это намного удобнее и вслух говорить не надо.

«Милая! Я задерживаюсь. У нас нескончаемое совещание. И я не могу ни покинуть его, ни перенести. Доберешься домой сама?»

«Хорошо».

Даже сквозь расстояние он понял, что она смущена.

Но проговорить все моменты завтрашнего мероприятия было попросту необходимо, поэтому, подавив тяжелый вздох, он уселся поровнее и стал слушать еще внимательнее.

Через два часа она позвонила сама. Князь посмотрел на часы — восемь вечера скоро. А у них еще...

Пользуясь тем, что докладчики менялись, ответил под изумленные взгляды присутствующих:

— Да... могу. Сейчас. Пять минут перерыв, мне надо ответить.

Подождать, пока все выйдут, повернуться к окну, уставиться на панораму расцвеченной огнями реки. Город заносило снегом...

— Ты только выходишь? Опять задержалась?

Послушать, как она рассказывает что-то про маленького, но храброго гимнаста, который бежал домой с тренировки с папой наперегонки.

— Представляешь, они столкнулись и упали. Мальчик пальцы на правой руке сломал. Папа колено разбил. Мама и сердится, и обнимает. А мальчик плачет, что его с соревнований могут снять — а они через неделю.

— И ты ему помогла?

— Да. Только завтра посмотрю его ручку — можно ли на тренировку — и вперед.

— Умница. А я вот... еще на работе.

— Я поняла, — она рассмеялась.

— Я могу зайти к тебе сегодня? Нам надо поговорить. Только это будет поздно...

— Хорошо, — ответила Ирина. — Я буду ждать.

— Я тебя люблю, — едва слышно выдохнул он.

И разъединил связь.

— Вот не думал, что увижу или услышу подобное чудо, — раздался у него за спиной резкий

насмешливый голос.

— Ваше величество, — соскочил со стола князь и поклонился.

— Кажется, я понимаю, о чем ты хотел со мной поговорить.

— Я собираюсь сделать предложение руки и сердца.

— Это, видимо, ты так просишь разрешить тебе заключить брак...

— Именно, государь, — решительно кивнул родственник.

— Я рад, что хотя бы тебе судьба дала возможность почувствовать себя влюбленным мальчишкой. Хотя бы в твоём немолодом возрасте, — вздохнул император. — Вот наследник сейчас чудит — так ему по возрасту положено. Завтра двадцать лет будет...

— У нас с тобой в двадцать лет уже два года, как Империя на плечах висела. С тех пор, как бомбисты уничтожили моих родителей удивительно прицельными ударами. А твоих...

— А у моих странным образом схлопнулся магический портал переноса, — севшим голосом проговорил император. — Я помню лохмотья... Вместо людей.

— И все в один день.

— Мы с тобой на каком курсе Военной Академии были?

— На втором? — князь и забыл эту подробность.

— На третьем. Но нам рано пришлось повзрослеть.

— Тогда же тебе пришлось жениться, — с сожалением проговорил друг и сподвижник. — Стране был нужен наследник, и отец нашей нынешней императрицы...

— Генерал-губернатор Восточного региона, — со странной смесью восхищения и ненависти выдохнул император, — самая сильная фигура на тот момент.

— Мне жаль.

— Это лишнее. Я хотел бы присутствовать на совещании, — сказал Александр Александрович. — Ты, кстати, можешь быть свободен.

— Это лишнее, — в тон ему ответил родственник. — Слишком долго тебя вводить в курс дела.

Столица. Год назад. Конец января. Она

Сегодня мне первый раз не хотелось тишины, не хотелось оставаться наедине с собой. Наверное, я боялась того, что удастся уговорить себя: вчерашний вечер лишь приснился.

А еще я все не могла разобраться — был ли это самый лучший, самый сладкий сон в моей жизни, после которого не хотелось просыпаться, — или это был кошмар. Кошмар о том, как я забыла о собственном самоуважении и пристойном поведении?

Поэтому я пришла на работу еще затемно — благо, где-где, а в госпитале всегда есть чем себя занять. Уселась заполнять истории. Вчера день был суматошный, и ежедневные листы осмотров я после обхода не заполнила.

Все порывалась вскочить и куда-то побежать. Да... Со мной такого не бывало. Но, с другой стороны, такого не бывало, чтобы меня целовали...

А потом навалились дела. Первый снегопад, пусть и задержавшийся, не приходит в город просто так... Он сопровождается травмами. Столкновениями экипажей. Наездами экипажей на пешеходов. Или вот, как в случае, с которым пришлось столкнуться буквально с утра, — молодой и крайне нетрезвый аристократ возвращался домой со Снежного бала. Как он оказался в рабочем районе, да еще и утром, когда детей собрали, чтобы отвезти на экскурсию, — никто пока не понял. Однако горячих, застоявшихся коней он придерживать не стал. В итоге — у нас в приемнике двенадцать пострадавших разной степени тяжести. Самые тяжелые — подросток четырнадцати лет с пробитой копытами головой. И маленькая девчушка-первоклассница. У нее смята грудная клетка.

Мальчика без промедления передали нейрохирургам.

— Девочку буду оперировать я сама, — распорядилась Наталья Николаевна. — Везите в операционную. Дамы, нам необходимо четверть часа.

Целительницы, которые поддерживают жизнь в этом изломанном комочке, дружно кивают.

— Татьяна Павловна, готовьте ребенка, — кивает анестезиолог, которая держит девочку за руку и, прикрыв глаза, слушает биение сердца.

— Ирина Алексеевна, вы — как обычно.

Второй год я ассистирую нашей заведующей, Наталье Николаевне Снеговой, при операциях. Сейчас нам надо из осколков костей сложить каркас позвонков, чтобы потом заживить.

Через четыре часа мы выходим из операционной.

Мне хочется петь, плясать, обниматься с каждым — у нас все получилось. Наталья Николаевна подтаскивала обломки — а я их сращивала. Понятно, что у девочки кости пока словно наживлены крупными стежками, понятно, что она затянута в специальный корсет — разработка, которую мы уже несколько лет используем вместо тяжелого и неудобного гипса. Но окончательное сращивание — это теперь дело целительного времени.

Еще мы заштопали проткнутое ребром легкое — я вспомнила Андрея Николаевича, когда мы откачивали кровь.

У нас все получилось.

После такой операции по протоколу мы должны поспать — хотя бы час, чтобы восстановить силы.

Но когда мы вышли, навстречу бежала перепуганная целительница:

— Там в приемнике скандал!

— Что еще!.. — недовольно рыкнула бледная заведующая.

Княгиня торопливо стала спускаться на первый этаж. Я знала, что любопытство до добра не доводит, но почему-то шла вслед за ней.

— Я требую, чтобы мне оказали первую помощь! — возмущался тот самый аристократ, лошади которого растоптали толпу детей.

— Что у нас здесь? — игнорируя его вопли, обратилась Наталья Николаевна к дежурной по приемнику.

— Травматолог сказала, что пара ушибов и перелом левой ключицы. Опасности для жизни травмы не представляют.

— Я тебя закопаю! — заорал еще громче молодой человек. — Тварь! Не представляют!!!

— Я не понимаю, — ни к кому, собственно, не обращаясь, спокойно проговорила заведующая. — А где у нас полиция? Где охрана больницы? Почему мы должны что-то подобное выслушивать?

— Да вы кто такая? — от похмелья и боли молодой человек окончательно потерял связь с реальностью.

— Моя супруга, а в чем дело? — раздался у нас за спиной надменный голос.

Молодой человек вскочил и поклонился. Несмотря на то что это должно было причинить ему сильную боль, поклон получился изящный. Мы с целительницей развернулись и проделали реверансы. Перед нами стоял генерал-губернатор столицы. Князь Снегов.

— Даниил Александрович! А вы тут какими судьбами? — подошла к нему наша заведующая.

— Мне доложили, что у вас беспорядки, — улыбнулся в густые усы ее муж. И поцеловал супруге руку.

— Кто доложил? — недобро поинтересовалась она.

— Охрана, — перестав улыбаться, осторожно ответил генерал-губернатор.

— Охрана госпиталя?

— Ваша личная охрана...

— Ах, она у меня все-таки есть...

— Да, она у вас все-таки есть. Я могу попросить оказать помощь... графу. Я его, пожалуй, заберу с собой, чтобы у вас здесь была тишина и благолепие. А вот у нас на гауптвахте он посидит вволю.

— Я же не военный, — удивился молодой человек.

— Уже военный. Вы, граф Дымов, приказом Великого князя Радомира, при полном одобрении его императорского величества, разжалованы в солдаты. И будете служить в Южном регионе Поморья.

— Но мой род...

— Ваш род оплатит компенсацию пострадавшим. Более чем щедрую.

Граф высокомерно промолчал.

Мы с заведующей переглянулись — и слаженно шагнули к «пострадавшему». Несколько минут — и он был в полном порядке. Физически.

Еще минута — и вместе с ним отбыл супруг Натальи Николаевны.

Мы поднялись к себе на отделение — и я не помню, как добралась до кабинета и заснула...

А город продолжало заносить снегом...

Проснувшись я счастливая. Мне снились его поцелуи... А разбудило меня его сообщение про какое-то совещание, на котором он задержится.

Я вздохнула, решила оформить бумаги. Все-таки завтра суббота. И если нам удастся встретиться, то обидно будет бежать со свидания на работу, чтобы оформить документы.

Потом помогла в приемнике.

— Кто с детьми — во второй бокс! — объявила я, когда пришла.

— Наталья Николаевна велела отправить вас домой, когда вы сюда заявитесь! — торжественно заявила коллега — самая пожилая и опытная из нас.

— Я на чуть-чуть! — с улыбкой попросилась я. — Дома никого... Не хочется...

— Понимаю, — кивнула она. — Час — не больше. А то и мне попадет... И без геройств!

— Слушаюсь, — с самым серьезным лицом отрапортовала я.

Было почти восемь, когда я поняла, что устала. Попрощалась со всеми — и отправилась домой.

Снег падал тихо и торжественно, блестя в голубом свете шаров.

— Подготовка к празднованию Тезоименитства наследника!!! — кричат мальчишки, продающие газеты. — День рождения наследника — Александра Александровича Радомирова!!! Сударыня, узнайте, как идет подготовка ко всенародному празднику!!!

Тяжело вздыхаю. Ну вот кому может быть интересно читать про аристократов? У них — своя жизнь, у нас — простых смертных — своя. И вообще... Можно с удовольствием вдохнуть воздух без запаха антисептика и напомнить себе, что надо заказать ужин на двоих...

— Ирина Алексеевна! — обратился ко мне какой-то мужчина.

— Да, — общаться ни с кем не хотелось.

— Андрей Николаевич прислал за вами экипаж. Он беспокоится — сейчас похолодало...

Не знаю почему, но я возразила:

— Странно, мы только что разговаривали, и он ничего не сказал...

А дальше события стали развиваться настолько стремительно, что память сохранила только

какие-то куски...

Женщина в нескольких метрах от меня, которая громко заговорила в амулет:

— Было ли распоряжение отвезти в экипаже?

И следом ее крик:

— Код третий! — и она оседает на землю...

Мужчина схватил меня за талию и стал запихивать в мгновенно подъехавший экипаж, навстречу чьим-то тянущимся рукам.

Я кричу.

Наперерез экипажу бегут какие-то люди.

Мужчина, который тащит меня, вдруг падает, меня хватают... Я понимаю, что это Андрей Николаевич.

— Видите, как хорошо получилось... — говорит мужчина, который пытался меня похитить, и что-то выпускает из рук.

Черная сфера ледовой бомбы катится нам под ноги...

Столица. Год назад. Конец января. Он

Непроницаемый купол бомбистов — нет возможности оказать помощь извне, невозможно вырваться наружу. Ледовая бомба под ноги — и непременно с минутной задержкой, чтобы человек осознал, что его сейчас не станет, что это — конец.

Кристаллы льда, разлетающиеся в разные стороны. И вместо жизни, наполненной дыханием, надеждами, близкими, — лишь кровавые лохмотья. То, что осталось от погибших, можно увидеть только в момент взрыва — под воздействием структурного льда органика мгновенно кристаллизуется и рассыпается, алым снегом опадая на место трагедии...

После того, как такой бомбой были убиты его родители, князь Андрей приказал, чтобы способ спасения был найден. Много лет лучшие маги страны работали над решением этой проблемы — результатом этих трудов стала разработка артефакта. Его оформили в виде кольца. Его-то Андрей Николаевич собирался завтра вручить наследнику — и именно о нем говорил императрице.

Сейчас же он сбросил кольцо на снег — и выплеснул все свои силы на то, чтобы выстроить точку перехода. Артефакт давал возможность выстроить портал в безопасное место внутри сферы бомбистов.

Князь настолько четко представил дом на море, где они с Ирой были вчера, что заломило в висках. Схватил ее за левое запястье, успев взмолиться Небесам, чтобы там был артефакт накопления энергии. Пальцы закололо, едва он коснулся знакомого плетения из камней.

Уходящие секунды стучали в голове. Он рвался из западни, ломился с жадностью обреченного

и в то же время задыхающегося от бешеного гнева человека, не желающего погибать, не желающего забирать с собой любимую.

И с воплем: «Небеса! Ее-то за что» — он вырвался...

Они ухнули куда-то в ледяную соленую воду.

Их сразу накрыло волной.

— Живы! — прохрипел он, едва только вынырнул на поверхность. И закричал: — Ира!

— Здесь я, — слышал он сквозь стук зубов ее голос у себя за спиной.

— Вы как?

— Все-таки купаюсь, — сязвили фиолетовые от холода губы.

— У вас кулон связи есть?

— На шее, — отозвалась она.

— Надо звать на помощь — у меня магии не осталось.

Он одной рукой держал ее за талию, другой пытался нажать на камень в определенном ритме. Со второй попытки у него даже получилось.

Тут же раздалась два хлопка — слева и справа.

И их всех опять накрыло волной.

Вынырнули, откашлялись.

— В поместье! — распорядился князь.

Мужчины, не выразив почему-то никакого недовольствия или удивления от того, что оказались в ледяной воде, синхронно кивнули — и молча подплыли поближе, выстроили точку перехода.

Еще миг — и они все стоят в гостиной дома у моря. На пол стекает вода. Князь чувствует, как женщину трясет от ужаса, как у нее подкашиваются ноги.

— Сейчас, родная... Все уже хорошо. — И офицерам охраны: — Погибшие есть?

— Никак нет.

— Пострадавшие?

— Только охранник Ирины Алексеевны. Та, что подняла тревогу. Тяжелая. Стабильная.

— Арестованные?

— Трое: двое были в экипаже — и кучер.

— Бомбист? — спросил он.

— Исчез, — оба потупили глаза. — Телепорт. Точку выхода отслеживаем.

— Перекройте радиус в десять километров. Пришлите вестовых в дом — разжечь в камине огонь. И организовать нам ужин.

— Слушаемся, — слаженно отвечают.

— Все, прости, уже все...

Он подхватывает женщину на руки и идет с ней на второй этаж. Надо дойти до спальни — там есть дверь в купальню. С десятков водяных шаров, просторная, глубокая купальня, вышитые белыми волками и алыми гроздьями рябины огромные полотенца. Он любил местный орнамент, но почему-то сейчас все это напомнило ему пятна крови на снегу. Вдруг вспомнилось, как он стоял под алым снегопадом, а его родители падали на его плечи, руки, голову... «Не о том, не о том думаешь! — приказал он себе. — Сейчас главное — она! Ты — воин, ты войну прошел, ты смерти видел, а она! Согреть, успокоить. Сейчас, родная моя, сейчас! Прости, прости, прости...»

— Так никто не погиб? — раздается ее голос.

— Никто, — улыбается он, открывая ногой дверь. — Никто не погиб!

Улыбается и она.

— И мы не погибли? — спрашивает уже удивленно.

Он отрицательно качает головой, срывает с Ирины ставшую колом одежду, лишь на секунду отрывает от нее руки, чтоб хлопнуть в ладоши. Шары подлетели осторожно, немного помигали и подали воду нужной температуры. Странно... Они вели себя, как живые — будто они ей сочувствовали. Но ведь этого... не может... быть...

— Этого не может быть, — говорит Ирина едва слышно — и вдруг начинает кричать, рыдать, кого-то проклипать... Пытается куда-то бежать...

— Все, девочка моя, все! Все закончилось, слышишь? Все... — повторяет он как заведенный, чувствуя, как и его самого колотит. — Тише! Тише... Тише... Пожалуйста, успокойся.

— Нет, — плачет она в голос. — Нет. Это все неправда!

— Тише.

Он делает шаг к ней — держать ее на вытянутых руках нет никаких сил. Чувствует, как по нему тоже начинает бить тугими струями вода, но не понимает, горячая она или холодная.

— Это все лишь последние минуты затухающего сознания, понимаешь? Нас нет. Нас не стало... Еще миг — и исчезнет даже то, о чем мы мечтали. Это так и не сбудется... Ты это понимаешь?!

И она начинает целовать его сама, прижимаясь всем телом, странно-ледяным под горячей водой. Пытается добраться до его кожи через одежду.

— Ира... — сквозь звон в ушах смог проговорить он.

— Я тебя люблю, — донеслось до него.

Его горячие руки на ее ледяном теле, которые вдруг резко, но с сожалением оторвались и судорожно хлопнули в ладони, потому что князь вдруг почувствовал, что вода невозможно обжигающая! Подхватил ее на руки — Небеса, она практически ничего не весит, вышитое волками полотенце и то тяжелее. Так. Теперь опустить свою драгоценную ношу на кровать — осторожно, нежно...

Еще пара секунд — и все исчезло. Остались только ее жалобные всхлипывания, его хриплое дыхание и бешеный перестук сердец в унисон...

* * *

Он проснулся глубокой ночью оттого, что замерз. Попытался понять, куда делось его одеяло. Сообразил. Нежно поцеловал похитительницу в нос. Она не просто утащила одеяло, она свила из него целое гнездо — и теперь, пожалуй, только носик из него и торчал. Поднялся — и направился к гардеробу. Там наверняка будет что-то, чем можно укрыться. Не отнимать же одеяло у любимой женщины.

Хорошо хоть что подушек на кровати было две...

— Андрей, — раздался ее шепот, когда он завозился.

— Я здесь, — улыбнулся. — Спи.

А про себя подумал, что надо бы, пожалуй, прямо сейчас и сделать ей предложение. Будет романтично... Только... Ни цветов, ни кольца у него при себе не было. Все осталось в кабинете на работе, откуда он и понесся ее спасать.

— Нашел! — радостно схватил он запасное одеяло.

— Что? — любопытный носик из гнезда высунулся чуть побольше.

— Одеяло, — гордо продемонстрировал он свою находку.

— Ой! — смутилась она, потихоньку начиная понимать, что, собственно, произошло и где она находится.

— Ой, — передразнил он, опускаясь на кровать. Поцеловал в нос еще раз. И обнял.

— Я... — начала она смущаться. Потом вспомнила все — и так жгуче покраснела, что ему и самому стало неловко. — Я никогда еще...

— Ты моя ласточка, — прошептал он ей на ухо. — А я — самый счастливый человек...

— Правда? — Она все еще избегала смотреть ему в глаза.

— Ира... — прошептал он, а про себя подумал: ну почему он не захватил с собой это проклятое Небесами кольцо! — Все хорошо. Правда... Не думай ни о чем плохом, я обо всем позабочусь... Или... ты сожалешь?

— Я тебя люблю... — раздался едва слышный голос.

Он смял ее губы таким торжествующим поцелуем, что сам застонал. И стал потихоньку разматывать кокон, который Ира вокруг себя накрутила.

Джанхот. Столица. Год назад.

Конец января. Она

— Я тебя прошу...

Мы проспали, и теперь Андрей метался по спальне, собираясь.

— Я тебя заклинаю! Никуда с территории поместья. Я вернусь как можно раньше... Скорее всего, поздно вечером — день безумный! Я вернусь — и мы все обсудим.

— Договорились.

Мне было так хорошо, что даже сил на неловкость не осталось. Только звенящая радость внутри.

— Вот халат, еду привезли. Твою одежду или доставят, или уже доставили — я распорядился. Поместье в твоём распоряжении. Только к воде сама не спускайся — ступеньки скользкие.

— Хорошо, — улыбнулась я.

— Так... Вроде все... Что хотел... — и он склонился надо мною и поцеловал. Его пальцы запутались в моих волосах.

И тут же злобно зарычал:

— Это просто пытка какая-то, уйди сейчас!

— Возвращайся скорее, — прошептала я.

Хлопок — и он исчез. Значит, к нему за ночь вернулась магия.

Ночь... Я покраснела — и прижала пальцы к щекам. Получается, что я о себе самой ничего не знала. О том, какой я могу быть... Нет, об этом лучше не думать... Стыдно думать. Но это такое счастье — слышать его хрипкое дыхание, ощущать раскаленные ладони на своем теле, выгибаться ему навстречу и... И это тоже я...

Я закрыла глаза и отрицательно покачала головой. Да... Удивительно. Вот такого я о себе точно подумать не могла.

Лежать не хотелось, спать тоже. Я решила обследовать дом — он, похоже, был большой, а я была лишь на террасе, в спальне и прилегающей к ней гостиной.

Может, где-то обнаружится и моя одежда...

Я надела явно его халат, затянулась поясом и пошла вниз. По пути решила открыть все двери. За следующей дверью от спальни оказался кабинет — огромный такой, размером, наверное, с первый этаж моей квартиры.

Много книг в помпезных багровых обложках с золотым тиснением. Почти все — военные историки. Письменный стол, аккуратные стопки папок. «Срочно». «Подождет». «Макулатура». «Отсмотрел». «На подпись Его Величеству».

Ничего себе уровень у господина полковника...

В «Отсмотрел» было больше всего папок, «На подпись Его Величеству» — всего две.

На столе — серебряный поднос с письмами. Я взяла один конверт и прочла: «Его сиятельству Великому князю Радомирову Андрею Николаевичу»...

«Позвольте представиться. Я — Мирон Андрей Николаевич, полковник Министерства...» — застучало в голове.

С письмом в руке я стала спускаться на первый этаж, чтобы чем-то отвлечься, дождаться Андрея — и узнать правду. Должно же быть какое-то разумное объяснение всему происходящему.

— Надо доложить ее сиятельству, что завтрак готов, а одежда доставлена, — услышала я женский молодой голос.

— Ты что, спятила совсем? — голос постарше. — Если всех его «дамочек» сиятельствами называть — уморишься!

— Я думала, у них что-то серьезное...

— Шутишь? Очередная молодая дурочка. Только на этот раз даже не балерина. Думает, князя подцепила. Хоть бы эту историю про страстный роман с родственником императора не стали в газетах печатать.

Голоса удалились.

Конверт выскользнул у меня из рук.

Метнулась на первый этаж, в гостиную, схватила одежду. Осмотрела ее. Явно же моя.

Интересно, кто доставляет одежду для любовницы князя?.. Кто же рылся в моих вещах?.. И почему нет верхней одежды... Только жакет... Я побежала наверх.

Оделась. Заплела две косы — не знаю уж, как это получилось без расчески и зеркала. Оглядела спальню.

Опять вспомнила. Теперь уже все. В подробностях.

«Ну, что ж, ваше сиятельство... Великий князь. Даже если у вас и была мысль вести себя так, как положено приличному человеку, то я вам такого шанса не дала... Хотя, если вы собирались вести себя как положено приличному человеку, к чему был весь этот маскарад?»

А еще я поняла, куда он ушел. Где именно у него сегодня ожидался «безумный день»...

Сегодня же праздник Тезоименитства наследника. Девятнадцать лет Александру Радомирову — наследнику престола Империи Поморья. Праздник, который отмечается всем нашим народом. Следовательно, Андрей где-то рядом с племянником... Небеса! Он дядя наследника! Значит, они на параде. Вот туда-то мне и надо.

Мысль о том, что мне надо его увидеть, посмотреть в его глаза, понять: за что со мной — так... Эта мысль билась у меня в голове, сводя с ума.

Я бегом спустилась по лестнице, схватила свою сумку — надо же! Я так и не могла вспомнить — топила ли я ее вчера в море или выронила, когда меня пытались похитить?

Выскочила из дома, никого не встретив, побежала по дорожке, оставляя море и дом за спиной.

Увидела впереди закрытые ворота. Чуть потянула одну створку — они распахнулись, и я выбежала на свободу.

Косы били меня по спине, как живые, а я бежала, задыхаясь от слез и ругая себя: «Дура! Дура, дура, дура — какая же я дура! Не читала газет, ни разу не была на параде, что каждый год проходит в столице в честь дня Ангела наследника! А если император или императрица ко мне подойдут — я ведь и как они выглядят, не знаю. Залезла в свою раковину, думая, что остальной мир меня не касается! Вот он мне и отомстил... За невнимание, за пренебрежение, за равнодушие. Сама виновата, сама! Где еще такую дуру найти во всем Поморье, которая ни разу ни одной газеты не купила?! Что не знает, как выглядит сам Великий князь Радомиров! Как же не воспользоваться удачей-то такой? И винить-то его не в чем... Дура... Дура! Дура! Дура!»

Я споткнулась и упала, задыхаясь от злости. Сгребла в ладони снег, вытерла лицо. Остыла. Хотелось бы понять, где я нахожусь. А еще мне нужен портал, ведущий в столицу. Сама я, понятное дело, выстраивать их не умела, но населенные пункты нашей Империи были связаны пассажирскими порталами.

Вокруг были уже обычные частные дома — большие и не очень. Я не знала этого городка, не понимала, где нахожусь.

Голова кружилась — но я заставила себя встать и отряхнуть снег.

— Милая! С вами все хорошо?

На меня уже оборачивались прохожие — а я почему-то никого не замечала. И вот теперь какая-то сердобольная дама решила заговорить.

— Простите, мне нужно... бежать...

— Куда именно? Простите за мою назойливость, но вы выглядите как-то потерянно. Растрепаны. Без шляпки... И без теплой одежды. Да вы дрожите вся!

Дама — пожилая, седовласая и какая-то... искренне встревоженная — взяла меня за руку. Маленькая, шершавая старческая ладошка оказалась очень горячей. И сильной. Старушка крепко сжала мою руку, затем рывком, как-то даже по-молодецки скинула с себя огромную белую шубу и легко набросила ее на меня. Шуба оказалась невероятно тяжелой — и как старушка ее носит? В то же мгновение тепло разлилось по всему телу — стало легко и спокойно. Стало... все равно.

— Вас кто-то обидел? — строго спросила она, став сразу похожей на моих наставниц в Академии Целительства.

Густые, немного растрепанные от ветра серебристые волосы уложены в старомодную прическу, ярко-голубые глаза светятся мудростью и добротой... Я подумала, что хорошо было бы с ней подружиться. Сидеть у камина, пить ароматный чай с вареньем. С брусничным. Болтать о том о сем...

— Вас кто-то обидел? — настойчиво повторила она свой вопрос.

— Наверное, да, — почему-то улыбнулась я.

— Тогда надо пойти в полицию. Супруга начальника полиции нашего городка — моя бывшая ученица. И — я уверена...

Я замотала головой.

— Чем же я могу вам помочь?

— Где найти портал в столицу? Мне туда необходимо попасть. Срочно.

— В столицу? Но вы не можете в таком виде туда отправиться.

В ответ я посмотрела на нее удивленно.

Моя одежда — пусть даже и не самая дорогая — была вполне приличной.

— В столице выпал снег. А вы очень легко одеты. Вы промерзнете. И заболеете.

Я усмехнулась.

— Вы же в одном жакете, милая!

— Я? Действительно...

— Вам надо к целительницам. Вы словно не в себе.

— Я сама целительница, — почему-то сквозь смех сказала я.

— В самом деле? Всегда считала, что целительницы ходят только в белом.

— Только когда на службе. Пожалуйста, — взмолилась я, устав от этого бесполезного разговора. — Со мной все будет хорошо. Я обращусь в свой госпиталь. Только — умоляю вас — где портал?

— Хорошо-хорошо. Портал в столицу недалеко, я вас провожу коротким путем — через лес. Но сначала в магазин. Вам надо одеться потеплее! И если у вас нет с собой денег...

— Есть, — показала я на сумку. — Только я вас очень прошу — давайте поторопимся!

В магазине я выбрала серое пальто и шляпку с плотной вуалью — чтобы легче было затеряться в толпе. Моя новая знакомая уговорила также купить перчатки. Как только я оделась во все это — сразу стало легче, перестало трясти, появилось чувство защищенности. Из магазина мы свернули в лес, прошли протоптанной тропинкой и вышли на обочину, за которой уже была видна точка пассажирского портала.

— Теперь не потеряешься, милая. И возвращайся поскорее. У меня отменное брусничное варенье — с листом...

— А почему... — я хотела спросить: при чем тут варенье?! Хотела сказать, что я не собираюсь сюда возвращаться — никогда!

Но старушка исчезла. Только волчьи следы цепью вились у ног на нетронutom снегу. Я

испугалась и со всех ног побежала к порталу.

* * *

Успела! Голова торжественной колонны как раз выворачивала на Дворцовый мост. Я настойчиво пробивалась к самому краю ограждения, чтобы увидеть. И попытаться понять. Мне это нужно было больше, чем воздух.

Неожиданно люди расступились — передо мной была лишь спина солдата, выставленного в оцепление.

Первый раз я оказалась так близко от аристократов, придворных, послов и высших военных чинов. Красивые люди, красивые одежды, красивые лошади...

В первой линии гарцевали на белоснежных конях трое — император, императрица и наследник.

Во второй линии на вороном коне ехал только один человек — и я его знала. Это был полковник Мирон Андрей Николаевич — как он представился. Великий князь Радомиров...

Голубые глаза, широкие скулы... Гордая посадка. Властность в каждом движении... И как я не замечала ее раньше?

Вдруг он обернулся ко мне, и черты его лица исказились, будто он увидел привидение. Показалось, что он сейчас развернется, даст коню посыл — и окажется прямо передо мной. Но он проехал мимо...

Сделала шаг назад. Потом еще и еще. С каждым шагом было все больнее... Вот так и развлекается высшая знать... Столько месяцев приручать, чтобы сама кинулась. Сама себя предложила. А еще и пролепетала это жалкое: «Я тебя люблю...»

Поняла, наконец, поведение своей начальницы — она, должно быть, хотела меня предупредить, но не осмелилась мешать играм родственника императора.

Ненавижу... Всех ненавижу. Весь мир ненавижу...

Я выбралась из толпы.

Выкинула кулон связи в мусорный бачок — кто-то мне настойчиво звонил. Банк — мне нужен ближайший банк, чтобы снять честно заработанные деньги. Банк — и отделение почтамта.

В отделении было тихо и пусто — я долго звала сотрудницу. Пришла какая-то старая бабулька, которая пожаловалась на головную боль.

— Давайте помогу, — предложила я.

— Вы целительница? — удивилась она. — Такая молоденькая? А почему не в белом?

И тут я поняла, что ничего не могу сделать. Дар ушел.

— Почему не в белом? — насмешливо ответила я. — Испачкалась.

Джанхот. Почти год спустя.

Ближе к полуночи. Он

Снег валил, не переставая, ледяной ветер пробирал до костей, а он все шел и шел, не разбирая дороги, не желая очнуться. Но, споткнувшись, князь Андрей остановился — и осознал, что прошло уже несколько часов с тех пор, как он отправился на эту безумную прогулку, и что он понятия не имеет, где находится. Стоял в темноте, оглядываясь по сторонам, тяжело дыша.

Он так замерз только однажды — когда охранники вытащили их с Ириной из январского моря. А сейчас оттуда дул колючий ветер, и сосны выли от боли, вторя назойливым воспоминаниям. В этом городе его поместье — дом, где он был счастлив когда-то...

Когда-то... Жизнь назад он привел туда девушку, которую полюбил...

Дрожь была так, что стучали зубы. Военная подготовка позволяла энергетически переносить любые морозы, но для этого нужна концентрация, а он ее потерял — коньяк в крови и боль в сердце сделали свое дело. Наверное, стоило перенестись обратно в ресторан — или в поместье. Но в ресторане было слишком много людей, в поместье — воспоминаний.

Кромешная тьма вокруг... Извилистая улочка, по которой он брел, не была освещена. Вообще никак. Усмехнулся, вспомнив доклад генерал-губернатора Южного региона о том, как героически были освоены деньги из казны, выделенные на оснащение магическими светящимися шарами по столичному образцу...

Холодно. Тихо. Так тихо, что слышно, как падает снег. Так холодно, что хочется лечь и заснуть. Он уже хотел просто закрыть глаза — и будь что будет, но вдруг понял, что уже несколько секунд смотрит на огонек. Огонек дрожал и множился, отражаясь от льдинки, прилипшей к ресницам. И князь пошел на этот огонек, как во сне.

Домик стоял на отшибе, почти в лесу. Кто же тут живет? Колдунья?

Живет в лесу Колдунья —
Горит в окне огонь,
Идет навстречу путник
Заснеженной тропой.

Эту сказку ему читали в детстве — тогда путник нашел свое счастье, и матушка наказывала князю всегда идти на огонек, если он когда-нибудь заблудится. Он заблудился...

Дверь распахнулась, словно его тут ждали. Свет, тепло, женский силуэт в дверном проеме... темнота.

Очнулся он, полулежа в большом старом кресле, укутанный, наверное, всем, что могло найтись в этом Небом забытом домике.

— Выпейте, ваше сиятельство, — голос звучал спокойно, настойчиво и... равнодушно. Ее голос.

— Нашлась!

Столько раз представлял себе, как встретит, подхватит на руки, закружит, будет целовать... Найдет, отыщет, спасет — но судьба опять бросила его к ее ногам, и опять не в лучшем виде. Да что ж такое-то!

— Выпейте, вам это необходимо. Это согревающий отвар, не дай Небеса разболеетесь.

— Ты меня вылечишь?

Он, не отрываясь, смотрел на ту, что искал целый год, любил бесконечно, и теперь, когда нашел и столкнулся с этим болезненным, надрывным равнодушием, — не знал, что с этим делать. Как-то надо с ней поговорить, растолкать, оживить, разбудить...

Под снегом спит принцесса,
Где вьюга песнь поет.
Кружат снежинки в сердце,
И на ресницах лед.

Колдунья, кажется, сварила какое-то зелье, чтобы разбудить принцессу. А он держит в руках чашку с отваром и сидит в плеле. Надо бы встать, обнять, все объяснить. Но от холода, которым веяло от нее, невозможно было пошевелиться.

— Нет, не вылечу.

— Не захочешь?

— Не смогу. Я потеряла Дар... — Ира стояла, опустив голову, ссутулив плечи и кутаясь в шаль. Короткие волосы закрывали лицо. Наконец, резко откинув непослушные пряди, подняла глаза. — Я... больше не целительница.

— Ты обрезала волосы, — только и смог сказать.

— И это тоже, — она горько улыбнулась.

Ира, Ирочка! Князь Андрей не узнавал любимую. То, что от девушки исходило, было похоже на списанный магический шар — без света. Как будто она больше не может светиться от счастья. Внутри все сжалось, но он заставил себя собраться. Он нашел ее — и теперь во что бы то ни стало должен вернуть.

— Ира, я вернусь через пару минут. Мне нужно переодеться. Ты никуда не денешься?

Она отрицательно покачала головой.

Князь вернулся скоро. С собой у него были два бокала и бутылка коньяку. Женщина сидела в кресле и неотрывно смотрела на огонь. В ее поддрагивающих руках были кружка и полотенце. Он поставил все, что принес, на каминную полку и тяжело опустился на ковер рядом с ней.

— Успокоительные нужны, а других не знаете? — зло улыбнулась, но взгляд не отвела.

— Есть такое, — кивнул.

И вдруг окончательно осознал — она рядом с ним. Живая...

— Прости меня. — Князь обнял ее колени. — Прости. Я не хотел, чтобы так вышло.

— А как вы хотели, чтоб вышло?

— Я хотел...

Князь стремительно поднялся, сделал попытку избавиться от кружки с лекарством и налить себе коньяку.

— Сначала — противостудное, — вот этот ее голос был немного похож на тот, год назад.

— Слушаюсь. — И он выпил лекарство. — Гадость.

— Значит, действительно.

— Будешь? — Андрей кивнул на коньяк.

— Глоток, не больше.

Он подал ей бокал. Опустошил свой. И замолчал.

— Странная ночь, — прошептала вдруг женщина. — Я все не могла заснуть. Потом поднялась, включила везде свет, оделась и уселась ждать... Оказывается, тебя.

— Ира... Как же так вышло... Как ты вообще смогла открыть дверь кабинета, а потом еще и ускользнуть из поместья?

— Очень просто. Все было открыто: и кабинет, и ворота.

— Как это? — изумленно уставился князь на нее.

— Не знаю. — Она вернула ему пустой бокал. — У прислуги спроси... те.

— Ира, в том доме нет прислуги. По хозяйству там орудуют вестовые из моего Министерства. База примыкает к поместью.

— Ну, это уж вы сами разбирайтесь, кто там может быть, а кого там быть не может, Андрей Николаевич. Две женщины, они говорили. О вас. И о вашей... привычке. — Пальцы с силой сжали края шали. — И умоляю — избавьте меня от необходимости описывать детали. Давайте просто забудем — дела давно минувших дней. Вы согрелись?

— Коньяк?

У нее порозовели щеки, в голосе стали появляться хоть какие-то эмоции — значит, его успокоительное действовало.

— Пожалуй. — Она приняла бокал и сделала глоток.

— Так что там с моими привычками? — поинтересовался князь.

— С какими именно? Привычкой использовать домик у моря как место для... свиданий? Или привычкой лгать о том, кто вы такой?

— Ира... Кроме тебя, в том доме женщин не было. У меня никогда не было жены, только любовницы. Я покупал особняки. Одной балерине подарил дворец... Но приводить в свой дом любовницу — нелепо.

— Угу, — эмоций в голосе прибавилось. — А зачем меня привели?

— Я даже не буду отвечать, — зарычал он.

— Зачем? — Ира вскочила, ухватила его за плечо, развернула к себе лицом, потом поднялась на цыпочки, чтобы посмотреть в глаза. — Ответь мне, зачем был весь этот цирк? Я не собираюсь обвинять или устраивать сцен, я просто хочу знать... Зачем?

Ее лицо было так невозможно близко, глаза сверкали — пусть от ненависти, но она была тут, рядом с ним. Живая. Любимая. Злая.

И он потянулся к ее губам, ладонь нашла затылок... Она сначала уперлась кулачками ему в грудь, а потом неожиданно подалась навстречу.

Он оторвался от ее губ, чтобы прошептать: «Ирочка! Ласточка моя!»

Стал целовать ее ладошки, потом вернулся к губам, потом прижал ее голову к себе и продолжал быстро говорить, пока она не опомнилась:

— Двери моего личного кабинета просто не бывают открыты, когда меня нет дома... Да и ворота в поместье нараспашку... Это вообще бред. Я оставлял тебя в доме, который был абсолютно защищен. Не зайти — не выйти... Да императорский дворец защищен меньше! Я найду того, что провернул эту... злую шутку... Найду... И она пожалеет.

— Она?

— Кажется, я знаю, кто это может быть. Ира...

Она осторожно, но настойчиво высвободилась из его объятий.

— С меня хватит. Я не хочу ничего слышать о тайнственных злодеях. Мне вполне достаточно вас двоих.

— Двоих?

— Предал ты, предала Наталья Николаевна...

— Княгиня Снегова? Твоя начальница в госпитале?

Ирина кивнула.

— Давай я тебе расскажу, как все было на самом деле... Княгине я обязан самым замечательным скандалом в моей жизни. После твоего исчезновения она пришла ко мне в Министерство. Она... кричала. Она обвиняла меня в том, что я ее обманул, когда рассказывал о чистоте своих намерений в отношении тебя. В том, что я сделал ее соучастницей обмана. И все это происходило прилюдно. Ее муж, несчастный генерал-губернатор, не мог ни увести ее, ни заставить замолчать. Поэтому мы стояли — и слушали. Я и сотрудники моего Министерства, которые старательно прикидывались мебелью.

— Так тебе и надо!

— Тайная полиция проверяла целительниц, уголовная полиция сбилась с ног. Через две недели после твоего исчезновения меня пригласили на опознание тела. Девушка-утопленница с длинными каштановыми волосами... Я пока понял, что это не ты... Такого натворил...

Ее пальцы лишь сильнее сжали бокал.

— Действительно, так мне и надо...

— Я решила, что ты просто развлекался. А я... Я как могла тебе подыграла. Чтобы тебе и напрягаться не пришлось. — Она снова смотрела на огонь.

— Пока не появилась ты, я и не знал, что мне это необходимо... Любовь. Счастье. Что можно не спать всю ночь, мучаясь вопросом, какие цветы принести, раз розы тебе не понравились... Твое дыхание на моих губах... Просто жизнь. С тобой. Ты не представляешь, как я завидовал полковнику Мирову из Министерства безопасности Поморья, которого сам же и выдумал.

— Зачем?

— Захотелось, чтобы во мне увидели просто человека, мужчину... Без реверансов и алчущего блеска в глазах — понимаешь?

— Хорошо... Это было вначале. А потом... после?.. — она запнулась.

— Я заигрался. Мне было так хорошо, как никогда в жизни. Брат еще смеялся, что я влюбился, как мальчишка... Рад был за меня.

— Брат? Это в смысле...

— В смысле император.

— С ума сойти... — Ирина прижала руки к вискам. — Небеса, мою скромную персону обсуждали с императором!

— А как, по-твоему, мне было получить разрешение жениться? Я не самый свободный человек в государстве.

— Никогда не рассматривала жизнь аристократов в плане несвободы. По-моему, вы делаете, что пожелаете.

— Это заблуждение. По крайней мере, в отношении меня. Да и в отношении большинства высших семейств.

— Жениться? — она вдруг поняла, что он сказал.

— Совершенно верно. В тот вечер, когда было совершено покушение, я собирался сделать тебе предложение.

— Так отчего ж не сделали, ваше сиятельство?

— Кольцо забыл на работе. Хотелось, чтобы было романтично...

— Романтично...

Она отрицательно замотала головой, опустила на ковер перед камином — ноги перестали держать — и зарыдала.

— Ира, прости меня, прости.

Князь попытался ее обнять, прижать к себе, но она оттолкнула его с такой силой, что он еле удержался на ногах. Вставая, она уже не сдерживалась:

— Так значит, тогда, когда мне под ноги вывалилось израненное тело, которое я потащила к себе в дом, чтобы спасти — я, по-твоему, думала о том, выгодно мне это или нет? Это моего алчного взгляда ты боялся? Моих реверансов? Ты действительно считал, что та, что тебя спасла, способна лицемерить? А потом? Я дала тебе повод так думать обо мне?

— Ирина Алексеевна. — Он выпрямился во весь рост, медленно и изящно поставил бокал на каминную полку. — Я прошу вас ответить мне на один вопрос. Только на один. Ежели вы ответите мне на него утвердительно, не задумываясь, — обещаю вам, что уйду и более докучать вам не стану.

— И какой же это вопрос, Андрей Николаевич?

— Знай вы с самого начала, что я — двоюродный брат императора, Великий князь Андрей Николаевич Радомиров, позволили бы вы себе меня любить?

Его слова звучали в тишине ее тихого дома тяжело и гулко. Будто колокол звонит — беду предвещает. Князь смотрел в доверчиво и беспомощно распахнутые глаза. Ком подступил к горлу, но он не отвел тяжелого взгляда.

Хотелось обнять, прижать к себе, успокоить, защитить, избавить ее от необходимости отвечать, но он не мог — он должен ее убедить в своей правоте.

Она же стояла перед ним — маленькая, худенькая, с огромными влажными глазами. Мгновение — и из них хлынули слезы. Ответа не последовало, да он был и не нужен...

— Ирина Алексеевна, ваше молчание и слезы сказали мне больше, чем слова. Я люблю вас и прошу вашей руки.

Они так долго целовались, что пришлось ждать, пока она очнется.

— Ира?

— Что?

— Ты не ответила...

— Нет.

— Что?!

— Ты прав. Я бы... не позволила себе любить князя Радомирова. Ты был прав — это действительно был... шанс. Потому что на таких, как ты, не смотрят как на реальных людей такие, как я... Ты прав, Андрей! Прав, прав — тысячу раз прав, что ты еще от меня хочешь?!

Это была истерика, и князь был этому рад. Ира оттаяла, и теперь ее била дрожь. Тем более такого количества коньяка она, наверное, никогда не выпивала. Завтра, ко всему прочему, придется ее лечить.

— Надеюсь, моя будущая жена с этого момента больше никогда не усомнится в мудрости своего мужа. Но сейчас я хочу услышать, Ирина Алексеевна, — вы сделаете меня самым счастливым мужчиной под этим Небом? Ира... Ты выйдешь за меня?

— Я... я не знаю... Ты действительно считаешь, что...

— Ты сомневаешься в том, что я прав? Опять?!

Она улыбнулась и спрятала лицо у него на груди.

— Да, — прошептал князь ей на ухо, глядя по волосам. — Я считаю, что это единственный выход для нас. Пожалуйста, верь мне.

— Да.

— Ты согласна? Ты станешь моей женой? Княгиней Радомировой?

— Да.

— Можно я останусь?

— Нет.

— Я вернусь завтра. С кольцом.

Он поцеловал ей руку, откланялся и исчез.

И через минуту вернулся. С огромным трудом вырвал у будущей княгини до краев наполненный бокал со словами:

— Ирина Алексеевна... Я бы очень просил вас впредь пить спиртные напитки исключительно в моем присутствии!

И тотчас удалился, забрав бутылку коньяку во избежание.

Когда он перенесся в свой любимый дом, то без сил опустился в кресло. Дом, казалось, ждал хозяина, отчаянно скучал — и немного обижался за то, что о нем позабыли.

— Прости, дружище. Видишь, как оно вышло. Ты все это время пытался мне что-то сказать, а я не услышал.

До князя донесся шум волн.

Он специально развернул постройку так близко к морю, чтобы шум волн был слышен в любой части дома. Создавалось ощущение, что стены дышат и вздыхают вместе с ним. Романтика... Да, он был романтиком и редкие минуты меланхолии делил с этим приютом печального поэта, где все было готово к его незапланированным визитам — вестовые из Министерства всегда были исполнительны.

Подумать только... Весь этот год Ира была рядом...

Ира, Ирочка. Его гордая ласточка...

Ликование — потому что она нашлась. Потому что у него целая жизнь на то, чтобы сделать ее счастливой. И быть счастливым рядом с ней.

Горечь — потому что, умоляя ее о прощении, он давил и манипулировал.

И... Небо, у него опять не было кольца!

Он поднялся, готовясь выстроить заклинание телепорта. Как вдруг его пронзило осознание... И князь приказал в пустоту:

— Тамара Ильинична! Вы мне срочно нужны.

Он поразился холодности своего голоса.

— Что-то случилось, Андрей Николаевич? — Целительница появилась через две с половиной минуты.

— Мне в голову пришло подозрение... Подозрение, в которое мне очень не хочется верить...

Целительница насмешливо посмотрела на цифры часов, явно желая ему показать, что половина третьего утра — это, конечно, то самое время, когда надо вызывать человека, чтобы поговорить о своих подозрениях.

— Я сегодня нашел Ирину Алексеевну, — проговорил он, внимательно следя за реакцией целительницы.

— Слава Небесам! — выдохнула женщина с облегчением. — С девочкой все в порядке?

— Она потеряла Дар.

Тамара Ильинична только покачала головой.

— Почему мне кажется, что вы знали больше, чем говорили? — задумчиво протянул князь.

— Что вы хотите услышать от меня, ваше сиятельство? — холодно проговорила целительница, подобравшись. — Что мы всегда стоим на защите своих? Знаете, нас слишком мало, чтобы не обращать внимания на оскорбление, которое вы нанесли бедной девочке. Я должна была уйти от вас. Но пошла против правил. Я весь год была с вами. Простите, Андрей Николаевич, но требовать от меня большего в данной ситуации...

— Вы знали о том, что Ирина жива? — перебил он хрипло.

— Ничего конкретного. Но я догадывалась. И все время вам об этом говорила.

— Я думал, вы меня утешаете...

— Это все? Я могу быть свободна? — в ее голосе было столько льда, что можно было заморозить Южное море.

— Простите, — тихо сказал Андрей Николаевич. — Наверное, я просто немного обезумел.

— Идите спать, — уже мягче отозвалась она.

— Мне надо в столицу. За кольцом. Оно в сейфе. А потом — порадовать наследника и его бездельников-адъютантов.

— Все позже. Хотя бы четыре часа сна вам просто необходимы.

Он кивнул.

— И... Тамара Ильинична, я попрошу вас быть готовой завтра в восемь утра. Молодежь пила

всю ночь. А мне они нужны бодрые и деятельные.

— Я останусь здесь, на базе, — кивнула целительница. — Вызовите меня.

— Спасибо, — склонил он голову.

Женщина чуть улыбнулась, показывая, что не сердится. И исчезла в телепорте.

Удивительно, но он заснул, и ему даже приснился сон. Впервые за этот длинный, тяжелый год его не мучили кошмары, в которых Ирина то превращалась в ледяную статую и рассыпалась на тысячи осколков, то тонула в прозрачной ледяной воде. В эту ночь он не слышал ее крик о помощи, не мучился тем, что не может ей помочь.

Ему снилось яркое, ясное, чистое небо. Он стоял, задрал голову, и смотрел, как тысячи ласточек сновали туда-сюда с радостным щебетом:

— Счастье! Счастье! Счастье! Счастье...

* * *

Первым делом с утра он перенесся в Мраморный дворец — за кольцом. Помолвочное кольцо для невесты традиционно было подарком от будущей свекрови. Мама позаботилась об этом заранее, когда он был еще маленьким, — к сожалению, покушения и болезни в августейших семьях были нередки. И эта традиция в императорских семьях была более чем обоснованной. Жаль, что в случае с его родителями она себя полностью оправдала...

Он открыл сейф, достал шкатулку. Задумался, вспоминая...

Великая княгиня Радомирова с честью, гордостью и достоинством носила фамильные бриллианты стоимостью в половину принадлежащих Империи земель, но по-настоящему любила самые простые вещи. И шкатулку эту для нее отец специально заказал у цыган к зимним праздникам. Вещица была деревянная, с встроенной чеканкой на крышке — веточка жасмина, любимый цветок Анны Андреевны. Внутри отец положил изумрудное ожерелье, цены невероятной, чтобы как-то примирить себя с ситуацией. Ожерелье мама один раз только и надевала, на тот самый праздник, зато с простой цыганской шкатулкой не расставалась — края были до блеска отполированы, так часто брала княгиня в руки любимую вещь.

Запах жасмина заставил вспомнить маму, почувствовать ее рядом. Сын знал — ее душа стоит сейчас за спиной, улыбается светло и счастливо. Князь не сомневался, что его выбор матушка бы одобрила — порядочность, преданность, чистоту помыслов и широту души ценила она превыше всего и его этому научила.

Кольцо лежало на самом дне, в бархатной коробочке — бирюзовое сердечко, обрамленное бриллиантами. Все вместе смотрелось нежно и трогательно. Другое кольцо Ирочке не подошло бы, а это — как на заказ. Если бы он сам выбирал для нее подарок — лучшего бы не нашел!

Перед глазами на мгновение возникли строгий профиль, огромные, всегда печальные глаза, уложенные локоны и простая, деревянная шкатулка в руках. Тонкие пальцы гладят чеканный рельеф — веточку жасмина. Матушка...

Спрятав колечко на груди, князь шагнул в марево портала — пора вспомнить, что у него долг есть перед отечеством — молодежь воспитывать. Поди, заждались герои, размяться не терпится, себя проявить! Он улыбнулся своим мыслям, поскрипывая по не тронутому еще

снегу, что выпал за ночь. Ресторация, где гуляла со вчерашнего вечера золотая молодежь Поморья, кокетливо поблескивала меж сосен белыми мраморными колоннами вдалеке. Тихо... Только снег скрипит под ногами. На плечо Великому князю упал снежок. Поднял глаза — белка.

Поморье — край белой масти. Белые совы, лисы, волки, медведи, белки, даже змеи. Серая, черная или рыжая шкурка какого-либо зверька — редкость, диковина заморская. Контрабандой, конечно, возят. Но любому поморцу милее белый мех. И глаз у коренного жителя наметан — хоть и трудно зимой в лесу зверя за приметить на белом снегу.

Князь проследил взглядом за белкой, и вдруг прямо перед ним выскочил на тропинку волк. Выскочил и исчез — мелькнул серой тенью меж сосен, исчез в кустах можжевельника. Серый?!! Откуда? Видно, почудилось. В поморских лесах серых волков не водилось, да и места здесь слишком людные.

Правда, сохранилась легенда. Не было тогда Империи, да и слова такого не знали. А был Север — суровый, беспощадный, неприветливый к людям край. И жил на ледяной земле Правитель, поставленный самим Небом, хранимый великими Духами суровый завоеватель, строгий, но справедливый. И была при нем верная свита — тринадцать белых волков. Часто выезжал правитель Севера на прогулку в сани, и сани те волки мчали быстрее ветра.

Все шло хорошо — слава Небесам всеильным и Духам всемогущим, завоевывал правитель все новые и новые земли и пользовался любовью и уважением безмерным у своего народа. Да только беда пришла однажды, откуда меньше всего ее мудрый и сильный правитель ожидал. Поселилась черная зависть в сердце родного брата его, младшего по рождению. Отравила душу, замутила разум — толкнула на братоубийство...

Пригласил младший брат старшего к себе и стал угощать едой отравленной. Да только тот со своей верной свитой не расставался — всегда волков своих вперед себя кормил. Не стали волки есть — предупредили хозяина об опасности.

Ничего не сказал правитель брату своему единственному, лишь тяжелый взгляд холодных голубых глаз пронзил злодея холодом и страхом. Однако дома негостеприимного родственник не покинул — пошел спать. Зная суровый нрав правителя, младший брат, от страха перед наказанием обезумев, решил ночью дело свое черное да кровавое до конца довести — зарубить брата своими руками.

Волки князя спасли — не дали и близко подойти — охраняли всю ночь. Да только один волк обиды не простил — вывалялся в сажу, растворился в ночи и перегрыз горло брату-предателю.

Наутро правитель прогнал бунтовщика за самосуд и проклял род его, обрекая на вечные скитания и преследования. Но в благодарность за преданность даровал ему и всему его роду серую шерсть — чтобы легче от тех самых преследований было скрываться. Боялся он за преданного ему всем сердцем мохнатого друга, не хотел, чтоб с ним что-то случилось. Но убийства простить не смог, пусть и заслуженного.

Оттуда и вышел цыганский народ — серая волчья стая. Свободный, независимый, гордый, но верный.

Отец эту легенду любил и с цыганами был дружен, но и строг. А ему, князю Андрею, пришлось на войне плечом к плечу сражаться с баро местного табора, было дело. Не подвел серый волк своего князя — не струсил, был рядом до конца, не предал, последним куском делился. С тех

пор уважали они друг друга и старались друг другу не мешать.

Не из-за этой ли легенды до сих пор к храму Небес жених с невестой подъезжают на санях, запряженных белоснежными волками? Специально ради таких забав разводят хищников в питомниках, приручают. И ему бы так хотелось, Ире бы наверняка понравилось, вот только ему по статусу не положено... Жаль.

Он уже подходил, когда мысли его прервали пьяные выкрики. Молодежь веселилась от души — шампанское рекой, гитара, женский смех и... цыгане! Долго же жить будет серая стая!

Цыгане легенду ту тоже любили, если не сами же и придумали, и как могли поддерживали. Ходили все как один в серых волчьих шкурах, и где только доставали? Женщины под теми шкурами были чудо как хороши — стройные, высокие, гибкие, черноглазые. Волосы вились крупными кольцами, голос — чистый, сильный, чуть с хрипотцой сводил с ума. Мужчины — суровые, молчаливые, косили хитрым глазом и шкуры носили с волчьей головой. Конечно, приписывали цыганам и гадания, и проклятия, и мистику всякую. Правда это или нет, никто так толком и не знает, а только говорят, что народ этот во всех существующих мирах есть...

— Иди к нам, дорогой, все как есть скажу... — смуглая цыганка махнула ему рукой. Звякнули браслеты, волчья шкура будто случайно съехала с обнаженного плеча.

— Если вы в ближайшие три минуты не исчезнете, — раздраженно бросил ей Великий князь, — то я сам лично вам судьбу предскажу. И — что характерно — скажу всю правду!

— Ай, дорогой? Зачем злишься? Девушку пугаешь?

Тут к цыганке подошел старик, быстро прошептал ей что-то на ухо. Та побледнела, поклонилась. И гортанными криками стала подбадривать остальных девиц. А старик, прихрамывая, подошел к князю. Копна седых волос и борода почти полностью скрывали его лицо. Он стоял, опираясь на деревянную палку с вырезанной волчьей головой. Плечи чуть подрагивали от смеха под волчьей шкурой, черные глаза блестели из-под седых бровей.

— Не гневайся, Великий князь, не признала она тебя.

Старик улыбался, улыбался и князь Андрей. Оба были рады встрече и обнялись крепко, как старые друзья.

— Рув! Уводи свой табор — кончилось веселье на сегодня. Рад... Очень рад тебя видеть, но тороплюсь. Дел сегодня много.

— Успокой свое сердце. — Старик смотрел прямо ему в глаза. — Вижу, нашел ты свое счастье, князь. Хрупкий цветок, дикий. Береги ее.

— Спасибо, Рув, а сейчас забирай своих красавиц, не время и не место.

И мужчины снова крепко обнялись.

— А кто заплатит? — вдруг раздался пронзительный голос цыганки, и через минуту загалдел весь табор.

Андрей Николаевич улыбнулся — и достал чековую книжку.

— Сколько?

Старик назвал сумму — Андрей Николаевич спокойно вывел цифру и подписал. Отдал чек и лишь потом меланхолично заметил:

— И не стыдно тебе, старый лис?

— Я не лис, князь, — я волк. Мы не наглые, мы практичные. Тем более всю ночь работали — пели, плясали, гадали. И тебя, князь, не обидим! Баваль! Баваль, дочка, иди сюда!

— У вас осталась минута на то, чтобы убраться отсюда. Поторапливайтесь. И ничего не нужно, — князь попытался отделаться, зная прекрасно, что все равно не отделается. Это ж... цыгане!

Молоденькая цыганка — совсем девочка — подлетела, чмокнула старика в щеку и, развернувшись к Великому князю лицом, заговорила, едва касаясь смуглыми пальцами четких линий на шершавой ладони:

— Один из твоих господ, князь, — человек нехороший, бояться тебе его надо, золотой ты наш, бежать надо! Душа у него черная, глаз алчный, сердце трусливое — предаст он тебя! Позолоти ручку, князь, — всю правду скажу!

Великий князь насмешливо поморщился, ничего не ответил, снял с себя перстень и положил в раскрытую чумазую ладонь.

— Спасибо, князь! Не забуду доброты твоей и щедрости, — сверкнула девчонка белыми зубами.

Хлопок — и позади князя Радомирова появилась его личная целительница.

— Проследите, пожалуйста, чтобы последствий у этого гуляния не было. Еще незаконнорожденных не хватало.

Та поклонилась — и отошла к девчонкам, которые поприветствовали ее веселыми выкриками.

Князь прошел вовнутрь.

Пожалуй, эта часть сегодняшнего утра доставила ему особенное удовольствие.

Он увеличил силу своего голоса до такой степени, чтобы дрожали стены. Приглушил слух, еще не хватало самому оглохнуть, и скомандовал:

— Внимание! Построение! Всем спуститься вниз!

Выждал с полминуты — и опрокинул на каждого молодого бездельника по сугробу, что переместил со двора. Потом поискал взглядом место почище — полы они вином поливали, что ли? — переставил туда стул, засек время. И стал ждать.

Страдающий вид юных аристократов порадовал.

Наследник был бледен. Его явно подташнивало.

Алсапов выглядел откровенно злым. И не скрывал этого. Черные глаза гневно сверкали... Красавец!

Варейский же, помня нрав Великого князя и свое разжалование в солдаты, сдерживался изо всех сил, одновременно демонстрируя готовность идти на подвиг. Вот прямо сейчас. С утра.

Молодец!

Соколов казался встревоженным. Интересно, что его так насторожило? «Может, думает, что я императору или императрице доложу, как и с кем молодежь проводит ночи?» — подумал князь. И усмехнулся.

Что касается Волкова, то он выглядел... Как обычно. Большой. Добродушный. Сильный. Флегматичный. На нем, на единственном, излишества этой ночи никак не отразились. Должно быть, сказывался столичный опыт попок и дебошей. Орел!

— Итак, — еще раз оглядел наследника и его адъютантов князь. — К делу, господа! По приказу его императорского величества на территории имперского города Джанхот и прилегающих к нему окрестностях проводятся учения по ликвидации последствий стихийных бедствий. Речь идет о последствиях, вызванных снегопадом. Вашей задачей является организация мероприятий с использованием всех имеющихся в данном районе сил и средств. Ваше высочество, вы руководите операцией. Ваша... свита — это ваши заместители. Вопросы?

— Кто в городе и в районе будет оказывать нам поддержку? — спросил быстрее всех соображающий Алсапов.

— По идее все гражданские и военные организации. Все, кого найдете, — и князь широко улыбнулся, явно издеваясь.

— Значит, специально вы никого не предупреждали?

— Вы абсолютно правы, светлейший князь.

— Это все замечательно, однако, на мой взгляд, учения так не проводятся, — обиженно проговорил Соколов.

— Учения — нет, — перевел князь тяжелый взгляд на графа, адъютанта и поэта. И стал объяснять. Ему все время казалось важным достучаться до каждого из этих мальчишек. Сделать так, чтобы они сберегли все то, что он, император и люди их поколения добывали кровью.

Убедился, что все пятеро, несмотря на тошноту и головную боль, слушают его внимательно. И продолжил:

— Так начинаются чрезвычайные ситуации: стихии, бомбисты, революции, нападение врага извне... Все это так и происходит. Без согласования со штабом, его величеством и даже со мною. Внезапно... Мгновение — вы гуляли и пили. А в следующее — уже надо быстро реагировать на угрозу. И вы или готовы брать ответственность на себя и организовывать что угодно — от ликвидации последствий метели до тактических мероприятий по обороне границы, или... У вас кризис власти — и всегда найдутся те, кто отправит вас и ваши семьи под нож или бомбы... И начнут править сами. Ваше высочество? Принимайте командование...

— Слушаюсь! — иронично отозвался наследник.

— Я привел Тамару Ильиничну, — Андрей Николаевич кивнул на целительницу. — Она вам поможет. И заметьте — это очень, очень великодушный жест с моей стороны! А теперь я позволю вам всем откланяться — у вас много дел. Да, ваше высочество... У меня сегодня — выходной. И... наверное, завтра.

Раздался какой-то слаженный гул удивления — но никто ни о чем не спросил. Не посмели.

На этом он и откланялся.

Джанхот. Утро. Двадцать третье декабря.

Она

Я, улыбаясь, слушала всю ночь, как метель гудит за стенами моего домика. Надо же... Пришел. Нашел. Как в сказке. В которую я, признаться, никогда не верила.

И не приснилось ли мне, что вчера Великий князь предложил мне стать его женой? Явно сон. Или видения под воздействием алкоголя. В таком количестве, да еще и такого крепкого я никогда не употребляла.

К семи утра ветер стих. Я посмотрела на часы, улыбнулась шарик, вздохнула — и пошла откапываться. Главное было — открыть дверь и выйти из дома. А пока меня ждали домашние заботы: растопить печь, приготовить завтрак — на двоих... При этой мысли сердце забилось часто-часто.

Взяла с собой светящийся шарик, чтобы он освещал мне двор. Когда же на нашу улочку проведут освещение? Мы уже и деньги сдали с каждой улицы. А все — темень. Однако здесь, на окраине городка, мне было уютно. И близость леса только радовала.

Я не сразу открыла дверь — снега намело много. Но упрямство — дело хорошее. Я потихоньку ее то приоткрывала, то прикрывала. И так проделала щель, в которую и протиснулась.

Теперь дойти до сарайчика, где от прежних хозяев осталась широкая лопата для уборки снега. Снега намело мне по пояс. Я провалилась. Упала, опрокинулась на спину — и уставилась в темное еще небо. Шарик завис прямо надо мной, но в следующее мгновение, будто убедившись, что со мной все в порядке, отодвинулся в сторону и стал вместе со мной смотреть на исчезающие звезды. И было так хорошо, так спокойно. Пока я не услышала крик:

— Ирочка!!!

— Что? — спросила, не поднимаясь.

Андрей рухнул рядом со мной. Вот странно — он не провалился в снег. Тот сразу утрамбовался под ним в упругий наст. Позволил мужчине расположиться комфортно. И даже (я в этом уверена) не попытался залезть ему за шиворот.

— Целительницу? Чем помочь?

— Посмотри, какое небо...

— Ты... просто? — не поверил он.

— Я просто валяюсь в снегу, — ответила. Вздохнула. И стала подниматься. — Надо до сарайчика дойти, найти лопату. И как-то попробовать откопаться.

— Не выдумывай. — Он поймал меня за руку и уронил на себя. Прижался теплыми губами к моим. — Не замерзла?

— Нет, — улыбнулась я.

— Я боялся, что не застаю тебя. В какой-то момент мне показалось, что все произошедшее — это лишь сон.

— И мне.

— Погоди.

Андрей чуть отстранился, на секунду выпустив меня из объятий. Я тут же рухнула обратно. Он попытался меня поднять, мы упали снова и уже с диким визгом валялись в снегу и играли в снежки. Наконец Андрей схватил меня на руки, поставил прямо, отряхнул деловито со всех сторон.

— Ирочка, — выдохнул, словно разом забыл все слова. И молча, поймав мою руку, надел кольцо на безымянный палец. Я смотрела на бирюзовое сердечко, на искорки от брильянтов — красиво. Красиво, но непривычно очень...

Жених подхватил меня — и понес в дом. Дальше ковра около камина мы не продвинулись...

— Что? — Андрей приподнялся, когда я все-таки стала решительно выкручиваться из его объятий.

— Свет. Я хочу выключить...

Он улыбнулся — ему не надо было хлопать в ладоши — все и так его слушалось...

— Я тебя люблю, ласточка моя.

И опять остались только отблески огня на наших телах...

Потом я кормила его завтраком — ничего особенного: хлеб, сыр да холодное мясо. Кофе в доме не было.

Было какое-то исключительное удовольствие кормить своего мужчину. На своей кухне. После близости с ним. Он все время старался коснуться меня, словно боясь поверить в реальность происходящего.

А потом мы встретились взглядами...

— Пойдем, — хрипло сказала я. Сама.

И мы оказались в спальне. Но как только наши головы коснулись подушки — мы, обнявшись, заснули.

Разбудил меня его голос, резкий и властный:

— Да.

Я открыла глаза. Андрей, скептически улыбаясь, кого-то слушал.

— Да, ваше высочество. Внимательно. Со мной?

В голосе теперь звучало удивление.

— Со мной все в порядке. — И снова холодно: — Через тридцать минут я жду вас и вашу свиту в моем поместье. Там и отчитаетесь. У вас же координаты есть? Честь имею.

Я улыбнулась — и обняла его плечи. Как я скучала...

— Прости, что разбудил, — развернулся он ко мне. — Я утром четко объявил, что у меня — выходной день. А все равно побеспокоили. Советоваться хотят.

Он погладил меня по голове.

— С твоими волосами решительно надо что-то делать...

— В смысле?

— Отращивай срочно! Кстати, сколько тебе надо времени, чтобы собраться?

— Куда? — Шевелиться не хотелось... Как-то много всего случилось за одни сутки. — Сколько времени?

— Уже вечер... Мы проспали весь день.

— Хорошо...

Я потянулась и зевнула.

— Ирочка, надо собираться!

— Не хочу.

— Тут недалеко... Ты там уже была. И тебе даже там нравилось. На рассвете там будет прекрасный вид с террасы, и я сварю тебе кофе.

— Может, я останусь тут? Я обещаю, что никуда не денусь.

— Ира. Пожалуйста. Я не могу рисковать. Понимаешь, я тут нянкой при наследнике работаю. И ладно бы только наследника воспитывать — так и всю свиту... Совсем про этих оболтусов забыл. Нам надо отправляться в мое поместье. Я же не могу приказать им явиться в твой дом.

— И на том спасибо.

— Пожалуйста.

— Хорошо, — не стала спорить я. Действительно, прошлый раз, когда я обещала его дождаться, не очень хорошо получилось...

— Вот и умница.

Мне хватило четверти часа, чтобы собраться, одеться и уложить волосы.

— И никакие они не короткие — по лопатки, — проворчала я, спускаясь по лестнице.

— Короткие, короткие, — продемонстрировал хороший слух князь. — Ты готова?

Я показала на саквояж у себя в руках, который тут же отняли.

— Мне надо запереть дом.

— Я уже затушил огонь.

Мне стало как-то страшно — все-таки это был первый мой собственный дом. Жаль было его оставлять — вот так, бросив все, словно сбежав от чего-то...

— За домом присмотрят, — прошептал на ухо Андрей. — Ты готова?

— Не знаю, — прошептала я.

— Доверься мне.

Поместье было таким же, как и прошлой зимой. Казалось, мы только что перенеслись в него — продрогшие, чудом избежавшие смерти... Как будто я просто дождалась тогда Андрея и не было этого года разлуки...

Я решительно отерла глаза. Андрей меня поцеловал.

— Сейчас здесь будет много народу. Ты хочешь познакомиться с наследником и его адъютантами сегодня, или мы отложим это мероприятие?

— Пожалуй, отложим.

Честно говоря, я абсолютно не представляла, как мою жизнь совместить с высшим светом.

— Не печалься, — улыбнулся князь. — Тебе еще учиться танцевать. И не только вальс...

— Я, кстати, умею! — гордо заявила я. Но природная правдивость заставила добавить: — Когда-то умела. Нас в Академии учили.

— А нас сначала в кадетском корпусе, а потом в военном училище. — Он прислушался. — Сейчас тут будет многолюдно.

Я поцеловала его в щеку — и побежала вверх.

В длинном темном коридоре меня внезапно охватила дрожь — здесь веяло тоской заброшенного дома. Отчаянием несбывшихся надежд... Я повернула назад — но, услышав хлопок раскрывшегося портала, поняла, что аристократы во главе с наследником уже прибыли.

Уселась на первую ступеньку лестницы — на границе света и тьмы — и приготовилась ждать.

— Чем обязан, господа? — раздался насмешливый голос Андрея.

— Мы хотели бы отчитаться. И узнать ваше мнение, все ли мы учли.

— Слушаю вас, ваше высочество.

— Я взял на себя общее руководство и общение с администрацией городка. Только они не так мне помогают, как жалуются на жизнь. Просто невозможно терпеть!

— Так не терпите, — желчно проворчал Великий князь. — Лучше спросите у городского головы, почему нет освещения на улицах города. Я вчера ни одной сферы не видел.

Вот этот вопрос и меня волновал. Я даже приподнялась, чтобы спросить, на что пошли наши деньги. Но потом подумала. И уселась обратно.

— А что остальные?

— Разрешите доложить, ваше сиятельство!

Голос был веселый и злой.

— Как же провел день князь Алсапов? — теперь в голосе моего мужчины была издевка.

— Я координировал действия силовых структур по обеспечению порядка в городе.

— И что вас так... уязвило?

— Они издеваются!

— Армия, мой милый князь, это такая организация, где уважают за заслуги, а не за череду высокопоставленных предков.

— Но это же мятеж!

Великий князь Радомиров обидно рассмеялся:

— Ваше сиятельство, если вам сегодня объясняли, что вы — новобранец-первогодок, то так оно и есть. Хотите уважения — заслужите его. Граф Волков, что у вас?

— Я координировал работу по обеспечению жителей с помощью целительниц. Все в порядке, в штатном режиме.

— Так у него всю работу Тамара Ильинична делала, — возмутился голос. Не наследника, а тот, второй, — князя Алсапова.

— Все, о чем меня просили, я четко выполнял, — спокойно ответил граф Волков.

Я почувствовала к нему невольную симпатию. Вот никогда не любила, если кто-то (не из целителей, разумеется) начинал учить нас — как лучше.

А молодой человек продолжил отчитываться:

— Организовал помещение, питание, амулеты подпитки энергией... Ну и потом — занести — принести — унести.

— Я заведу поисками пропавших. Мы разместились в здании местной школы для девочек. Мне сказали, что так принято.

Голос этого говорившего был мне откуда-то знаком. Но я не могла вспомнить.

— Мы уже получили сведения о двух десятках пропавших. Нашли семнадцать человек. Они в госпитале.

— Хорошо, князь Варейский, я вас понял. А что у вас, граф Соколов?

— А меня поставили руководить коммунальными службами! — еще один возмущенный.

— Тогда почему не везде снег почистили? Центральную улицу отгребли — и молодцы? — теперь в голосе Великого князя был гнев. — А люди из домов выйти не могут. Например, улица Сосновая. Там живут люди. А никто так и не появился, узнать, все ли у них в порядке.

Я удивилась, услышав название своей улочки. И тут же кольнуло — а как же моя соседка, Мария Ивановна? Та, что помогла мне тогда... Я и не подумала к ней зайти. Не помогла снег убрать.

— Кстати, это касается всех, не только графа Соколова, — продолжал гневаться Великий князь. — Списки всех, кто живет в городе, есть? Взяли, поделили по секторам — и вперед. Каждый со своей командой.

И буквально через минуту раздался хлопок — мы в доме остались одни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ты идешь, попадая ногой в волчий след —

только ветер колющий в лицо.

Путь не близкий лежит у тебя впереди.

Иди, Рэй, иди.

Джанхот. Настоящее время. Он

Великий князь Радомиров Андрей Николаевич засыпал, улыбаясь. Эта глупая, по-мальчишески ликующая улыбка не желала сходить с его губ с того самого момента, как он обнаружил Иру, сидящую на лестнице.

— Ты чего тут? — опустился он к ней, сел рядом и обнял. Она, как котенок, сонно потыкалась ему в плечо и пробурчала:

— Там темно.

— Чудо мое... — рассмеялся он, подхватывая ее на руки. — Пошли спать. Только надо будет сразу второе одеяло найти, а то ты мое наверняка отнимешь.

— Идем...

— Почему Джанхот? — спросил он вдруг, лежа напротив нее. — Почему из всех городов Империи Поморья ты осталась жить именно здесь?

— К тебе поближе, — сонно выдохнула она, но он уловил сарказм в голосе. — Я не хочу сейчас говорить об этом, это... слишком больно.

Андрей как-то горестно покачал головой и притянул ее к себе:

— Спи, чудовище.

Ира закрыла было глаза, но уже через минуту любопытство победило усталость:

— Почему чудовище?

— Потому что! Я сходил с ума, поднял всю Империю на дыбы, чтобы найти тебя, — а ты была рядом...

— А потом просто пришел ко мне... — Она уже была полностью завернута в его одеяло. — Потому что это было правильно... И мне больше нравится, когда ты меня называешь ласточкой...

— Спи, моя ласточка!

И она спала.

А утром, когда он проснулся с той же улыбкой на губах, — она исчезла.

Кровать была пуста, одеяло — аккуратно сложено...

— Ира! — заорал он, вскакивая так резко, что в голове зазвенело. — Ира! — выбежал в коридор.

Пытался прислушаться — это плохо удавалось сквозь грохот сердца и шум крови в висках.

— Чего ты кричишь? — выглянула она из спальни, закутанная в его халат. — Напугал.

— Где ты была?

— Не поверите, Андрей Николаевич — в купальне! — Она морщилась и с силой терла бедро. — Налетела на столик... Теперь синяк будет...

— Иди сюда — пожалею. — Он улыбался, но сердце все не унималось — билось раненой птицей о грудную клетку.

— Ты больше не пугай, — весело сказала она. — У меня и так с мебелью непростые отношения.

— Личные? — рассмеялся он.

— У мебели — углы, а у меня — конечности.

— Бедная моя...

— Раньше я, конечно, не обращала на это внимания, пара секунд на лечение — и все. А вот теперь...

Она замолчала, натянуто улыбнулась.

— Ира, — он поцеловал ее в макушку, — я сделаю все возможное, чтобы помочь тебе вернуть дар. Мы обратимся к целителям, к преподавателям вашей Академии. Проконсультируемся у княгини Снеговой. Спросим у Тамары Ильиничны...

— Кто это?

— Моя личная целительница. Еще отец приставил. Мы с ней не разговаривали в этот год, правда... Но теперь, я думаю, она меня простит.

— А не разговаривали почему?

Князь Андрей только вздохнул — и погладил любимую по щеке.

— Не понимаю... — нахмурился он. — Я, конечно, не видел еще целительниц, лишенных дара, но с магами, от которых ушла сила, встречаться приходилось. Их называют «выгоревшими». Или трухой.

— И что? — Ира напряглась.

— Через тебя проходят потоки силы. Очень четкие и яркие. Ты не лишилась магической энергии.

— Меня уже осматривали целители. Сказали, что сила ушла, — прошептала она. — Труха...

— Ира, я не знаю, что было год назад, после... — он запнулся, — после всех этих событий. Я тебе говорю то, что вижу сейчас.

— Они говорили, что такое может быть, но мне казалось, что меня просто утешали...

— Не знаю. Не уверен. Но вот что я скажу тебе. — Он заставил ее посмотреть себе в глаза. — Будет сделано все: возможное и невозможное. Но... Если ничего не получится, то я предложу тебе возглавить патронаж над целительницами Империи.

— Что? — она даже зажмурилась.

— Согласен, работа трудная — объем огромный... Давно, кстати, собирался, но были сомнения...

— Какого рода?

— Объем финансирования. Такие фонды очень продуктивно разворачиваются... Но это, так сказать, план «Б». А пока давай одеваться. Я распорядился насчет завтрака. Хотя, — он посмотрел на часы, — время уже к обеду. Вестовые накрывают на стол.

Ирина прислушалась — внизу действительно кто-то ходил.

— Я бы хотел представить тебе одного человека — моего друга. Если, конечно, ты позволишь...

Она воззрилась на него с недоумением.

— Понимаешь, по протоколу я должен представить свою невесту Императорской семье. Сначала.

— У нас изначально все, как я понимаю, не по протоколу...

— Пойдем завтракать. — Он улыбнулся и предложил невесте руку.

Джанхот. Она

— Простите, обед у нас самый простой, — обратился ко мне после представления генерал-полковник Макаров, которого князь Радомиров охарактеризовал, в числе прочего, как своего

близкого друга.

Генерал — нестарый еще мужчина, высокий, худощавый, темноволосый и темноглазый — мне понравился. Судя по фамилии, он происходил не из знатного рода. Следовательно, чтобы он очутился так высоко, с низов пробивались как минимум три поколения Макаровых. Все как у моих родителей...

— Где вы познакомились? — спросила я.

— На войне, — пожал плечами генерал.

Да... «Неявная» война — как ее назвали потом в учебниках мировой истории, «Черная» — как называли ее наши — действительно прошла по всем в Поморье...

Сразу после гибели императора и императрицы девятнадцать лет назад никто официально на наше государство не нападал. Были волнения в стране, какие-то как бы непонятные наемники высаживали многочисленные и хорошо организованные десанты на границах Империи Поморья. Четыре года длилось это противостояние — ожесточенное, яростное. Нынешнему императору удалось поднять весь народ и сплотить его.

Мне эта война принесла сиротство — мама и сестра погибли, когда в последние дни войны были вырезаны семьи офицеров и солдат, обороняющих Мироград. Отец умер от обширного инфаркта спустя месяц — в тот момент, как было объявлено о победе.

— Мы познакомились с Семеном Семеновичем здесь, на юге, — сказал князь Андрей, вернув к реальности.

— Дела здесь шли хуже, чем на востоке. Там генерал Иевлев — как я понимаю, ваш батюшка — организовал оборону Мирогграда таким образом, что за каждый пройденный метр нашей земли противник платил таким количеством убитых и раненых, что особо не рвался вперед. До сих пор оборона Мирогграда изучается в учебниках истории как образец военного искусства. Простите, наверное, мы зря затронули эту тему?

— Нет, — решительно отерла я глаза. — Отец... Да, он такой был. Я потом узнала, что у него от напряжения из складок на ладонях сочилась кровь... Я даже боюсь предположить, какое у него было давление... А уж потом, когда мамы и сестры не стало...

Увидела запрещающий взгляд князя Андрея, обращенный к генералу Макарову:

— Нет. Не надо. Мне так хочется иной раз поговорить с кем-нибудь о папе, о моей семье...

Тогда Андрей подал мне руку. Я протянула свою. Он сжал ее обеими руками. И уточнил:

— Мы говорим про юг. И о том, как мы познакомились.

— Да, — согласился с ним генерал Макаров, смущенно поглядывая на меня. — Простите бесчувственного солдафона.

— Тогда еще капитан Макаров командовал участком фронта...

— Препоганым, надо отметить. Неподалеку отсюда. Вражеский десант смог прорваться в глубь территории. А это же горы. Под чьим контролем высота — тот и творит, что хочет. Мало мне было головной боли, так еще — представитель ставки! Прибыл из самой столицы.

Контролировать нас и осуществлять общее руководство. Ну, и потребовал меня к себе. А я ему и говорю!..

— Семен Семенович! — протянул князь.

— Да понимаю я все, повторять дословно не буду, — рассмеялся генерал. — Смысл и так понятен. Я выразил негодование, что молодые щенки-аристократы и сами помочь не могут, и на убой безоружных солдат гонят. Патронов мало, ледовых бомб нет вовсе, солдаты голодные, прикрытия магического — никакого. А нам господствующую высоту брать.

— И что? — Я от любопытства завертелась на стуле от одного к другому, как птичка на жердочке.

— Молодой аристократ внимательно выслушал мои вопли — кстати, я тогда знать не знал, к какой фамилии он принадлежит. Через двадцать минут у нас были боеприпасы и провиант — слова «каторга» и «сгною» в устах представителя ставки обладают большим воздействием, чем «расстреляю» боевого офицера. Тогда я и понял, зачем они, эти самые представители ставки, нужны. А еще через полчаса он пошел с нами в атаку. Благодаря его магической поддержке мы взяли ту высоту. И даже без невосполнимых потерь. Так и познакомились.

— И уже не важно стало, как ты танцуешь вальс, — со смехом сказал князь.

— А при чем здесь вальс? — не могла не спросить я.

— Мой дед землю пахал. Но отцу образование дать смог. Я уже поступил в военное училище. За деревенский говор, незнание иностранных языков и особенно за танцы надо мной, конечно, глумились. Чуть было не отчислили за неумение танцевать вальс с первого курса...

— И у меня с танцами было как-то не очень, — задумчиво протянула я. — Но меня никто отчислять не собирался...

— Ты же говорила, что умеешь танцевать? — изумился князь Андрей. — И мы даже вальс танцевали в Миргороде.

— Умею я танцевать, — гордо отвечала я. — Но плохо.

Мужчины рассмеялись. Я встала — они незамедлительно и очень слаженно поднялись, оказавшись на ногах раньше меня.

— И как вы это делаете? — проворчала я.

Дальше я им сообщила, что хотела бы прогуляться по поместью, сопровождать меня не надо — и да, я помню, что на скользкую тропинку, ведущую к морю, без сопровождения я не пойду.

Через какое-то время меня догнал князь Андрей.

— Не замерзла? — спросил, обнимая меня.

— Нет.

Я наслаждалась видами поместья, словно вписанного неизвестным художником в вековой сосновый лес. Мысли, которые меня сегодня сопровождали, не были ни мрачными, ни тоскливыми — я была счастлива.

— Почему ты ушла?

— Хотела побыть одна. И я подумала, что вам надо поговорить наедине.

— Ласточка моя, я понимаю, — разговор был тяжелый. Но... привыкай...

Джанхот. Он

— И что вы скажете о наследнике?

После того как Ирина их покинула, князь Андрей и генерал Макаров перешли в кабинет.

— Он — сын своего отца, — развел руками генерал. — Однако, когда командует, интонации ваши.

— Значит, в целом неплохо? — иронично поинтересовался Радомиров.

— Он молод, горяч, вызывает симпатии офицеров и любовь солдат. Умеет воодушевлять. Прост в общении, но при этом величественен. Кстати, все распоряжения были даны толково. Кое-что упустил, но прислушался, когда я посоветовал обеспечить охрану водонапорной башни. Очень профессионально запугивал городского главу и руководителя района. Кстати, через час он запланировал встречу с местными жителями. Желает общаться. Хочет привлечь их к расчистке дороги. И улицу Сосновую от снега вычистили. Я так и не понял, что адъютанты с этой окраинной улицей так всполошились.

— Замечательно, — улыбнулся князь. — Надо посмотреть на это действие — и можно будет отбыть в столицу до ужина. Вы же присмотрите за его императорским высочеством?

— Конечно, — кивнул генерал Макаров. — А в столицу зачем? У вас же не было таких планов.

— Я же не знал, что Ирину найду... здесь... Я сделал Ирине Алексеевне предложение, и она его приняла.

— Поздравляю.

— Спасибо, — рассеянно протянул князь.

— Что же произошло в прошлом году?

— Кто-то, — нарочито спокойным голосом проговорил Великий князь, — совершил проникновение на территорию моего как бы хорошо охраняемого поместья... Кто-то отпер для Ирины дверь этого самого кабинета, чтобы она в документах порылась. Кто-то изобразил из себя служанок и открыл глаза Ирине на мое подлое поведение.

— С ума сойти, — выдохнул ошарашенный генерал Макаров. — Это кто у нас в Поморье настолько не ценит собственную жизнь?

— Скорее уверен в собственной безнаказанности...

— Вы думаете?

— Я просто уверен, что это императрица. Взлома не было. Иначе у вас на базе в первую очередь сработала бы магическая защита. Значит, открывали ключом. Он есть у вас, есть у императора. Все. Эта выходка... Уж больно в стиле жестоких розыгрышей, которые так любит супруга моего брата... Можно сделать вывод... — и лицо князя закаменело, не предвещая ничего хорошего той, о которой он говорил.

— Андрей Николаевич, Небесами заклинаю! Все ведь обошлось... Оставь ты эту историю. Ты сам говорил, что не собираешься ничего предпринимать против императрицы в глобальном масштабе — ты слишком привязан и к наследнику, и к его младшей сестре. Развод слишком плохо отразится на престиже монархии. Это только испортит ваши отношения.

— Куда уж больше...

— Ты же сам удивлялся — год затишья. Год она ничего против тебя не предпринимала.

— Видимо, шутка удалась чуть в большем масштабе, чем она планировала...

Он простился с генералом, распорядился подогнать экипаж — захотелось романтики — и отправился искать Ирину.

Они подъехали на центральную площадь их маленького городка, что носила гордое название «Имперская», как раз тогда, когда наследник заканчивал обращение к народу.

Все было правильно и патетично. Народ в глубинке более консервативен, чем в высокомерной столице — зрелище проникало в сердце людей, у подданных горели глаза от воодушевления.

— Хорошая работа, — послушав буквально несколько секунд, обронил князь Андрей. — Ты не замерзла?

Ирина отрицательно замотала головой, с восторгом рассматривая молодого наследника.

— Я буду ревновать! — прошептал ей на ухо князь Андрей. Выпрыгнул из экипажа, протянул невесте руку. — Мы с тобой отправляемся в столицу.

— Хорошо, — улыбнулась она. — Я скучала по городу.

Одновременно с хлопком открывающегося портала раздался крик их возницы:

— Код девять! Диверсия! Диверсия! Портал схлопывается!!!

Но тьма уже поглотила их.

Самый страшный кошмар для жителей Поморья — это схлопнувшийся портал. Взбесившаяся магия перемещения, которая вдруг перестает подчиняться. И вместо того, чтобы доставить одного мага — если портал личный — или группу пассажиров — если общественный — из одной точки в другую, портал захлопывается сам на себе. И через какое-то время выдает ошметки тех, что когда-то были людьми. Так погибли родители ныне царствующего императора.

До их трагической гибели никому в голову не приходило, что можно использовать порталы как орудия убийства, хотя несчастные случаи, конечно, случались... Но как убийцы воздействовали на портал? Как им противодействовать? На этот вопрос уже без малого двадцать лет пытались найти ответ и Тайная канцелярия, и лучшие умы Империи. Но пока безрезультатно.

А вот сейчас князь Радомиров увидел небольшой жемчужно-серый шарик под ногами. Должно быть, кто-то, стоящий совсем рядом, кинул его под ноги в тот момент, когда князь открыл портал.

Ну что ж... Еще двадцать лет назад он приказал разработать план спасения и от этой смертоносной моды времен Черной войны. Пришло время испытать еще одну задумку профессора Сиялова.

Кольцо давало магу шанс при активации своих способностей остаться в живых, попав под непроницаемый купол. Кроме того, император отдал приказ создать защитный амулет. Но нашелся иной выход. Идея профессора была, с одной стороны, гениальна, с другой — имела один существенный недостаток.

В качестве артефакта использовалась та самая серая сфера, по вине которой портал схлопывался. Маг просто останавливал ее программу и использовал тот же самый энергетический выброс для того, чтобы оказаться в другом месте. После этого портал все-таки схлопывался, но маг успевал спастись. Если же нет, то в теории сила хлопка ослабевала настолько, что мага могли спасти целительницы. Испытаний, понятное дело, не было.

К сожалению, воплотить идею профессора в жизнь по магическому потенциалу могли лишь Великий князь Радомиров, наследник и его величество император. Выход был найден, но только для членов императорской фамилии. Однако если учесть, что именно они были главной мишенью бомбистов, — это уже был огромный успех.

Князь Радомиров услышал вопль солдата — и его залила волна такой обжигающе-пламенной ненависти к той твари, что пыталась убить — ладно его самого, но Иру... И растворившись в этой ненависти, он настолько явно представил себе скалу неподалеку, к которой любил сбегать в детстве, что мог, наверное, просто коснуться ее рукой и почувствовать подушечками пальцев шершавую поверхность нагретого солнцем камня. Даже страха, что не хватит энергии, не было.

Он уставился на маленький серый шарик:

— Давай, родная... Давай, серенькая... Ну!

Через несколько мгновений он рухнул в снег, заливая его алым. Как же он ненавидел вид испачканного кровью снега! Кровь, как назло, сочилась отовсюду — из носа, из пор. Даже из ладоней. И пачкала, пачкала чистый белый снег вокруг...

— Вырвались... — беззвучно сложились его губы.

Как-то отстраненно он заметил, что Ирина забрасывает его снегом, особенно старательно лепит снежок и пытается примостить его на переносицу.

Потом говорит что-то — он не слышит, что именно. Роется в сумочке, достает какой-то камень в темной оправе. Начинает срывать с него одежду — какие же у нее холодные руки... Она прижимает кулон к телу, исходящему кровью, где-то в области солнечного сплетения...

И кровь подчиняется. Она перестает стремиться наружу.

Они спаслись... Снова спаслись! Вопреки всему.

Окрестности Джанхота.

Скала Парус. Она

Я ненавидела себя. За то, что замерла, когда Андрей стал истекать кровью. За утраченный дар. За то, что растерялась.

Зарычала — и стала забрасывать его снегом, чтобы хоть как-то попытаться остановить кровотечение. Потом вспомнила, что так и не выложила из сумки амулет, останавливающий кровь. Конечно, я понятия не имела, подействует ли он сейчас, когда я потеряла дар, — но вариантов особых не было.

Я высыпала все, что было в сумке, на снег, схватила кулон, распахнула шинель, китель, порвала рубашку — надо добраться до тела... Приложила артефакт в район солнечного сплетения. Хвала Небесам — кровотечение прекратилось. Стряхнула с руки перчатку, прижала пальцы к шее. Пульс был.

Больше ничего сделать не могла — только положить его голову к себе на колени, молить Небо о милости. И ждать...

Грохотало о замерзший берег серое мрачное море, где-то рыдали чайки. Низкое тяжелое небо с подозрением поглядывало на сугробы, появившиеся за ночь.

— В детстве я любил сюда удирать, — раздался тихий хриплый голос. — Мое любимое место... Хорошо, что нас вынесло рядом, а не впечатало в скалу...

— Да, — прошептала я. — Слава Небесам — мы живы остались. И ты очнулся...

— Мы с Александром сюда удирали регулярно. Как-то, нам, по-моему, лет по одиннадцать было, сделали плот. И попытались отправиться в плавание. Конец сентября... Штормило. Нас спасли моряки. Вечером меня порол мой папенька, а Александра — его.

— Пороть детей! — ужаснулась я. — Как можно!

— Подрастут наши — подискутируем.

Надо же — сам белый, сосуды на лице полопались — а смеется...

— Надо отсюда выбираться, ты замерзнешь, — проворчала я.

— Меня надо поцеловать, — прошептал одними губами.

— Никакой порки детям! — потребовала я перед тем, как коснуться его губ.

— Только если за ложь... — явно о чем-то вспоминая, тихо сказал он.

— Так, — распорядилась я, — поднимайся.

— Тебе придется взять на себя наше прикрытие магией.

— В каком смысле? — Вот уж кем я никогда не была, так это магом.

— Кулона связи нет, у меня ни капли энергии. Нам идти около трех километров берегом.

Горами — короче, но туда мы соваться не станем, слишком рискованно. Как ты видишь, все завалено снегом. Необходимо передать мне часть энергии, чтобы я поднялся. И сделать, чтобы перед нами расстилась узкая, но плотно утоптанная тропинка.

— Но я этого делать не умею!

Первый шок прошел, и к горлу подступил страх осознания того, что случилось... Холодный, липкий, безжалостный.

— Придется научиться. Надо будет выбраться сюда летом. Если оплыть скалу под водой, появляется удивительное чувство... Свободы, наверное...

Я закатила глаза. Романтичный мужчина — это, конечно, замечательно! Вот только не вовремя...

— Будем строить плот?

Злость вернула самообладание. Подумалось о том, какой он сильный и мудрый, — это он меня отвлекает разговорами специально, чтоб не впала в истерику...

— Нет... Как корабельных дел мастер я никуда не похужу... Угоним корабль у военных. Они меня простят...

Он замолчал, вглядываясь в небо, которое далеко-далеко у горизонта было не серое, как все вокруг, а какое-то тревожно-синее...

— Возьми свой браслет, рассмотри камни... Расслабься, просто смотри, — раздался его голос. — Вокруг покой, тебе спокойно... Дыши вместе с морем, в такт набегающим волнам. Море сильное. Очень, очень сильное. Ты можешь попросить частичку этой силы. Она проходит через тебя — и ты оставляешь ее в браслете. Распределяешь в камнях, по узору, влетаешь в нити...

Я слышала его голос и не слышала своих мыслей. Я была с морем — с каждым его ударом о землю. Я была самым морем — его легкими, его сердцем, его душой...

— Ира, Ира... Хватит!

Я поняла, что меня тормозят, — и недовольно скинула чью-то руку.

— Ирочка, ласточка... — Его губы, почему-то теплые, на моих губах. — Девочка моя, возвращайся ко мне. Я тебя люблю...

И я послушалась. Тяжело вздохнула — возвращаться не хотелось — но послушалась.

Распахнула глаза и увидела близко-близко встревоженное лицо Андрея.

— Все хорошо, — громко сказала я. Во мне что-то бурлило, переливалось, искрилось...

Он расстроено покачал головой:

— Я и забыл, что ты никогда не работала с внешними энергиями. Так глубоко погружаться нельзя. Можно и не вернуться... Когда нас учили — нас страховали. А я сейчас магии лишен.

— Все хорошо! — упрямо повторила я, по-прежнему не понимая, чего он такой насупленный, и немного обижаясь, что он не радуется вместе со мной. — Что мне теперь надо делать?

— Надень свой браслет мне на руку — мой рассыпался.

Я так и сделала.

— Теперь поднимаемся — и идем.

— Ты говорил про тропинку. Как ее сделать? По такому глубокому снегу мы будем брести пару дней...

— А ты представь — только в деталях, чем подробнее, тем лучше, — то, что ты хочешь. Только делай тропинку узкой — иначе сил не хватит.

И у меня получилось!

Мы брели, пошатываясь. Андрей шел, опираясь на мое плечо. А я ощущала себя почти целительницей — и была счастлива. Потом мы взбирались по ступенькам. К счастью, их успели расчистить. Несколько сотен метров — и мы дома...

Дошли до спальни — Андрей рухнул на кровать. Прямо в одежде, пропитанной кровью...

Лицо приобрело землистый оттенок, который мне совсем не понравился.

— Где взять кулон связи? — потрясла я его за плечи.

— В кабинете, — не открывая глаз, ответил он. — Не надо меня тормозить!

— Где он лежит?

— В ящике стола.

— Где ключ от кабинета? — продолжила я.

— В кармане.

— Дай сюда, — зарычала я.

— Держи.

Я схватила его — и побежала звать на помощь.

— Семен Семенович! — нажимая на все камушки разом, кричала я, вызывая генерала Макарова, с которым я познакомилась в обед. Небеса, как, кажется, давно это было. — Князь Радомиров ранен, нужна помощь целительницы!

И через целую вечность до меня донесся голос:

— Ирина Алексеевна! Вы живы?!

— Живы!

* * *

Помощь пришла. Пусть не так быстро, как хотелось, — порталами пользоваться не рискнули, поэтому генерал Макаров и целительница добирались в экипаже.

Я успела раздеть князя и обтереть его от запекшейся крови, нервно прислушиваясь к прерывистому дыханию, злясь на свою беспомощность, чувствуя в себе силы... Но, как я ни старалась, не смогла призвать свой дар. Раньше мне достаточно было прислушаться к человеку, раствориться в биении его сердца, прожить несколько ударов... И я знала — и чем он болен, и какая помощь требуется.

Сейчас же я не слышала. Я, конечно, могла нащупать пульс, могла догадаться по косвенным признакам, что происходит, но... Как я ни вслушивалась — до шума крови в висках, до тянущего назад гула в затылке... Я не слышала.

— Ирина Алексеевна!

Наконец-то чьи-то голоса внизу. Выскочила навстречу. Чуть не упала — голова сильно кружилась, — но побежала в коридор, чтобы встретиться с сильно постаревшим за эти сутки Семеном Семеновичем. За ним шла немолодая уже женщина в белой одежде целительницы.

Она как-то странно посмотрела на меня, но мне было не до этого.

— Пойдемте скорее! — торопила я.

Мы зашли в спальню.

Андрей выглядел плохо. По всему телу были разбросаны черные точки от полопавшихся сосудов. В себя он тоже не приходил.

Целительница опустилась рядом с ним на кровать, замерла. Я буквально чувствовала ее погружение... Но так же сделать не могла.

— Истощен магически, большая, но не критическая кровопотеря... Небольшой ожог на левой руке...

— У него браслет энергии пеплом осыпался, — пояснила я.

— В остальном... — продолжила целительница, — ничего особенного. Дать выспаться. Хорошо покормить. Можно подпитать энергией. Только слегка, — обратилась она к генералу, — надо дать организму возможность восстановиться самостоятельно.

Семен Семенович радостно закивал.

— Сейчас все сделаем в лучшем виде, Тамара Ильинична.

И он, сосредоточившись, закрыл глаза.

Я облегченно вздохнула.

— Так, теперь вы, — посмотрела на меня целительница. — Что же вы, Ирина Алексеевна, о себе не заботитесь? Оказали помощь Великому князю, так надо же и себя вылечить...

— Я не могу никого лечить, — уже привычно проговорила я. — Дар ушел.

— А как вы кровь остановили? — удивилась целительница.

— У меня в сумке был артефакт — я его использовала.

— Простите, — как-то смутилась целительница. — Не знала. Так... Давление высокое, пульс скачет, левая рука повреждена.

Я вспомнила, как в телепорте, в заполонившей все тьме, меня за запястье схватил Андрей.

— Странно, я и не почувствовала...

— Сейчас я вам помогу. Только расслабьтесь — целительниц тяжело лечить...

— Повторяю, я больше не... — начала я.

Тамара Ильинична раздраженно подняла ладонь вверх.

— Сила в вас бурлит, — улыбнулась она мне. — Никуда она не делась. Вы не потеряли Дар, Ирина Алексеевна, — вы не можете лечить. Почему — я не знаю. Но в остальном я уверена, что не ошиблась. Вы уж поверьте моему опыту, дорогая.

Джанхот. Он

Проснулся в кромешной темноте. Захотелось света — ничего не произошло. Силы не было. По-стариковски, кряхтя, поднялся, вспоминая подробности дня минувшего...

Раздраженно захлопал в ладоши — неяркий свет проник в спальню.

Ирины не было.

Конечно, такой паники, как утром, не случилось — но... птица-сердце чертыхнулась, захлопала крыльями, жалобно пискнув.

Прислушался — по первому этажу кто-то ходил. А еще волшебным пахло жареным мясом.

Стало как-то веселее.

А когда обнаружил ее на кухне, сосредоточенно колдующую над горшочком, остановился. Нежность — глупая, щемящая — затопила пряным ароматом и унесла туда, где нет ничего, кроме счастья рядом с любимой.

— Ира, — позвал он.

Она улыбнулась:

— Как ты себя чувствуешь?

Андрей прислушался к себе:

— Ничего не болит. Выспался. Магии нет. Есть хочу!

— Тамара Ильинична была здесь. Она очень сильная. Единственно... — запнулась Ира.

— Что? Она тебя смотрела?

— Да. Она говорит — со мной все в порядке. Удивилась, почему я тебя сама не вылечила...

— Ты сможешь, — обнял он ее. — Ты будешь лечить.

— Надо накрывать на стол, — высвободилась она. — Ужин готов. Кстати, у тебя из запасов пропитания — только алкоголь! Целый подвал!

— Конечно. Остальное — привезут.

— А знаешь, я за этот год готовить научилась. Вот, — она сделала приглашающий жест рукой. — Пожалуйста, ваше сиятельство!

Он поцеловал ей ручки и заверил, что в еде он абсолютно неприхотлив:

— Вот только всяких морских гадов не люблю...

— И креветок? — спросила его с ужасом Ирина.

— И креветок. Терпеть не могу.

— Ты же у меня в гостях ел и нахваливал, — возмутилась она. — И потом мы с тобой в Мирограде в ресторанчике были — там тоже...

— Я во время Черной войны и перловку нахваливал, особенно если она горячая была, — рассмеялся князь. — Это же не значит, что она вкусная. А уж ради вашего, Ирина Алексеевна, удовольствия...

— Какие жертвы!

— Почему жертвы, — обиделся он. — Я хотел тебя порадовать.

Ира подошла, посмотрела в его глаза, потом сказала очень тихо и серьезно:

— Спасибо.

Он легонько поцеловал ее в макушку:

— Ладно, кормите меня. Согласен на все!

— Сейчас, конечно, — засуетилась она. — Только я не нашла, где скатерти.

— Вот уж чего не знаю — того не знаю.

Скатерть он нашел — подумавшись, поднял дежурных по гарнизону. Они и нашли, у кого спросить. А кто сказал, что служба в Имперской армии, особенно в таких привилегированных частях, как Министерство безопасности Поморья, — это легко?!

Как отужинали — было и правда очень вкусно, — князь Андрей потащил ее в библиотеку.

— Надо убрать со стола, — протестовала она.

— Глупости! Надо идти со мной!

— Нехорошо, Андрей! Надо все отнести хотя бы на кухню — я помою позже.

Вместо ответа он подхватил ее на руки.

— Андрей Николаевич, это тирания! — возмутилась Ирина.

Великий князь Радомиров вдруг тяжело вздохнул. То, что происходит между ними, — это сказочно хорошо. Это просто подарок Небес какой-то... Но вот потом, когда они вернутся в столицу... Как жаль, что работу его Министерства от того, что у него приключилась большая светлая любовь, никто не отменит...

Он обнял Иру еще крепче. Понял, что она гладит его по голове.

— Ничего, — проговорил он. — Все хорошо...

И отправился с ней на руках туда, куда собирался, — в библиотеку.

— Я — князь, и мне положено музицировать. И потом, у меня для тебя сюрприз. Я кое-что написал. Для тебя.

— Ты — музыкант? — удивилась Ирина.

— Нет конечно. Но меня учили — как и всех. Уроки эти я любил, поэтому надеюсь доставить тебе удовольствие!

— С ума сойти!

— Только не смейся... прошу.

— Я не буду...

Он удивительно легко и изящно уселся за рояль, нежно тронул клавиши. Тихая, нежная мелодия укутала ее плечи. Ласково, но настойчиво подтолкнула в мир грез, и Ирина пошла за ней — туда, где звенящая вьюга, туда, где жемчужное море, где хрустальные замки и прозрачные льды. Туда, куда нестерпимо манил уютный бархат его чарующего голоса:

Это первый раз в моей жизни,
Когда с каждым ударом сердца,
С каждой упавшей снежинкой,
Где-то в этом же самом ритме
Дышит Счастье...

Тихо, несмело, но ты знаешь —
Спокойно, ровно...

Так, как будто оно вдыхает
Запах моря...

Ах да, снежинки...

А снежинки ему не мешают!

Они тихо плывут над морем,
Ищут место, где мне с тобою
Очень было бы хорошо...

Хорошо так стоять, обнявшись,

И дышать... тихо, несмело,

Попадая ударом сердца

В ритм падающих снежинок,

Понимая, что запах моря —

Это первый раз в твоей жизни...
Если что-то ты вдруг услышишь,
Между ударами сердца,
Тише шелеста снежного вальса,
Где-то в этом же самом ритме,
То запомни —
Так
дышит
Счастье...

— Ирочка, почему ты плачешь? — склонился он над ней, когда закончил читать.

— Не знаю... — вздохнула она. — Это словно сказка. Словно чудо. Словно не со мной...

— Меня тоже мучит эта мысль. Мысль о том, что придется выйти из этого дома, вернуться...

Она забралась к нему на колени, уткнулась в плечо:

— Но мы ведь всегда сможем убежать сюда ото всех?

— Конечно, — солгал он.

Джанхот. Она

Какая-то недоговоренность повисла между нами, как пелена дождя... Как-то резко стало не о чем говорить, зато было о чем подумать. О нем, о его положении, о нашем неравном браке. О своем недопустимом поведении — как с точки зрения норм поведения, так и собственных принципов. О том, что я вынуждена буду поменять свою жизнь...

Рассвет приближался, время на светящемся шаре мигало яркими цифрами, как когда-то на моей брошенной кухне, где я спасала незнакомца. Тогда я с ними разговаривала — со светящимися шарами. У меня даже было три знакомых шарика со Снежного бульвара. Я была уверена, что эти трое, что провожали меня до дома, — каждый раз были одни и те же. Надо будет их навестить. Поделиться своими страхами и сомнениями, как в старые добрые времена. Небеса, что же я делаю со своей жизнью?

Посмотрела на Андрея — кольнула зависть. Лежит и сладко сопит. «Это первый раз в моей жизни»... Первый раз в моей жизни у меня были отношения. С моим первым мужчиной.

Я вспомнила его приказ — холодный, надменный — когда опять сунулась убрать со стола:

— Оставь *ЭТО* немедленно! Ты не прислуга.

И меня опять подхватили на руки и унесли в спальню.

Вспомнился его голос, которым он говорил с молодыми людьми...

Кто же ты, Радомиров Андрей Николаевич, Великий князь, мой жених? Какой ты на самом деле? Будет ли мне место рядом с тобой?..

А вот странно: когда меня разыскивали сотрудники князя Радомирова — они ведь не могли не поговорить с целительницами? Значит, женщины лгали. Но меня не выдали...

Первые несколько месяцев после бегства я металась по стране. Обращалась ко всем знакомым целительницам, консультировалась у всех, кого знала, — раз за разом выслушивая свой приговор: ждать и не покидать то место, где я потеряла Дар.

И я прибыла в Джанхот. Купила дом, но не смогла просто сидеть в нем и страдать. Подумала, где еще могут пригодиться мои знания, — и устроилась в ближайшую школу для девочек — преподавать биологию и химию. Дети помогали чувствовать себя живой. И нужной... А сейчас мне придется все это бросить.

Появилась своя жизнь — как-то незаметно обросла за год знакомствами в этом городке. Даже, неожиданно для себя, подружилась с несколькими молодыми учительницами. Я привыкла вести дом, вести свое хозяйство. Поскольку деньги надо было экономить, научилась готовить. И убирать. Поняла, что меня это успокаивает...

Подлетел шарик, хотя я не призывала — пять утра. Все-таки они живые, эти шары. Посмотрела на спящего Андрея. Вспомнила, что ему надо много спать, чтобы восстановить силы, — и тихонько выскользнула из кровати.

Да в самом деле! Ладно — свою жизнь! Почему я должна менять себя?! Вот есть у меня потребность со стола убрать — потому что так правильно. Потому что потом отскабливать посуду будет проблематично — даже если не я ее буду мыть! А это... холодное высокомерие, это возвышенное патрицианство... В моей семье относились к этому с презрением и так же воспитывали меня.

Я вытерла глаза, услышала скрип половицы. Поняла, что не одна, — и резко повернулась.

Великий князь Радомиров выглядел не лучшим образом. Всклоченные волосы, щетина, лицо в темную точку. Расстроенный вид, тоска в глазах.

— Ваше сиятельство! — поприветствовала я его. И даже попыталась изобразить реверанс.

Он тяжело вздохнул, как-то странно на меня посмотрел, словно ожидая увидеть на кухне кого-то другого.

— Разве вам положено вскакивать в такую рань? Как какой-нибудь прислуге?

— Я подумал, что это вестовые, — хрипло произнес Андрей. — Хотел распорядиться, чтобы они ушли.

— Что так?

— Не хотел никого видеть.

— Даже так...

Я сняла фартук, бросила — и отправилась домой. Прочь отсюда.

— Ира, — перехватил он меня на пороге и обнял. — Ира... Я подумал, что ты ушла. Я тебя слышу, я тебя чувствую. Ты додумала свои мысли, встала, оделась и ушла.

— Почему же ваше сиятельство не остановили меня?

— Ира... — Князь устало закрыл глаза, и у меня закрались большие подозрения насчет его

сладкого сопения ночью. — В отличие от тебя я представляю — в деталях, — насколько тебе будет тяжело... Это не считая того щекотливого момента, что я подставляю тебя под пули и бомбы тех, кто ненавидит меня. Я всю ночь думал — насколько я имею на это право...

— Даже если я не буду счастлива без вас?

— Не счастлива, но жива...

— Значит, выбор должна сделать я?

— Я свой уже сделал... Но если ты не хочешь быть со мной... Я отпущу. Буду присматривать, конечно. Радоваться за тебя. Любить...

— Как вы видите, я осталась, — ответила злобно — разозлил, сил нет! Поэт. Музыкант. Князь. Аристократ...

— Кофе будешь? — Андрей говорил тихо и грустно, и от этого стало еще больнее.

— А вас не затруднит?

— Прекрати...

— Что, вас раздражает мое плебейство?

Он зарычал, нервно запустил пальцы в волосы, взлохматил их.

— Ира, что с тобой, скажи на милость? — голос был спокойный, даже ласковый, будто князь дите неразумное увещевал.

— Не терплю чванства. И аристократов не люблю, — вполне революционно заявила я.

— Вот как... А как же я?

Я отвернулась и стала вытирать глаза.

— Однажды мы были на практике, у подножия Курус-Тая. Той самой горы, что, по преданию, сторожит огромная медведица Зейда. Дух Зейды сторожит целебные травы, позволяя собирать их лишь в положенное время и только тем, кто явился с добрыми намерениями. Это место священо для целительниц — там же приносят клятву. Откуда там взялся потомок то ли графа, то ли князя — я не знаю. Он заметил Наташу — нашу сокурсницу — подлетел на коне — перекинул через седло... Ему наперерез кинулись два наших конюха. Смогли остановить.

И я замолчала — дыхание перехватило.

— Но его остановили?

— Да... Но конюхов практически забили нагайками. Полиция примчалась по заявлению оскорбленного вельможи. Не помогли ни заступничество нашей руководительницы, ни наши показания. Он — аристократ, мы — будущие целительницы, перед нами, конечно, извинились. А они, конюхи... так. Повод отыграть за унижение.

— Значит, ты и обо мне такого мнения?

— Нет... Я не знаю... Но вчера...

— Да что вчера было?!

— Ваше высокомерие! И напыщенность!

— Когда? Когда стихи читал? — взревел оскорбленный до глубины души князь.

— Нет. До этого. И после, — упрямо прошептала я.

— Ира. — Он подошел и обнял меня за плечи. — Я не понимаю. Из всех вариантов, которые я прокручивал в голове... моя напыщенность не рассматривалась. Но я не хотел тебя обидеть. Прости меня. Для меня это все тоже впервые... Понимаешь?

— Да, — не могла не согласиться я. — Только не надо больше высокомерных запретов, если я что-то захочу сделать по дому.

Я возмущенно развернулась в его руках. Посмотрела внимательно. У Андрея как-то странно подрагивал уголок рта. Как будто он собирался...

Громогласный хохот с истерическими нотками заполнил кухню. Я собралась обидеться еще больше — и внезапно присоединилась к нему.

— Значит, это из-за тарелок! — воскликнул он — и снова захохотал. Теперь с явным облегчением.

Я смущенно кивнула.

— А знаешь, что самое главное?

— Что мы первый раз повздорили?

— Нет, — прошептал он. — Что ты не ушла...

Джанхот. Он

— Нет, — заявила она решительно. — Я не останусь дома. У меня, между прочим, огромное количество дел.

— Каких же? — Князь прекратил плотоядно смотреть на дверь винного погреба — гордости и детища его отца, между прочим. — Дверь хорошая, надо распорядиться, чтобы засов наружный сделали.

И понял, что сказал это вслух.

— Ты не посмеешь меня запереть! — гневно сверкая серыми глазами, заявили ему... и чего он ее раньше ласточкой называл?..

— Понимаешь... — попытался он воззвать к ее разуму. — Ситуация весьма... Неприятная. Я лишен магии — за ночь она не восстановилась. У меня наследник и его свита. Еще кто-то вчера в портал — наш, между прочим, — закинул серую маленькую сферу. Мне надо... найти этого человека. Или этих людей...

Лицо его исказилось от ненависти...

— Я хочу, чтобы ты была в безопасности.

О Небеса! Она упрямо сжала губы и лишь отрицательно покачала головой.

— Ира... — попытался князь найти слова, чтобы до нее достучаться.

— Понимаешь, — тихо-тихо проговорила она. — У меня, конечно, не все так глобально... Но мне надо посмотреть, что с домом. Проведать соседку — она пожилая, одинокая. Наверное, с ума сходит, гадая, где я... Странно, но мы сдружились за это время. Мне надо взять дома материалы и подготовиться к урокам. Зайти в магазин и купить сливочного масла и молока... Увидеть людей — просто людей, а не только тех, кого ты будешь ко мне допускать.

— Нет. Я понимаю тебя — но нет. Это опасно.

— Ты сам сказал, что из этого дома надо будет выйти в реальный мир. И еще... Знаешь что... Однажды моя мама и сестра находились там, где отец посчитал, что безопасно. При них даже охрана была... И тебе прекрасно известно, чем все закончилось.

Андрей кивнул, внутренне содрогаясь — Ира только что озвучила его самый страшный кошмар.

— Так вот... Я не буду сидеть, спрятанная где-то. И ждать, прислушиваясь к шагам охраны, пытаюсь определить — пришли за мной или нет. Я буду жить, как жила до встречи с тобой. Я тебя очень люблю, но это не изменится. Если ко мне вернется Дар — я буду лечить. Если нет — я буду учить.

— А я? Где я в твоих планах на жизнь?

— Ты... Ты — мой любимый мужчина. Единственный. Ты спасаешь наш мир. И правильно делаешь. Я же не прошу тебя отказаться от всего этого и остаться со мной. Хотя мне тоже страшно, когда ты выходишь за порог. Прежде всего потому, что именно на тебя идет охота.

— Я могу себя защитить.

— Организуй мне защиту...

— Да что ты, — иронично протянул он, понимая, что придется уступить.

— Кофе у тебя действительно получается замечательным, — примирительно добавила она.

Князь притянул ее к себе, поцеловал. Ирина так радостно подалась навстречу, что руки сами потянулись к ней.

Остаток бессонной ночи они провели вполне мирно. Распивая кофе, встретили рассвет, который без лишних реверансов постучался в окна и разрушил все, что они успели напридумывать себе за эту ночь... Стало светло, но почему-то одиноко. Словно они посмотрели один сон на двоих — а теперь не хотели с ним расставаться...

И Андрей опять метался по спальне, собираясь, второй раз в жизни опаздывая.

Посмотрел на Иру — она с улыбкой наблюдала за ним.

— Любимая! Представь себе, для меня непривычно опаздывать, — возмутился он. — К тому же я не выношу тех, кто не пунктуален.

— Для меня тоже непривычно быть с тобой... К тому же, нарушая все... — она прервала себя.

— Ира... — Он сел на кровать и обнял ее. — Прости меня...

— За что? — искренне удивилась Ирина. — Я ведь сама...

— Жениться. Как можно скорее. Завтра же.

— Завтра понедельник — браки не заключаются. Зато девочки придут на занятия в школу.

— В связи с чрезвычайной ситуацией, — быстро сказал князь, — занятия в школе отменяются. К тому же каникулы скоро — и зачем детей мучить?

— Я бы попросила...

— Разве тебе никогда не хотелось, чтобы занятия отменили и можно было побездельничать?

— Нет, — удивленно посмотрела на него Ира. — Хотя... Иногда поваляться на кровати и просто почитать книгу... Наверное, да. Кстати, надо заехать книгу купить — я вчера не дошла до магазина.

И покраснела.

— Какую книгу? — обреченно спросил Андрей.

— «Приключения боевого некроманта». Часть девятая, — как-то смутилась она.

— Некромантов не бывает, — удивился он. — Это же сказки.

— Ну да. Я люблю сказки

— Я тоже. Дашь почитать?

* * *

Когда Великий князь Радомир явился к ожидающим его сотрудникам Министерства, к всеобщему изумлению, он пребывал в прекрасном настроении. Правда, опоздал на час... Опять же к всеобщему изумлению.

Заместители ожидали высокое начальство в растерянности, генерал Макаров время от времени довольно улыбался, не считая необходимым что-либо комментировать.

Все шло своим чередом — главное, что Радомир остался жив, да еще и нашел Ирину. А так... Еще во время расследования прошлого покушения, годичной давности, удалось выяснить, что их противник мастерски использует порталы. Тогда, при покушении возле госпиталя, это стало неприятным сюрпризом — они арестовали трех дураков, которых использовали втемную. А главный... Ушел.

В показаниях арестованных особенного толку не оказалось — это были сотрудники агентства розыгрышей, которых развелось в столице недопустимое количество.

Следователю был показан договор, составленный между агентством «Посмеемся вместе» и полковником Мировым на предмет розыгрыша невесты последнего.

Да... Мода на розыгрыши достигла пика популярности. Розыгрыши были смешные — и не очень, умные — и не слишком... Если уж императрица при дворе развлекалась таким образом, то граждане Поморья всего лишь хотели соответствовать...

Великий князь Радомиров был не просто взбешен — он был где-то за гранью. Генерала Макарова же заинтересовала такая маленькая, но любопытная деталь — а откуда бомбист знал, каким именем назвался князь в своем непростом общении с полюбившейся ему девушкой?

А конкретнее — кто из своих его сдал?

Настораживало не только это. Слишком уж хорошо господин, назвавшийся полковником Мировым, использовал порталы. Получается, что они искали аристократа... Кто бы сомневался? Крестьяне — пашут, рабочие — работают, солдаты — защищают, купцы — торгуют. Все при деле... И только верхушке, как обычно, скучно.

Праздность — вот мать всех пороков... И хотя первым указом нового императора был отменен «Указ о вольности дворянской», который к тому времени насчитывал уже трехсотлетнюю историю, — все же часть дворянства умудрялась его обходить... Ну не желали они служить — и все! Ни императору, ни Родине... Никому. Почему-то это называлось стремлением к свободе... И реализацией себя как личности.

Генерал Макаров презирал этих бездельников.

А еще он дал себе слово отловить того мерзавца, который уже несколько раз пытался убить его друга.

И вчера, в первые же секунды после убийства, — генерал был уверен, что покушение увенчалось успехом, ровно до того момента, пока с ним не связалась Ирина — он ввел систему перехвата, которую сам разработал с князем Радомировым еще тогда, год назад.

Лично активировал те артефакты, что они заготовили, и накрыл место преступления куполом пятнадцать на пятнадцать километров. Куполом непроницаемым. Не дающим ни войти, ни выйти из периметра с помощью магических средств. Одновременно на границе периметра были расставлены войска с недвусмысленным приказом — задерживать всех, кто попытается выйти. Не важно, кто и по какой причине будет пытаться это сделать.

Корабли Южной эскадры были подняты по тревоге — и патрулировали водное пространство. Из восточной губернии перекинули сотрудников внутренних войск с поисковыми собаками.

Служивые — все, кто были в периметре, а их в связи с учениями было их как немало, — прочесывали местность. Метр за метром, сопку за сопкой. Ущелье за ущельем. Дом за домом. Человека за человеком.

Сотрудников не надо было вдохновлять или подгонять — работали на совесть... И не только потому, что среди военных Радомирова любили, а прежде всего потому, что для них он был СВОЙ.

Поэтому, когда узнали, что и на этот раз их начальник вывернулся, всеобщий траур сменился всеобщим ликованием.

Теперь же ближайшее окружение ожидало князя Радомирова на совещание. И дождалось...

— Вы знаете, господа, — начал Великий князь вполне мирно, входя в кабинет и остановившись на пороге, — я вчера в своем портале обнаружил небольшую серую сферу. Кто-то мне ее туда любезно подложил. Я так понял, именно для того, чтобы портал схлопнулся. Так вот у меня вопрос: как такое возможно? Кто из наших ученых-физиков, работающих над вопросами перемещения, работает еще и на бомбистов? И самый главный вопрос: почему этот гений еще не сидит у меня в кабинете и не дает показания?

Его заместители и генерал Макаров поднялись при появлении Андрея Николаевича и теперь нервно молчали ему в ответ.

Они за эти годы смогли организовать работу с высшими учебными заведениями, справедливо полагая, что именно от молодых, талантливых и рьяных стоит ждать наибольшего количества неприятностей. По крайней мере, по статистике большинство бомбистов были как раз студентами — и, ко всеобщему огорчению, весьма неглупыми и талантливыми. И, что самое интересное, по социальному положению эти самые бунтари были в девяноста процентах случаев дворянами...

— И кстати, — продолжил князь Радомиров, — вы не знаете, где взять боевого некроманта? Реального? Чтобы трупы умел оживлять?

Молчание стало не просто нервным. Оно стало каким-то истерическим.

— Вы понимаете, — с абсолютно мечтательным видом сказал князь, — когда мы поймаем эту тварь, а мы ее поймаем, я в этом уверен, я хочу ее или его прикончить. И вот мне как-то обидно, что это можно сделать всего один раз... Хочется сказки в жизни, господа...

Резко распахнулась дверь, но сотрудники Министерства с таким удивлением смотрели на свое высокое начальство, что на прибытие наследника в гневе никто попросту не обратил внимания.

Великий князь Андрей Николаевич изволил продолжать пребывать в странном расположении духа и, погруженный в какие-то свои мысли — наверное, о некроманте, просто пошел на свое место во главе стола для заседаний.

Наследник оскорбился еще больше.

Дядюшка не обратил на это никакого внимания.

— Вы заметили, какой сегодня прозрачно-звонящий день? — промолвил он меланхолично.

— Мне необходимо обсудить с его сиятельством некоторые вопросы, — ни к кому особо не обращаясь, обронил наследник.

Доверенные лица князя поднялись, коротко поклонились — у генерала Макарова это получилось как-то иронично — и вышли за дверь.

— Я немедленно требую объяснений! — зарычал наследник.

— В плену у солнечной улыбки, — продолжил думать о чем-то своем князь Радомиров. — Нет. Не то... Ритм не нравится...

— Вы издеваетесь?

— Погодите, я запишу... А то мысль потеряю.

И быстро написав на гербовой бумаге четыре строки, дядюшка обратил взгляд на племянника:

— Вы что-то хотели, Александр Александрович?

— Объяснений.

— Какого рода?

— Почему вы сделали вид, что доверили мне руководить спасательной операцией, а сами действовали у меня за спиной? Или я кажусь вам настолько бесполезным и бесталанным, что мне нельзя доверить даже такую... пародию на ответственность?

Князь Радомиров уставился на племянника удивленно:

— Я никоим образом не вмешивался в вашу деятельность... Даже не стал вчера требовать отчетов. Я посмотрел, как вы действуете на площади, как осуществляете общение с народом, — и занялся своими делами...

— И какие у вас, интересно мне знать, могут быть дела в этой глуши? Кроме как следить за каждым моим шагом, чтобы докладывать отцу, как вы мной недовольны?!

— Александр, прекратите эту истерику, вам не к лицу. Во-первых, дела у меня были личные, вас никоим образом не касаемые. Во-вторых, я не мог связаться с императором, я еще лишен магии и не могу пользоваться даже кулоном связи.

— Что? Каким образом вы лишились магии?

— Магическим, — пробурчал Андрей Николаевич. — На меня было совершено покушение. Я вырвался из схлопнувшегося портала.

— Это возможно? — прошептал наследник.

— Да. Тот способ, который придумал, насколько я помню, некий профессор Сиялов, действует. Только надо иметь в виду то, что потом кровь хлещет отовсюду. Кровоостанавливающий кулон должен быть с собой — самый мощный. Или целительница. А то все напрасно. Надо будет специально для этого отдать распоряжение начать разработку таких артефактов.

— Значит, покушение, — тихо проговорил наследник, разом растеряв и гнев, и пафос.

Дядя кивнул.

— А мне почему не доложили?

Теперь на него посмотрели насмешливо.

Наследник хотел возмутиться, но вспомнил слова Великого князя: «Хотите уважения — заслужите его» — и промолчал. Получается, что представители силовых ведомств просто показали свое отношение к ним — к мальчишкам. К наследнику и его адъютантам.

— Скорее всего, все просто замотались, — успокаивающе проговорил Великий князь, словно прочитав мысли наследника.

— А чему посвящено совещание? — взял себя в руки Александр Александрович.

— Это совещание посвящено тому, что мне очень хочется пообщаться с тем, кому я обязан самыми неприятными минутами в моей жизни... Хотя, пожалуй, нет... Самыми неприятными я обязан Ирине.

И он так нежно выговорил ее имя, что Александр все понял:

— Вы ее нашли? Она что — была в этом городке?

— Совершенно верно, — вынужден был признаться князь. — И если у вас все, то...

— Я могу присутствовать на совещании?

— Милости прошу. А, кстати говоря, с чего вы взяли, что я характеризовал вас его величеству не лучшим образом?

— Они с матушкой связались со мной. Сказали, что уже приказали начать спасательную операцию, — поморщился наследник. — Завтра к берегу подойдет десантный корабль. И эвакуирует и меня, и мою свиту.

— Это решение его величества. Я к нему не имею никакого отношения.

— Приношу свои извинения.

— Давайте уже начнем, наконец, это совещание.

И князь отправился к двери, чтобы пригласить всех в кабинет.

Вдруг дверь распахнулась, и вбежал один из охранников, приставленных князем к Ирине.

— Что? — мертвея, спросил Андрей Николаевич.

— Исчезла, — выдохнул тот.

Джанхот. Она

Судя по лицам соседей, я произвела на них неизгладимое впечатление, явившись домой в экипаже с гербами да еще и в сопровождении личной охраны. Себя я ощущала, скорее, опасной преступницей, с которой приказано глаз не спускать. Но никак не невестой Великого князя.

— Ирочка! — раздался голос моей соседки, когда я, стоя на пороге, открывала дверь. — Что-то случилось?

— Все в порядке, Мария Ивановна, — ответила я устало. — Хотите чаю?

— Да, — нервно поглядывая на сопровождающих, ответила она.

— Заходите ко мне...

— Ставьте чайник, я захвачу булочки. Может, ваших молодых людей покормить?

— Спасибо, нет, — неожиданно широко и искренне улыбнулся один из сопровождающих и обратился ко мне: — Мы подождем вас на улице.

— Я только дом проверю и Марию Ивановну успокою, — сообщила я. Как-то все это было неловко...

— Могу я спросить? — обратился ко мне этот же молодой человек.

— Да, конечно.

— Куда мы отправимся дальше?

— Я хотела на рынок, за покупками. Но сейчас вижу, что идея... Не сильно хороша. Помпы много.

И я представила, как появляюсь на Имперской площади вместе с подобным эскортом. А там... Чем хорош и чем одновременно плох маленький городок — так это тем, что все друг друга знают. А уж тем более много знакомых у учительницы...

Молодой человек неопределенно пожал плечами:

— Придется привыкать. Но насчет покупок — вы правы. Может, стоит отправить вестовых за ними.

— И в книжный магазин они зайдут?

— Безусловно. Только список составьте.

И мы с соседкой, той самой милой дамой, которая мне, на счастье, повстречалась в день, когда я убежала из поместья князя Андрея, отправились пить чай. И разговаривать.

— Так, значит, вас все-таки нашли? — вдруг спросила Мария Ивановна.

— Выходит, нашли...

— И вы счастливы?

— Да. Наверное, да. Но мне... непонятно. Как все это будет...

— Кто он, девочка моя?

— Великий князь Радомир, — выдохнула я, первый раз признавшись, с кем у меня роман.

— Я так и думала, — улыбнулась моя соседка. — Вы тогда бежали со стороны его поместья, да и искали вас потом люди из его Министерства. Меня даже допрашивали!

— Не знала, — смутилась я.

— Что вы... Это было мило... Целое приключение.

— Но вы не сообщили им о том, что я пришла потом к вам... Через несколько месяцев. И вы мне помогли: и с устройством на работу, и с покупкой дома.

— Зачем мне докладывать? Если бы ты хотела найтись — нашлась бы. Я так понимаю, вы помирились?

— Да. Я не понимаю, что мне сейчас делать...

— Ты полюбила так сильно, что согласилась на роль любовницы?

— Да. Хотя меня, кажется, замуж позвали...

— Это же хорошо? Или нет?

— Вы знаете, может, я скажу какую-то неправильную вещь... Но я бы предпочла остаться в этом домике, учить девочек в нашей маленькой школе. И ждать его по вечерам. И чтобы про это никто не знал... Я бы не злилась, если бы он приходил поздно, не требовала бы объяснений, если бы это было не каждый день... Но выйти перед всем миром и заявить: да, я с ним. Да — это мой жених... Это какая-то несусветная глупость...

— Это страх, девочка моя.

— Возможно.

— Иной раз мы больше всего вредим сами себе. И вот как раз из-за такого страха, — вздохнула Мария Ивановна. — А потом остаемся одни.

Мы распрощались, вдоволь наговорившись — всплакнув и посмеявшись. Мария Ивановна пообещала приглядывать за моим домиком и отправлять прислугу его протапливать.

Я решила, что за покупками не пойду. Но у меня было на сегодня еще одно дело, которое обязательно надо было сделать.

Я назвала адрес одной из своих коллег — решила убедиться, что учительницы, с которыми я успела сдружиться за эти несколько месяцев, благополучно вернулись домой из своей поездки за город.

Мои подозрения, к сожалению, оправдались — дома никого не было. Значит, они все-таки застряли в поместье, которое было расположено в нескольких часах езды от Джанхота. А про них никто и не вспомнил. Директор нашей школы на выходные уезжала, а родственников у девушек здесь не было.

— Скажите, — обратилась я к охранникам, опять сразу ко всем, — если я поняла, что люди пропали, — к кому я должна обратиться?

— Наверное, лучше сразу к князю Радомирову, — осторожно ответили мне.

— Думаю, у него сейчас на это нет времени. Я спрашиваю, к кому мне положено обратиться... официально?

— Во временный штаб по ликвидации стихийного бедствия, — переглянувшись, ответили мне охранники. — Безопасники уже развернулись.

— А где расположен этот штаб?

— В школе для девочек.

И я вспомнила: кто-то докладывал об этом Андрею.

— Отлично. Я как раз там работаю. Давайте я сообщу, что мои коллеги пропали и что я знаю, где их искать. Может, им помощь нужна. А потом сразу домой.

И мы отправились к зданию школы.

Народу в школе было немного — и непривычно тихо. Сотрудники Министерства, изредка попадавшие мне в коридорах, такого шума, как девочки на обучении, конечно же, не производили. Меня проводили к кабинету математики на втором этаже, где было положено подавать заявление о пропаже людей. Охранник любезно распахнул передо мной дверь.

— Добрый день! — поздоровалась я, входя.

Молодой человек в изумрудно-зеленой форме с богатым серебряным шитьем стремительно поднялся мне навстречу. Роскошный мундир разительно отличался от простой черной формы, что носил князь Радомиров, но та была мне милее.

— Добрый день, адъютант его высочества князь Варейский, — начал он с представления. — Чем могу помочь?

И вдруг выдохнул изумленно:

— Ирина Алексеевна?

И я поняла, что где-то его встречала. Ах да, точно. Это тот самый молодой человек, который извинялся за поведение кадетов в госпитале и предложил свою коляску, чтобы я доехала домой. Помню — отказалась поужинать с ним. А вот как его зовут...

— Я — князь Варейский, Михаил Олегович. Куда же вы пропали тогда?

«И этот князь...»

— Так получилось, — проговорила я не слишком невнятно.

— Что же мы стоим? Присаживайтесь.

Я кивнула и опустилась на стул.

— Надо же, где мы встретились... Меня вот... восстановили в гвардии, — он показал на свою форму. — А вы почему не в белом?

— Потеряла Дар.

— Сочувствую, — как-то механически ответил он.

— Ваше сиятельство, я вообще-то по делу, — начала я, но он меня словно не слышал.

— А вы знаете, я вас искал... Вы почему-то запали мне в сердце. Хотел предложить вам свое покровительство.

— Это лишнее, — отрезала я. — Мне надо сообщить вам важную информацию.

— Если уж вы решаетесь стать любовницей, то надо выбирать кого-то нежадного. И умеющего позаботиться. А то — что это такое... Какой-то полковник. Да он даже вас не содержал: ни дома, ни выезда, ни драгоценностей...

— Вы меня слышите? У меня информация о пропавших людях! — начала сердиться я.

— Пообедаем — и договоримся, — решил для себя князь, по изысканной аристократической привычке не слыша никого, кроме себя.

— Я не буду с вами обедать. Примите от меня заявление!

— Хорошо, — внезапно согласился князь. — Долг — прежде всего.

Я резко вздохнула, осознав, какие слухи ходили по нашему госпиталю во время моих встреч с Андреем Николаевичем... «Любовница»... Вот потому этот... князь Варейский и ведет себя со мной столь развязно. А что... Ни белых одежд целительницы теперь на мне нет, ни приличного социального статуса. Вот — предложили стать содержанкой...

Почему же нельзя спрятаться от людей?

Взяла себя в руки — и рассказала про своих коллег.

К моему удивлению, князь внимательно выслушал.

— Вы знаете, где расположено поместье?

— Конечно.

— Будьте добры, покажите на карте.

Он достал из ящика стола сложенное в четыре раза огромное полотно. Я поднялась — он тоже вскочил — и подошла к нему.

— Вот, смотрите — дорога из города. Она ведет в горы. Надо добраться до вот этого поворота и повернуть вверх. Там будет еще одна развилка. А мои коллеги вот здесь, — я показала точку на карте.

— Вот и славно, — кивнул он. Одновременно взял одной рукой шинель, которая висела на спинке стула за нашими спинами, другой приобнял меня за талию. Хлопок портала. Мой дикий испуганный крик — и мы перенеслись.

— Что ж вы так кричите?

Он разжал руки — я смогла вырваться и отскочить.

Чтобы сразу провалиться в сугроб по пояс — на территории поместья снег никто не расчищал. Вспомнила, как меня вчера учил Андрей, и утрамбовала снег, чтобы встать. Почувствовала себя уверенней, посмотрела на молодого князя — и меня опять затрясло. На этот раз от ярости:

— Вы — сумасшедший! Порталы схлопываются в этой местности! Ими же запрещено пользоваться!

— А вы откуда это знаете? — удивился князь Варейский.

Крупная дрожь била меня изнутри.

— Простите, если напугал, — шагнул ко мне молодой аристократ.

— Не подходите ко мне! — зубы все-таки стукнули друг о друга.

— Я хотел сделать вам приятное — быстро узнать, что с вашими подругами, — как-то обиженно проговорил он.

— Где мы?

— Метрах в пятистах от поместья, которое вы показали на карте. Пойдемте, осмотримся. Найдем ваших знакомых — и обедать! Нам надо многое обсудить.

— Ваше сиятельство!

— Можно Михаил Олегович, — нежно поглядывая на меня из-под роскошных ресниц, протянул он.

Я заскрипела зубами:

— Ваше сиятельство! Я не собираюсь с вами обедать. И вообще... Вы понимаете, что вы натворили?

Я уже ошутимо представила дверь подвала, которым мне с утра грозили.

— Перестаньте, — насмешливо фыркнул он. — Ничего ваш полковник нам не сделает. Переживет. И потом, вы же от него сбежали... А вы знаете, я буду нежным. И щедрым...

— Потрясающее умение слышать только себя, — съязвила я. И торопливо стала доставать кулон связи, которым меня с утра снабдил Андрей.

— Андрей Николаевич, — позвала я его, нажав определенную комбинацию.

Никто не отзывался.

— Откуда у вас этот кулон? — напряженно спросил князь Варейский.

— Не отвлекайте.

Подумала, что у Андрея могла еще не восстановиться магия, набрала генерала Макарова.

— Семен Семенович!

С тем же результатом. Никто не отзывался.

— Вы можете связаться с кем-нибудь в городе?

— С кем именно? — со злобной иронией протянул он. — С наследником?

— Нет. Лучше с князем Радомировым. Или...

— С императором?

— С генералом Макаровым.

— И что им сказать?

— Что меня никто не похищал. Что мы сейчас вернемся.

— Вы — сумасшедшая? У вас... мания величия?

— Практически, — ответила я.

— Ладно, надо заканчивать этот цирк. Пойдемте, посмотрим, где ваши дамы — тоже, наверное, наследные принцессы, не иначе — и будем выбираться из этой глуши.

Джанхот. Он

Наследнику на мгновение показалось, что у князя Радомирова сейчас начнется припадок бешенства. Но Александр Александрович получил новый урок от дяди — урок владения собой. Дядя лишь повернулся к ним спиной, несколько раз резко вздохнул и выдохнул.

— Где это произошло? — бесцветный, но совершенно спокойный голос.

— В здании школы, — а вот голос охранника ощутимо подрагивал. — Ирина Алексеевна хотела сообщить о том, что во время снегопада пропали ее знакомые. Я сопроводил ее в кабинет, открыл дверь. И остался ждать... Виноват.

— Кто был в кабинете? — повернулся к ним Радомиров.

— Князь Варейский. Из свиты его высочества.

В Александра Александровича вперились два взгляда: возмущенный — охранника и безмятежный — дядюшки.

— Пригласите генерала Макарова, — распорядился князь Радомиров.

— Что вы планируете делать? — морщась от бредовой ситуации, в которую он, по милости аристократа из его свиты, оказался замешан, спросил наследник

— Мне надо попасть в кабинет. Семен Семенович, — вошедшему генералу, — постройте портал в школу, я пока не могу. И попробуйте связаться с Ириной Алексеевной.

— Уже, — развел руками генерал. — Ничего.

— Я сам вас перенесу, — вмешался наследник. — В конце концов, аристократы, меня сопровождающие, — это мои люди. И я за них отвечаю.

— Порталы сейчас — это опасно для вас, — неодобрительно покачал головой генерал.

— Распорядитесь, чтобы нас сопровождали «ваши люди», — издевательски протянул князь Радомиров, обращаясь к наследнику и полностью игнорируя слова генерала.

Наследник кивнул — и они перенеслись.

Школьный кабинет, на столе разложена карта.

— Так они что, вдвоем отправились кого-то там искать? — изумился наследник.

— Меня беспокоит, почему кулон связи не действует, — тщательно выговаривая слова, вымолвил Великий князь. — К тому же к кулону привязана система поиска — я не хочу рисковать. Но, как я понял Семена Семеновича, она тоже отказала...

И он вопросительно посмотрел на одного из охранников, который зашел с докладом.

Тот лишь отрицательно покачал головой и произнес с раскаяньем:

— Простите.

— Да вы-то здесь при чем? — устало вздохнул князь Радомиров.

— Не уследили...

— О чем говорили в кабинете?

— Я не слышал.

— Странно. Двери бумажные... А хлопок портала?

— Понимаете, они поздоровались. У меня сложилось такое впечатление, что они... были знакомы. А потом все. Тишина.

— Значит, князь установил защиту. Занятно. Александр Александрович, посмотрите, пожалуйста, на карту. Надо понять, куда они отправились.

— Я и так могу перенести нас туда, куда они отправились. Я чувствую поток силы.

— Замечательно, сейчас вызову охрану.

— Нет, — остановил его наследник тихо, но решительно. — Пойдут только свои — мы не знаем, с чем мы столкнемся.

— И под своими вы понимаете...

— Мою свиту. Если мы столкнемся с чем-то... нехорошим... они будут молчать. И суд дворянской чести мы сможем провести без огласки.

— Вы спятили? Вы что же, правда считаете, что я буду драться с этим щенком на дуэли? Если... Если он обидел Иру, я просто перережу ему горло. Безо всякого суда чести. И даже без магии.

— Но так... нельзя.

— Ах нельзя... Нельзя?! Зовите ваших... бездельников. Будем заниматься воспитанием! — в голосе князя проявился хоть какой-то оттенок эмоций: отголосок гнева.

Когда они перенеслись, то обнаружили живописную местность, которая хорошо просматривалась за деревьями. На фоне горы с раздвоенной вершиной практически идеально круглая поляна, в центре которой стоял большой деревянный дом с террасой.

Князь Радомиров с ненавистью осмотрел живописные окрестности и решительно направился к дому. По уже проложенной и утрамбованной дорожке.

Наследник посмотрел на своих сопровождающих. Аристократы изо всех сил изображали полную непричастность.

— Глупо как-то, — процедил сквозь зубы князь Алсапов. — Варейский совсем с ума сошел...

— Глупо. Только в гвардии восстановили после его любовной истории... Жаль. Беззаветной же храбрости человек... Но идиот, — добавил граф Волков.

— Редкостный, — не стал спорить с ним наследник.

Соколов промолчал, вглядываясь в презрительно-равнодушную спину Великого князя Радомирова, неспешно приближавшегося к дому.

— Может, Варейский не понял, что это за девица? — осторожно спросил он.

— Вы считаете, что если бы она не была невестой Великого князя, то ее можно просто так похищать? — и в гневном тоне наследника молодые люди расслышали интонации его дядюшки.

— Невеста, — выдохнули все разом.

— Пойдемте, — вздохнул наследник, — посмотрим, что там происходит...

И они бросились догонять Радомирова.

Тот уже стоял перед входом, со своим обычным скучающим видом оглядывая добротный деревянный дом, террасу, увешанную красными китайскими фонариками из плотной ткани. Может, вечером, с зажженными внутри свечками они смотрелись и красиво, но сейчас, сумрачным сероватым днем, на звенящем ветру... Всем стало как-то жутковато. Словно уже произошло что-то непоправимое. А они не успели...

— Ирина Алексеевна! — негромко позвал князь Радомиров.

Несколько минут тишины. Потом дверь чуть скрипнула, какая-то женщина выскользнула из дома.

Молодая, светловолосая. Одета в длинную серую юбку, блузку под горлышко и скромный жакет. Была женщина растрепанной, помятой, бледной. И сильно напуганной.

Она спустилась по ступенькам — наследник и свита смотрели на нее с изумлением, а князь Радомиров — равнодушно. Это была не Ирина.

— У меня к вам требования, — сказала женщина срывающимся голосом.

Окрестности Джанхота.

Поместье «Анастасиевская поляна». Она

— Почему? — Мне показалось важным для себя узнать ответ на этот вопрос. — Почему вы столь разительно поменяли манеру поведения по отношению ко мне?

Я развернулась к молодому человеку, которого, как я теперь уяснила для себя, звали Михаил Олегович.

Странно, но подобное обращение меня почему-то задело — я вспоминала, каким вежливо-корректным он был в тот вечер, когда мы познакомились, и Варейский вынужден был приносить извинения за своих воспитанников...

И что же поменялось? Я? Он?

— Ваш статус, — был ответ. — Вы не целительница. И вы чья-то любовница. Вы согласились быть ею.

— Может, я чья-нибудь невеста? — насмешливо протянула я.

— Точно, — рассмеялся он. — Великого князя Радомира.

«Действительно, бред», — не могла не согласиться я. Сейчас, в свете дня, наши ночные разговоры казались полной бессмыслицей.

— Скажите, а изначально... Когда мы встретились... Допустим, я согласилась бы с вами поужинать. Допустим, согласилась бы принять ваши ухаживания... Как бы развивались события дальше?

— Я нежный и щедрый, — ответил он, словно это все объясняло.

— Конкретнее...

— Вы же понимаете... Вы милая девушка и даже дочь генерала Иевлева. Однако... Я — князь Варейский... А представители таких родов не женятся на... просто милых девушках. И не принято, и нелепо, и проблематично — вводить вас в свой круг общения. Простите за откровенность...

— Спасибо, — искренне поблагодарила я его. — Пожалуй, это именно то, что мне необходимо было услышать.

За этой проникновенной беседой мы уже подошли к дому. Несколько ступенек вели на террасу, изрядно занесенную снегом.

— Анна Владимировна! — позвала я хозяйку. — Коллеги! Ау! Вы где?

Никто не откликнулся.

— Странно, — задумчиво проговорил у меня за спиной князь. — Дым над трубой есть. Значит, кто-то в доме находится. Подождите здесь.

Он отодвинул меня в сторону, поднялся по ступенькам и легонько толкнул дверь.

Раздался грохот — и следом звук рухнувшего тела.

Я подхватила юбку — и побежала. Подальше от этого дома.

Но было поздно. Мне наперерез бросился мужчина. Он оказался и быстрее, и сильнее.

— Посмотрите, кто у нас тут! — радостно воскликнул он, втаскивая меня в дом.

На то, что я извивалась и кричала, никто не обращал внимания.

— А не эту ли милую девушку мы видели вчера в компании Великого князя? — раздался другой голос — молодой и звонкий.

В ответ кто-то захлопал в ладоши — и холл старого дома озарился ярким светом. Я увидела

лежащего на полу Варейского — он еще хрипел, но сердцебиение затихало... Я замолчала. Потом и вовсе замерла. Уловила судорожное, оглушившее меня биение сердца молодого человека. И все... Тишина. Смерть.

— Очень жаль, что пришлось его убить, — пробормотал кто-то из похитителей. — Два заложника, конечно, лучше, чем один. Но человек в форме адъютанта наследника слабым магом быть не может.

— Что с ним? — тихо спросила я.

— Паралич сердечной мышцы, — насмешливо ответил мне молодой и звонкий голос. — А что — любовницу пса престола волнуют и другие молодые люди?

Прошло меньше минуты, и Варейского еще можно было спасти — достаточно было послать несколько импульсов остановившемуся сердцу и запустить его.

Я прислушалась к себе, к своей силе... и вдруг осознала все то, что мне говорили другие люди — и целительницы, и Андрей, — сила никуда не ушла. Она по-прежнему жила во мне — кипела, сверкала, бурлила... Только я сама, возненавидев все вокруг, и в первую очередь саму себя, отказалась от нее. Может, сочла себя недостойной, может, наказывала себя за страсть... Но сейчас все это было не важно — важен был лишь человек, которого я могла спасти. Должна была спасти...

Я не стала бороться и пытаться подчинить силу целительницы — по прежним попыткам знала, что это бесполезно. Я попыталась уловить какой-то ритм, как тогда, на берегу моря, когда Андрей учил меня черпать энергию, разлитую в природе.

И сама не заметила, как забилося сердце Варейского. Сразу проверила сосуды головного мозга — все-таки достаточно долго без кислорода. С сосудами-то все было неплохо, чуть насытить — и вообще хорошо. А вот с людьми, которые захватили нас и были уверены в том, что избавились от князя... было хуже.

Как только забилося сердце, Варейский со вздохом, похожим на всхлип, втянул в себя воздух. Задышал быстро, поверхностно. И застонал.

— Что это? — заорал молодой.

— Работа целительницы, — отозвался кто-то.

Я бросилась к Варейскому, стараясь закрыть его собой.

— Пожалуйста, — просила я, не обращая внимания на звон в ушах и расплывающиеся контуры вместо человеческих фигур, — не надо его убивать. Он слишком слаб сейчас, чтобы доставить вам хлопоты. А два заложника — лучше, чем один. Вы же сами сказали. К тому же это князь.

— Который из свиты? — поднимая мой подбородок острием ножа, спросил кто-то.

— Варейский, — выдохнула я.

— Ладно. Предположим, от него хлопот не будет. А от тебя?

— От меня? Я могу лишь лечить...

— А мне всегда было интересно, — задумчиво проговорил он, не убирая ножа от моего горла, — почему целительницы не могут убивать? Вы же можете не только запустить сердце, но и остановить его?

— Не можем, — прошептала я. — Мы знаем, как это сделать, но не можем...

— Почему? — Нажим от ножа чуть усилился. — Вы от этого будете себя плохо чувствовать? Или впадете в тоску, несовместимую с жизнью? Если чуть сильнее нажмете там, где надо расслабить? Или порвете сосуд там, где надо его зашить?

— Просто не можем, — голоса почти не было, остался один ужас.

— Беззащитность, — сказал, словно выплюнул, мужчина. — Слышишь, князь, как там тебя. Я знаю — ты слышишь... У тебя дыхание выровнялось и сердце по-другому застучало. Так вот... Слушай внимательно — я наемник. Еще в вашу Черную войну вас как овец резал. Если ты хоть что-то замыслишь, хоть вздохнешь не так, или сердце твое удар лишний выдаст — я ее убью... Ты понял?

— Да, — тихо сказал Варейский.

— Мы тут все люди взрослые. Ну, почти все. Нас наняли. А теперь вот обложили. Магический периметр, по окружности — солдаты. С собаками прочесывают местность. Портал за него не выстроить. Горами не уйти. Грамотно. Как и все, что делает Радомиров. Но мы намерены убраться отсюда. И теперь у нас неплохие шансы на это. Потому что вы вдвоем в качестве заложников — это не те курицы, которых мы заперли в подвале. И, чтобы ты подвигов не совершал, скажу: мы просто хотим уйти — без крови.

— Кто вас нанял? — у Варейского почти получилось не хрипеть.

— Народ Поморья! — гордо откликнулся молодой голос.

Нам с Варейским было не до смеха, а вот два наемника постарше весело и как-то беззаботно рассмеялись.

— Ну ты еще объяви, что прошлого императора вместе с императрицей грохнул народ Поморья!

— Ага! И во имя свободы. Или чем там вам мозги промывают, чтобы вы с бомбами на людей кидались.

— Аристократы не люди, — прозвучал высокомерный ответ. — Они — бич нашего народа!

— Да хоть бич, хоть не бич. А все равно живые... — философски протянул один из наемников. — Вот не понимаю я вас, политических. Ладно — мы... Работа такая... Наняли — убиваем. А вы-то... Чего?

— Говорил — не надо с ними связываться. Молодые. Ладно чужую жизнь не ценят. Так и свою тоже.

— Что сделали — то сделали. Денег за Радомирова и правда дали много... А что его тяжело будет грохнуть — так это и понятно. Ладно — посмотрим, как вывернемся...

— Слышь, девка! — обратились ко мне. — Так как Радомиров из схлопнувшегося телепорта

спасся?

Я почувствовала, как напрягся Варейский. Это заметили и наемники.

— Смотри, как зыркает! — с искренним восхищением сказал тот, что прижимал нож к моему горлу. — Рыцарь!

И они захохотали.

— А мы обижаем его даму.

— Только дама не его!

И просто покатались со смеху...

— Так кто заказал Великого князя? — повторил вопрос Варейский. — Послушайте, вы же никого не убили. Сдайте заказчика — и вас выпустят. Сами понимаете, что исполнители никому не нужны.

— С такими козырями, как вы, — нас и так выпустят, — откликнулся один из мужчин.

— Да, но если вы сдадите заказчика — вас еще и искать не будут...

— Искать-то будут. Да вот найдут вряд ли... Как и двадцать лет назад. Единственная разница — тогда-то хоть причина была посущественнее, что ли. А сейчас — тьфу! Срам один!

— Болтаешь много, — оборвал его тот, который с ножом.

— Да и что гадать! Вон, за вами прибыли — сейчас и узнаем, чем дело кончится. Давай одну из подвала сюда — пойдет навстречу их сиятельствам. И приготовь кольцо с координатами поргала.

Окрестности Джанхота.

Поместье «Анастасиевская поляна». Он

Князю не надо было обладать магией, чтобы понять, что свита наследника при первых же словах женщины соорудила над ними всеми защитный купол, отгородившись от воздействия внешнего мира. Поэтому он повел беседу, не опасаясь за жизнь Александра Александровича Радомирова — наследника престола Поморской Империи.

— Вы захватили князя Варейского и госпожу Иевлеву? — в голосе Великого князя было лишь четко дозированное удивление.

— Кого захватила? Я? — женщина заговорила хоть с какими-то эмоциями, а то все твердила как заведенная про требования.

— Так. Значит, не вы в ответственности за то, что случилось с ними?

Женщина замотала головой.

— Вот и хорошо, — по-прежнему спокойно и доброжелательно продолжал Андрей

Николаевич. — А теперь расскажите, что с нашими друзьями?

— Они будут жить, пока вы выполняете требования.

— Какие?

Женщина беспомощно оглянулась на дверь, словно хотела вернуться назад и уточнить.

— Э, нет, — позволил себе улыбнуться князь, — туда вам не надо. Вспоминайте так.

— Я обычно все хорошо помню. — Женщина была растеряна. — Я учительница. Но мы сутки просидели в подвале...

— Понимаю, вы устали. Но уже все хорошо. Нам надо лишь вытащить тех, кто в доме.

— Бандиты что-то говорили про портал, — выдохнула женщина. — Они хотят покинуть территорию, оцепленную войсками.

— Понятно, — улыбнулся ей князь, а потом громко обратился к тем, кто был в доме: — Пока я не услышу голос Ирины Алексеевны, я и пальцем не пошевелю, чтобы сделать хоть какой-то портал.

— Я здесь, Андрей Николаевич, — услышал он ее голос — и выдохнул.

Жива...

— Вы не ранены?

— Я — нет. А вот князь Варейский...

— Достаточно, — вмешался мужской голос. — Что решили, ваше сиятельство?

— Согласен выполнить любые требования, — быстро сказал князь Андрей. — Координаты выхода?

— В кольце.

— Бросьте на порог. В руки я его точно не возьму — слишком уж хорошо вы с артефактами управляетесь. — И спросил, не оборачиваясь: — Ваше высочество, вы в порядке?

— Да... — голос наследника почему-то дрогнул. — Но...

— Кольцо, — спокойно и отрешенно проговорил Великий князь. — Я жду.

Чуть приоткрылась дверь — и темная фигура неуловимым, чуть смазанным движением стряхнула кольцо на порог.

Одновременно с этим движением наследник стремительно рухнул на одно колено, обрушив удар раскрытых ладоней на замерзшую землю.

Вздрагнула, казалось, вся земная твердь. Вздрогнула — и замерла. В абсолютной тишине раздался растерянный голос графа Соколова:

— Что же вы сделали, ваше высочество?

— Выполнил приказ императора, — равнодушно ответил за него князь Радомиров. — С преступниками, захватившими заложников, переговоры не ведутся. А теперь давайте оставим лирику — надо спасать людей.

— Это же заклятие ледяной статуи... — едва слышно, одними губами выговорил князь Алсапов. — Там же только трупы. Замороженные. Спасти уже никого невозможно...

— Если мы и дальше продолжим стоять и беседовать — то, конечно, невозможно, — бросил князь Радомиров — он уже входил в дом. — Поторопитесь, господа. У нас не более пяти минут.

Наследник и свита словно очнулись — и загрохотали сапогами по ступенькам.

— Госпожа учительница! — Радомиров был уже в доме и отдавал распоряжения женщине, которая зашла вместе с ним в дом и в каком-то священном ужасе смотрела на статуи из живых людей. Великий князь, казалось, этого попросту не замечал. — Спуститесь в подвал и посмотрите, что там с вашими коллегами. По идее они не должны были сильно пострадать... Выполняйте.

Женщина бросилась бегом.

— Ваше высочество, — продолжил распоряжаться князь Радомиров. — Кто самый сильный по энергии?

— Князь Алсапов.

— Отлично, — обратился к нему Радомиров, — вы — к Ирине Алексеевне. Граф Волков — к Варейскому. Граф Соколов, вы — к одному из преступников. Вот к этому, постарше. Держите их за руки. И расслабьтесь — вы должны провести энергию и усилить ее. Время, господа. Ваше высочество, прошу вас... Только подавайте энергию тонкими струями, не ахайте все. Спокойно — и у вас все получится.

— Но заклинание ледяной статуи действительно необратимое, — прошептал наследник. — Тем более то, что направлено на несколько объектов...

— Вздор, — фыркнул его дядюшка. — Все обратимо, кроме окончательной смерти. Сосредоточьтесь и поверните заклинание вспять.

— Но... — не мог решиться наследник.

— Саша, — развернул его к себе князь Радомиров. — Ты сделаешь это. Прямо сейчас. Ни в чем не сомневаясь.

И наследник увидел в глазах у родственника что-то такое... Что вздрогнул — решился — и скомандовал:

— Начали.

Энергия туманом за клубилась по комнате, слизнула огонь в камине, покрутилась около двух статуй — возле которых не было живых людей. На долю секунды заинтересовалась Радомировым — отпрыгнула от него, словно обожглась, и расслоилась на три потока. Вскипела подле Ирины, Варейского и мужчины с ножом в руках — и подчинилась наследнику, слизнув напоследок капли пота с его бледного лба.

Несколько секунд в комнате были слышны лишь хриплые вдохи и выдохи. Потом князь Радомиров бросился к преступнику, отбросил ногой нож подальше, надел браслеты, мгновенно появившиеся, тому на руки. Оглядел присутствующих — все были живы. Поднял вопросительный взгляд на учительницу, которая явно что-то хотела сказать, но не решалась.

— Девочки живы. Заторможены, но живы.

Радомиров кивнул. Затем странной, какой-то дергающейся походкой, подошел к князю Алсапову, который вынужден был не только держать Ирину за руку, но и подхватить за талию, — ноги отказались ее держать.

— Андрюша... — дернулась она из чужих объятий.

Он взял ее на руки. Сел на диванчик, спиной ко всем, обнимал ее, что-то беззвучно шептал на ухо. И все запомнили, как подрагивали его плечи, словно мучительные судороги, над которыми князь был не властен, волнами накатывали на него снова и снова.

— Ваше высочество, — князь Алсапов первый отвел взгляд от такого умопомрачительного зрелища, — надо вызывать подмогу...

— Я уже связался с генералом Макаровым, — безучастно проговорил наследник. — Как там женщины? Целительницы тоже будут.

— А как вы догадались применить заклятие «Ледяной статуи»? — спросил вдруг граф Соколов. — И как вы это сделали?

— Мне отдали приказ. Двое старших в роду — император и дядя, — наследник кивнул в сторону Великого князя, — имеют право отдать мне такой приказ.

— Он же ничего не приказывал...

— Это вы так думаете... Но в случае чрезвычайной ситуации приказы отдаются самыми простыми словами.

— Надо же... — протянул Варейский, по-прежнему лежа на полу. — Это же утерянное заклинание... Почти легенда.

— Видимо, не совсем, — отозвался Алсапов. — Как выяснилось.

— И к счастью, оно обратимо, вопреки всем известным данным, — кивнул граф Соколов.

— И к счастью, у меня получилось... — прошептал наследник, снова уставившись на спину дядюшки.

Джанхот. Она

— Вздор. Ты же умная женщина и понимаешь — это все вздор!

И столько высокомерия в его голосе, что чувствуешь себя... Как-то неловко.

— Мне не нужна любовница в твоём исполнении... — продолжил Великий князь.

Вот как! Мне даже стало обидно на мгновение... «Любовница в моем исполнении не нужна». А ночью не жаловался. И днем понедельника... А вот теперь, ко вторнику...

— И нечего дуться, — как-то это прозвучало надменно. Даже величественно. — Мы поженимся.

Ага, сейчас... Стану я выходить замуж за человека, который слышит только себя. А на мои вполне здоровые аргументы против женитьбы заявляет, что это вздор. И больше ничего. И отказывается брать обратно кольцо.

— Андрей Николаевич! — возмущенно начала я.

— Ирина, прекрати!

— Ваше сиятельство!

— Вот за что мне все это! — поднял он глаза наверх.

Я с интересом задрала голову туда же — ничего интересного, понятное дело, кроме потолка в своем собственном доме, не обнаружила. Кстати, надо нанимать людей, чтобы его побелили...

— Ты же понимаешь... Нет, ты просто не понимаешь, что твое предложение, что ты остаешься в этом домике и ждешь меня вечерами... просто как любимая... это вздор. И бред. Это унижительно, в конце концов!

Стоп. А вот это уже интересно.

— Это еще почему? — поинтересовалась я. — Почему это тебе унижительно? Я на это согласна. У тебя такие отношения уже были. Более того, у нас с тобой такие отношения уже были...

— Ирина, прекрати блажить! — зарычал он.

— Это проще, чем менять свою жизнь настолько... — прошептала я. — Представь, мне надо выйти из домика — и встретиться с императором и императрицей. Которые — всего лишь — прибыли в Джанхот на мою свадьбу...

— На нашу свадьбу, — поправил он. — И мы уже задерживаемся. Я вообще тебя сегодня утром не должен был видеть. И у себя в доме ты осталась ночевать только лишь потому, что меня убедили — надо выезжать на церемонию в разных экипажах из разных домов. Зря я дал себя убедить — никогда в приметы не верил... Надо было в храм тащить тебя из своей постели — пока ты очнута не успела. И подумать.

Так, я не поняла, что за издевательские интонации в слове «подумать»?

— Андрюш, — я подошла и погладила его по плечу, — перестань. Князя так не женятся. Это нелепо.

— Ира! — Он посмотрел на меня — и отошел. Пометался по моей маленькой гостиной. Забормотал: — Сейчас... Сейчас я успокоюсь, возьму себя в руки. Все-таки уговорю себя, что не надо орать. Я смогу.

— Ты же не орешь, — возмутилась я. — Ты просто не умеешь!

— Я скоро визжать научусь и биться в истерике! Вообще, я с тобой раскрываюсь с новых сторон... Одно хорошо, моя будущая супруга — целительница!

Он еще походил. Потом остановился передо мной. Заглянул в глаза. Я смутилась. Вот чувствовала, что права. Вот знала, что права — и ничего хорошего с этой женитьбой не получится, а смутилась. Почувствовала себя маленькой, капризничающей на пустом месте дурочкой.

— Послушай меня, — тихо-тихо сказал он. — Я — Великий князь Радомиров. И с этим ничего не поделаешь. Да. На моей свадьбе присутствуют император, императрица и наследник. Это тоже факт. Как женятся или не женятся другие князья... мы рассуждать не будем — мне сейчас не до них. Мне все равно, что в их жизни считается невозможным или нелепым. Мы говорим о нашей с тобой жизни. И в ней все достаточно просто: или ты принимаешь меня таким, какой я есть — с титулом и непростым характером... С тем, что мне нужна жена в твоём лице...

— Или? — не отрывая от него взгляда, спросила я.

— Или ничего не будет, — практически беззвучно выговорил он. — Выбирай.

Долго смотрела в его глаза. Потом кивнула, смиряясь.

— Я согласна, — прошептала.

Остальное в памяти сохранилось лишь урывками.

Роскошное лазоревое платье с кружевной пеной рукавов — традиционный цвет невесты в Поморье.

Букет ландышей, вложенный в мою руку Марией Ивановной.

Толпа народа на площади перед храмом. Кажется, весь городок собрался на праздник.

Мужская рука, которая появляется передо мной, когда останавливается коляска. Я поднимаю глаза, вижу огромного рыжеволосого и рыжебородого мужчину с такими же глазами, что и у Андрея. Понимаю, что это император.

— Спокойнее, — тихонько пожимает он мою руку. И как-то просто расплывается в улыбке. — Все хорошо...

А потом наши «Да»... Его — решительное и громкое, мое — смущенное, еле слышное, но... бесконечно счастливое.

И восторженное семикратное «Ура!» на площади под звон колоколов...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Лесной колдуньи зелье

Коснется бледных губ.

Правители Поморья

В страну свою войдут.

Сами духи ведут тебя, Рэй!

Сами духи хранят тебя, Ари!

И бежит сквозь метель все быстрее

снежно-белая волчья стая...

Столица. Первые числа января. Она

Меня уже семь дней не было дома. Наверное, семь... Может, больше... Или меньше? Сейчас мое время не было поделено на дни — лишь на секунды, минуты или часы, все определял ход операции.

Подготовка. Посмотреть карту больного, результаты анализов. Операция. Еда. Четыре часа сна. Массаж. Глоток укрепляющей настойки. Снова подготовка — история болезни. Операция. Еда. Четыре часа сна. Массаж. Глоток. Операция.

И так по кругу.

Пять дней счастья, которые выпали после свадьбы, маленький домик посередине зимы, наша щемящая близость — все пролетело как один восхитительный миг и теперь представлялось каким-то... нереальным.

В госпиталь отправилась сразу, как только мы приехали в столицу. И меня взяли на работу! Я вернулась и была абсолютно счастлива. Чуть угнетала мысль, что пришлось подвести директрису — учебный год в разгаре, а в школе для девочек некому вести химию и биологию. Выручил Андрей — распорядился, чтобы меня заменила целительница, служащая на базе его Министерства. И очень скоро угрызения совести по поводу школы и страха, связанные с замужеством, исчезли, потому что...

Сила... Тягучая, золотистая, будто свет шаров со Снежного бульвара. Она бурлила во мне, искрилась и переливалась, жила внутри и заставляла помнить. Помнить о море и танцующих снежинках, о том, «как дышит счастье», о том, как это — жить в ритме его дыхания.

Теперь я могла не просто лечить. Снимать боль. Останавливать кровь. Теперь я делилась счастьем! Просто отрывала от себя кусочек и отдавала больным. И от этого оно множилось, а я чем больше уставала, тем чаще улыбалась.

Оказывается — это очень просто. Делиться счастьем, когда оно у тебя есть. Дарить любовь, когда она переполняет все твоё существо — от макушки до пяток...

Дар вернулся после того, как я смогла заставить сердце князя Варейского биться вновь. Я стала сильнее как целительница. Не знаю, с чем это связано. С бесконечным счастьем, которое я ощущала рядом с любимым? С тем, что я год не пользовалась своими способностями? А может, это оттого, что Андрей научил меня вслушиваться в природу? Заставил почувствовать ее ритм... Показал, как черпать силу извне?

Мы вернулись в столицу накануне зимних праздников. Перед Тезоименитством наследника должно было состояться мое представление ко двору. Я не сопротивлялась — молчала. Иногда мне кажется, что если бы мужу пришлось меня убеждать, ему было бы легче. А пока, рассуждая на эту тему при каждом удобном случае, он убеждал, скорее, сам себя. Получалось

плохо.

«Плохо» началось с газет. «Шокирующий мезальянс», «Истинная причина скоропалительной женитьбы Великого князя Радомирова», «Современные охотницы за князьями» — это были еще самые приличные заголовки статей, посвященных нашему супружеству. Было противно. До отвращения. И обидно. До слез.

Хотя... Я же знала, что так будет... Чувствовала, что эта жизнь будет для меня чужой — как роскошное платье цвета слоновой кости, которое мне доставили с запиской от императрицы. Кокетничая изящным почерком с завитушками и благоухая тонким цветочным ароматом, записка сообщала, что это и есть мой наряд для представления ко двору. Я только вздохнула, когда его увидела. И не стала примерять. Зачем? Если это плата за то, чтобы быть рядом с Андреем, — то не так уж она и велика. Разряженной мартышкой появиться перед придворными — и вытерпеть свою порцию... Нет, не насмешек — вряд ли бы на это кто-то осмелился... Скорее, недоумения — нарочитого и злого.

Андрей и так делал все что мог...

Мы, как только поженились, сразу посетили Мраморный дворец, принадлежащий Великим князьям Радомировым. В нем было очень красиво, роскошно и... совершенно невыносимо. На цыпочках прошлась по комнатам в крыле, которое должна занимать супруга Великого князя, и впала в тоску. Андрей тогда рассмеялся — и сказал, что я весьма предсказуема.

Поэтому когда мы вернулись из короткого свадебного путешествия, то сразу отправились смотреть особняк неподалеку от госпиталя — муж рассудил, что так будет удобнее. Прежде всего — мне, потому что я жаждала вернуться на работу, а Мраморный дворец... был замечательным. Но больше годился для того, чтобы туда экскурсии водить.

Дом, в котором мы поселились, был совсем другим. Было слышно, как тяжело вздыхают шершавые стены, как жалуется трескучий камин, скрывая теплом свое раздражение. Тайны, обиды, интриги, смех и слезы прежних хозяев — тяжкий груз.

Я расставила везде большие уютные кресла и маленькие столики, на которых непременно лежали блокнот и писчие принадлежности. Теперь, где бы ни спряталась капризная Муза, ускользнуть от Великого князя у нее не было никакой возможности! Муж над моею затеей смеялся, однако стихи писал.

Я читала короткие четверостишия и училась дышать его снами, страхами, надеждами... Мне стало казаться, что мы становимся похожими на ледяной мох, что растет у подножия медвежьей горы, — прорастаем. В доме, друг в друге.

Тот мох так прозвали за серебристый цвет. Три лунных цикла подряд целительницы настаивали сухие растения, чтобы сделать настойку. Мы хотели с Андреем летом поехать за травами, в отпуск. Но это был лишь один из многочисленных планов, которые мы строили.

А потом случилось несчастье.

В Центральном столичном портале произошла авария. Он не схлопнулся, нет. Но в него каким-то непостижимым образом врезалась грузовая платформа. Всех, кто в тот момент находился в портале или поблизости, прихлопнуло. Пострадало двести двадцать восемь человек. Почти половина из них — дети. Начались каникулы — и ребят массово отправляли на экскурсии.

Пострадавших распределили по городу — нам традиционно достались самые тяжелые. Домой

мы не уходили — госпиталь перевели на военное положение. Покалеченные дети сменяли один другого. Две оперирующие бригады работали одновременно — складывали тела из осколков, сращивали ткани, вливали энергию — и молились Небесам.

Впервые за все эти годы мне пришлось оперировать самой. Первые три операции мы провели по-прежнему совместно с заведующей — словно и не было этого потерянного года... Перед следующей Наталья Николаевна вызвала меня к себе и объявила:

— Вы стали сильнее. Намного сильнее. Повзрослели, счастливы. Я искренне рада за вас, — начальница выглядела уставшей, но довольной.

Я слушала начальницу, стараясь не дышать. Черные волосы княгини всегда были уложены в прическу, и ни разу на моей памяти ни один завиток не выбился из-под платка. Мы с коллегами всегда подозревали, что без магии тут не обошлось...

Княгиня обладала какой-то своей, неповторимой элегантностью — безупречная осанка, мягкий, бархатный голос. Изящная, подчеркнута учтивая речь. Никто не чувствовал себя униженным, но при этом ни у кого даже мысли не возникало подвергнуть слова заведующей хоть какому-то сомнению, пусть даже и в дурном сне. Она была примером, достойным подражания, она пользовалась уважением и любовью абсолютно у всех, без исключения. И то, что за глаза ее называли Волчицей, говорило о многом.

Образ волка в фольклоре поморцев имел особое значение. Белый Волк и Белая Волчица — символы мудрости, помощи, защиты. Духи-великаны в образе животных являлись в сказках из снежной метели и непременно спасали героя от верной гибели. Огромных размеров белоснежный волк изображен на гербе Поморья, а талисманом нашего госпиталя была белая волчица, кормящая своих щенков.

— Мне не хватало вас, Ирина Алексеевна. Я все это время не могла избавиться от чувства вины, — продолжала княгиня.

Я очнулась. Надо же — вот только что внимательно ее слушала и вдруг задумалась... Нехорошо...

— Это было недоразумение, — тихо проговорила я. — И в нем... никто не виноват.

— Допустим, — у целительницы злобно блеснули глаза. И правда, как у волчицы... — Просто я хотела донести до вас — если что-то случается, надо идти за помощью. К вашим друзьям. К тем, кто вас любит, кому вы не безразличны. Ко мне, в конце концов!

— А не исчезать... — вспомнила я подобную беседу с Андреем.

— Именно так, — кивнула она. — Это был тяжелый год. Но, как бы то ни было, вы вернулись. И, повторюсь, стали намного сильнее. Так что выбирайте ассистентку из ординаторов — и вперед. Оперировать самостоятельно.

Андрея я увидела через несколько операций после этого разговора — он уже ждал меня, достаточно официально раскланялся и спросил:

— Чем могу помочь?

Под внимательным взглядом его охраны, быстрыми, любопытными взорами сотрудников

госпиталя мне стало до невозможности неловко. И как, скажите на милость, мне его называть на людях?

Я стояла, раздумывая прежде всего над этим. Поэтому пропустила его вопрос:

— Вы ели?

— Что?

— Понятно... Как организовано питание целительниц? — вопрос в никуда. Кто-то сорвался с места. — Где мы можем поговорить?

А... Это уже ко мне. Наверное, его сиятельство изволил заметить мое несчастное лицо.

Конечно, он сейчас уйдет — а мне тут еще работать... Не то чтобы я опасалась каких-то последствий, просто боялась, что ко мне перестанут относиться по-человечески. Станут смотреть как на жену Великого князя... «Самый ужасный мезальянс в истории Империи» — если цитировать вчерашний выпуск «Верность монархии».

Я нахмурилась — и повела его на третий этаж. Традиционно в стационарных госпиталях под операционные отводили первый этаж. Ближе к приемному покою. А все остальное — повыше.

Мы шли — и молчали.

Потом я распахнула дверь своего маленького личного кабинета — мне, как полноправному оперирующему хирургу, теперь был положен отдельный закуток, где я могла отдыхать между операциями. Я даже не успела там обжиться, а уже принимала... Великого князя!

Первым туда, оттерев нас от входа, просочились охранники.

— Распорядитесь насчет ужина.

Я потихоньку стала узнавать «специальный» княжеский тон. Андрей им говорил, когда был чем-то недоволен.

— Я бы тоже поел. Прощу вас, княгиня.

И со мной так же...

Значит, недоволен именно мною...

Занятно.

Попыталась изобразить реверанс — хорошо бы добавить в движения иронии. Резко вскинулась — голова закружилась так, что чуть не упала.

Вот и вся моя... великосветскость...

Супруг подхватил под руку, затащил в кабинет. Охранники тихонько закрыли за нами дверь.

— Ир, ну ты что? — тихонько прошептал он мне на ухо, крепко прижимая к себе.

— Не знаю, — ответила я, чуть не плача. — Я не знаю, как мне вести себя положено. Как тебя... вас... называть. Как вообще...

— Я тебе открою тайну, — по-прежнему обнимая меня, проговорил он. — Ты можешь вести себя, как тебе нравится. Только не расстраивайся. Хочешь, я специальный указ издам об этом? И его императорское величество его подпишет?

— А надо как?

— Серьезно говорю — никто не знает. Родственники императора еще не женились на целительницах. А княжеские жены вообще не работают... Представляешь, твою зарплатную ведомость переделывали под новую фамилию, — в голосе послышались смешинки, — а там запись «княгиня Радомирова». Бедные чиновники. Какие нервы!

— Почему не работают? — возразила я. — А княгиня Снегова?

— Ты да она, — не стал спорить мой муж. — Еще с десятков примеров по Империи Поморья. Кстати, вот у своей начальницы и спроси, как она мужа величает...

— По имени-отчеству. И на «вы».

— Вот и ты делай так же, — разрешили мне великодушно.

Потом склонился, чтобы меня поцеловать. Я, вздохнув, погладила его плечи...

В дверь постучали.

— Твой... что там бывает в четыре утра... завтрак, наверное, — недовольно пробормотал князь. — Заходите.

— Кстати говоря, — сказала я, отойдя от него, — еду подают регулярно — между операциями.

Сестра накрыла на стол и, поклонившись, вышла.

— Андрей, я не хочу особого отношения к себе лишь потому, что я твоя жена.

— Но согласись, чудесно звучит. Ты — моя жена, — мечтательно проговорил он.

— А ты почему не спишь?

Кормили у нас в госпитале, между прочим, нормально. И полезная рыба с овощами на пару была весьма съедобна. А если кому-то не нравится — так это его личная великокняжеская проблема. И не надо морщиться!

— Я уже поспал несколько часов, — бодро ответил он. — У нас расследование — проверка всех порталов. Так что на военном положении не только доблестные целительницы. Министерству безопасности Поморья тоже достается.

— Тебя хоть кормят?

— Не креветками и осьминогами — мои вестовые знают, что я все это терпеть не могу. И кстати, вот почему к рыбе не подать картофель хотя бы...

— Зеленая фасоль полезнее, — ответила я. И рассмеялась.

— Возвращаясь к первому вопросу — я могу чем-то помочь?

Я подумала:

— Слушай, девочки работают на износ, приходится много энергии вливать в пострадавших... Это у меня и ресурс хороший... после всех событий. И еще твой артефакт, — показала на браслет. — И у княгини Снеговой, как я понимаю, есть что-то подобное. Но остальным... Очень тяжело. На травяных настойках такие нагрузки крайне трудно выдерживать.

— Да, ты права. Я распоряжусь, — кивнул Андрей. — Надо будет обеспечить целительниц мощнейшими артефактами и еще создать резерв на случай таких вот чрезвычайных ситуаций.

И он тяжело вздохнул.

— Ладно. Ложись спать. У тебя глаза слипаются.

Князь стащил с меня платок и стал вытаскивать шпильки из закрученной вверх косы.

— Только на пол не надо их расшвыривать, — тихонько зашипела я, всеми органами чувств ощущая, что дверь просто из бумаги, а за дверью — посторонние.

Он усмехнулся — и продолжил. При этом ехидно смотрел прямо в мои глаза...

Я и сама не заметила, как потянулась к губам мужа.

Это было какое-то сумасшествие... Я оцарапалась о планку на его кителе — он снял и отшвырнул его. Кушетка протестующе скрипнула под нашим весом — и мы скатились на пол. Я кусала ладонь, чтобы не издавать звуков, — но была уверена, что наше хриплое дыхание слышал весь госпиталь...

— Я тебя люблю... — шептал он. — Как же я тебя люблю...

Столица. Первые числа января. Он

— Все движется к своей логичной развязке, — следователь Сергей Иванович заметно нервничал. — Однако...

Он забарабанил пальцами по столешнице.

— Что вас беспокоит? — внимательно посмотрел на него Великий князь Радомиров.

— Что тут непонятного, — хмыкнул Семен Семенович. — Нашего уважаемого коллегу беспокоит круг подозреваемых.

— В нем что — есть наследник? — абсолютно серьезно спросил Андрей Николаевич.

— Нет, — испуганно замотал головой следователь.

— Кто-то из императорской семьи? Тоже нет? Вот видите, как хорошо... А все остальные — они не так уж и неприкосновенны. Тем более если учесть тот факт, что покушались на меня.

Во взгляде Сергея Ивановича мелькнула легкая зависть — хорошо так рассуждать... Просто — но решительно. А вот ему расследование с четырьмя основными подозреваемыми — приближенными наследника — седых волос прибавляло...

— Итак, — продолжил Радомиров. — Как я понимаю, вас смущает то, что среди подозреваемых адъютанты его высочества?

Следователь кивнул:

— Мы за эти несколько недель перетряхнули всех, кто был на имперской площади в Джанхоте в тот день, когда вам подкинули в портал сферу. Нас интересовал сильный маг, хорошо знающий реалии придворной жизни, неплохо изучивший вас. Знал же он про вашу балерину... К которой вы отправились перед первым покушением. Кроме того, этот человек находился неподалеку от вас в дни покушений. Он имел выход либо на вашу охрану либо на госпиталь — он ведь знал, что вы представлялись полковником Мирковым. И он знал, кто для вас госпожа Иевлева.

Князь Радомиров слушал молча, сжимая кулаки за спиной.

— А саму охрану проверили? — взгляд на генерала Макарова.

— Более чем, — поморщился тот. — Петр Петрович — ваш начальник охраны — теперь на меня зуб имеет. Ну да Небеса ему в помощь...

— Я с ним поговорю, — пообещал Радомиров. — Все равно информация о моих передвижениях по столице у преступников была. Или за мной следили, или...

— Петр Петрович заявил: если бы в покушениях участвовала охрана, вы бы не спаслись, — улыбнулся Макаров.

— Не лишено логики, — не смог поспорить князь. — И все же...

— И все же тот, кто стоит за покушениями, — представитель высшей аристократии, — подхватил генерал.

— Из-за построения порталов?

— Именно. Никто другой так порталы, какие нам продемонстрировали, строить не может. Это сильный, специально обученный маг. Такие программы обучения существуют только для старейших родов — в противном случае просто не хватит потенциала. Высшая знать. И потом... Кто-то же подкинул в портал, которым транспортировали наемника, маленькую серую сферу... Таковую же, как и вам днем раньше... А вас в поместье было семеро, не считая учительниц в подвале.

— Мы с Ириной, наследник. И четверо его адъютантов.

— Получается, кто-то из них. И наемник знал, кто это!

— Сферу активировали в тот момент, когда охранники транспортировали задержанного в тюрьму. Порталом.

— Жаль, конечно, что так получилось с этим... господином, — протянул генерал Макаров. — Много он знал, ох как много... И про покушение на прежних императора с императрицей интересно рассказывал — со слов Варейского и Ирины Алексеевны...

— Посмотрите, что получается. — Сергей Иванович поднялся и стал расхаживать по кабинету. — Как только ликвидировали последствия заклятия ледяной статуи, сразу вызвали

помощь. Первого из помещения извлекли бандита — и охрана построила портал. Хлопок — и все. Все погибли. Портал схлопнулся. Значит, туда успели подбросить сферу.

— Или она у наемника была, — протянул князь.

— И он решил погибнуть. Чтобы никого не сдать? Вряд ли. Это же наемник — он бы продался — и все.

— Допустим, — кивнул Радомиров. — Подброшенная сфера сильно сужает круг подозреваемых. Только зачем так рисковать — и практически раскрываться?

— Скорее всего, тот бандит, которого оживили, лично его знал, — выдвинул предположение Семен Семенович.

— Итак, господа, с вашего позволения я повторюсь еще раз. В поместье, кроме учительниц и Ирины, были я, наследник и четверо его адъютантов: князя Варейский и Алсапов, два графа — Волков и Соколов. Кстати, а почему исключили наследника?

— Он был во дворце во время первых покушений, — с невыразимым облегчением выдохнул следователь.

— Это проверено несколько раз, — ответил на вопросительный взгляд Радомирова генерал Макаров. — Да и зачем ему...

— А этой его... боевой четверке адъютантов зачем? — зарычал Великий князь. — К тому же Ирина слышала, как бандиты смеялись — причина, по которой меня хотят убить, какая-то... «дурацкая».

— Я бы поставил на Варейского, — протянул Макаров.

— Почему? — удивился следователь. — Его же чуть не убили.

— Ну, во-первых, не убили. А во-вторых, если хотите, мои доводы основаны на личной неприязни. Пускай это предубеждение, но интуиция меня еще не подводила.

— Тогда Алсапов, — задумчиво проговорил Андрей Николаевич.

— Вот этот — скорее, — кивнул Сергей Иванович. — Он и магически самый сильный. И кстати, ваше сиятельство, вы когда-нибудь переходили дорогу кому-нибудь из этих родов?

Великий князь Радомиров посмотрел на следователя с легким недоумением:

— Понятия не имею. Я до сих пор рассматривал аристократические фамилии с той точки зрения — не переходили ли они дорогу мне...

— Нет, — отрицательно покачал головой Макаров. — С этими конфликтов у его сиятельства не было. Разве что с Варейским, — хмыкнул он.

— Это я отправил его на Кавказ за неуместную шутку: ему девушка отказала — он ее похитил, — стал вспоминать Радомиров. — Насиловать, к счастью, не стал. Просто держал в поместье — говорит, что не поверил, что она не кокетничала. Девушка кинулась ко мне, как только ее выпустили. Князь же побывал в шкуре простого солдата — потом личной храбростью дослужился до офицерского чина. По ходатайству семьи его перевели офицером-воспитателем в Императорское военное училище. А там и помиловали. Кстати говоря, очень хочется, чтобы

заговорщиком оказался именно он. С тех пор, как мы прибыли из Джанхота, он требует, чтобы я вызвал его на дуэль. Можно сказать, преследует!

— Зачем ему с вами на дуэли драться? — изумился Сергей Иванович.

— Он считает, что он оскорбил меня и Ирину Алексеевну. И я обязан дать ему искупить позор, — тяжело вздохнул Радомиров. — Я ему объяснил, что против дуэлей и собственный указ нарушать не намерен. Тем более что убивать его, дурня, у меня нет ни малейшего настроения. Не говоря уже о том, что это может негативным образом отразиться на репутации моей супруги. Я даже предупредил его отца — дуэли не будет. Но малейшая оплошность со стороны его старшего сына — и пострадает весь род. Дал понять, что лишь безмерное уважение к прошлым боевым заслугам старшего Варейского в частности, а также память о преданности императорской фамилии рода в целом — сдерживают меня.

— Вот. А говорите — нет конфликта с родами... С Варейскими же есть, — подытожил Сергей Иванович.

— Не получается, Сергей Иванович, не получается... С Ириной Алексеевной мы познакомились в один день с Варейским.

— Алсаповы тебя не любят традиционно, — почесал нос генерал Макаров. — Старый князь искренне считает, что ты — препятствие их величию. Не будет тебя — и они станут ближе к императору. А молодой Алсапов — очень сильный маг. И порталы он такие вполне может строить... Они по материнской линии — в родстве с Дымовым, а я год назад записал в солдаты единственного наследника Дымовых — за безобразную пьяную выходку, когда он на лошадях влетел в толпу детей.

— Если по притеснению родни — так тебя все дворянство не любит. Всем есть кого тебе вспомнить...

— Граф Волков... Ничего сказать не могу. С его батюшкой мы приятельствуем. Он совсем бесшабашный, но уже унялся, после войны да ранений. А в молодости... Он лет на десять постарше нас с императором... Матушка-покойница его не выносила. Дуэли, карты, цыгане... Кстати, женился он тоже на цыганке... Сначала выкупил ее у цыганского барона — чин по чину. Она с ним жила уже лет пять, как граф проигрался. И проигрался так, что сумму назначенную собрать в срок не смог. Решил стреляться. А цыганка собрала все драгоценности, которые он ей дарил, и к ногам его кинула. Он той же ночью расплатился, а утром отправился к императору покойному с прошением.

— Разрешения на женитьбу добивался? — спросил Сергей Иванович.

— Именно, — кивнул Радомиров. — Кстати, с тех пор больше и не играет. А там война пришла. Так что про отца много чего знаю. А сын...

— А что с графом Соколовым?

— Тоже ничего сказать не могу — ни хорошего, ни плохого. Род новый — всего лет сто как дворяне. Графский титул отец нынешнего графа получил за Восточный фронт.

— А как он попал в адъютанты?

— Это не ко мне. Это к императрице, — отрицательно замотал головой Радомиров. — Я в дворцовые тайны не вникаю — у меня своей головной боли хватает... Знаю только, что они по

матери молодого Соколова — дальние родственники. Императрица добра... излишне... к своей родне, ее могли попросить пристроить мальчишку. Насколько он магически одарен — не знаю, а вот дар поэтический, на мой скромный взгляд дилетанта, у молодого человека есть, — улыбнулся князь своим мыслям.

— Так, — подвел итог их беседе генерал Макаров. — Я подключу начальника Второго отдела. Он у нас внутренними врагами заведует — вот пусть и предоставит нам полные биографии адъютантов наследника. Профили по магическим потенциалам — отдельно на каждого. Особенное внимание уделить построению телепортов. Надо будет уточнить...

— А откуда у одного из них магические бомбы? Да и сферы, схлопывающие порталы? — продолжил Сергей Иванович.

— А знаете, что самое главное? — задумчиво проговорил Великий князь. — Что лично для меня будет доказательством, чтобы подписать приказ об устранении... Потому что — все мы понимаем — суда не будет... Для меня доказательством будет фамилия того, кто передал деньги наемникам... Наверное, единственно значимым доказательством.

— Ваше сиятельство, — раздосадованно протянул Семен Семенович, — вам же уже докладывали, что эти два наемника — граждане маленького, но свободного государства Шедд. Как всем известно, представители этого государства держат всю банковскую сферу, что и позволяет им... считать себя выше других. Кроме того, наемники, что базируются на территории Шедда, — настоящее бедствие, и не только для нас. За деньги они участвуют в войнах и дворцовых переворотах где угодно. Хорошо подготовлены, ни в чем лично не заинтересованы, а значит, эмоции на магические способности не влияют. В большинстве своем — крайне жестоки. Но государство традиционно стоит на защите прав своих граждан. Кстати, консул уже объявил протест и пытается обвинить наше Министерство в гибели туристов.

— Туристов, — фыркнул Сергей Иванович. — Да они еще в Черную войну у нас такое творили...

— Вот почему они живы до сих пор были? — поднял взгляд на генерала Макарова Великий князь.

— Мое упущение, — склонил голову генерал.

— Еще раз перетряхнуть весь мир, — отдал распоряжение Радомиров. — Еще раз поднимите отпечатки пальцев. Задействуйте всех. Платите, сколько надо. Военных преступников, орудовавших на территории Поморья, в живых быть не должно.

— Слушаюсь, ваше сиятельство.

— Что касается платежей... — проговорил Сергей Иванович. — Мы, конечно, отправили запрос. В те банки, где хранились сбережения покойников. Но это все и длиться будет долго. И закончится, как мы понимаем, ничем.

— Разрешите эту ситуацию, — так же резко ответил ему князь. — Предупредите начальников отделов, что я дал неделю на разрешение этого вопроса.

— Средства? — уточнил Макаров.

— Любые, — отмахнулся Великий князь. — Конечно, ответное покушение их правителю устраивать не нужно. Заложников я запрещаю брать. И, в идеале, никого убивать не нужно. А

то знаю я вас...

И он с подозрением посмотрел на генерала.

— Я понял, — поднял тот излишне честный взгляд на начальство.

— Все, — решил Великий князь. — По домам. А то я не спал нормально уже несколько дней.

— А что с грузовым порталом? — озабоченно спросил Сергей Иванович у генерала Макарова, когда Великий князь удалился.

— Действительно несчастный случай, — пожал тот плечами. — Разгильдяйство. Только как же не вовремя...

Великий князь Радомиров перенесся домой. В двухэтажный особняк неподалеку от госпиталя, куда вернулась на работу Ирина.

Дома ее не было. Он нахмурился — княгиня Снегова обещала, что сегодня отправит свою подчиненную спать домой. Уже неделя прошла, всех, кого можно было, — спасли. Пора было выходить из этого безумного графика.

«Надо бы вернуть традицию коротких путешествий», — подумал князь. Столько всего можно было бы показать Ирочке... А вот придет весна... Которую она, как он помнил, не любила.

Жена. Он вспомнил день их свадьбы. Ее бунт. Его шантаж. И широко улыбнулся. Ничего... Как-нибудь. Небеса дадут, справимся. Главное — они вместе.

Постоял на пороге спальни — пустой без нее — и отправился пешком в госпиталь, забирать супругу.

Обнаружил Ирину в странном закутке, что по какому-то недоразумению назывался ее кабинетом. Жена спала. В какой-то странной позе, одетая в верхнюю одежду. Как будто собралась уходить — и не смогла. Присела на краешек дивана — и все. Заснула.

Подхватил ее на руки, выстроил портал домой.

Все. Хватит. Спать...

Столица. Первые числа января. Она

Жизнь потихоньку налаживалась. Я начинала привыкать к тому, что есть куда торопиться после работы. Что так приятно засыпать и просыпаться в одной постели с любимым человеком...

Я узнавала много нового. Например, то, что Великий князь Радомиров действительно был весьма занятым и не свободным человеком. Командировки, происшествия, учения... Сопровождения, отчеты, расследования. Странно, как это в прошлом году он находил время на путешествия... Я начинала понимать, чего ему стоило встречаться со мной. И от этого внутри становилось еще теплее. Однако же и я сама, хвала Небесам, не сидела дома в печали и тоске, гадая, скрипнут ли ступени под знакомыми шагами. Я работала — и это было прекрасно.

Замечательно было и то, что аврал, возникший после аварии, потихоньку угас — и все

вернулось на круги своя. Приемный покой. Дежурства — кстати, намного меньше, чем раньше. Четыре в месяц — тот минимум, который должна была отдежурить полноправная целительница. И не больше.

Придворные торжества из-за аварии отменили. В Поморье объявили траур по погибшим, и Зимние праздники все отмечали в частном порядке. Не скажу, что меня это огорчило. Мое представление ко двору пока откладывалось. Это радовало. Воспоминания еще были живы...

Парадное платье мешалось в моей гардеробной. Каждый раз, натываясь на него, я вздыхала.

Сегодня вечером я дежурила в приемном покое. Оставалось совсем немного — и можно было отправляться домой. Андрей связался со мной через кулон, сообщил, что уже в особняке и ждет меня. Как и мой любимый салат с креветками.

Я предвкушала вечер дома. После ужина улечься у камина с новой книжкой — как раз купила десятую часть приключений некроманта. Из-за этой покупки меня вчера отчитывал Андрей — я после работы пешком отправилась в ближайший книжный магазин. Оказывается, этого делать было нельзя.

— Для подобных выходов в город существует отдельный протокол, — выговаривал мне муж. — С увеличенным количеством охранников.

— Я что — заключенная? — возмутилась я.

— Нет, — он как-то грустно покачал головой. — Ты — моя супруга.

— И это причина, по которой я не имею права идти туда, куда мне хочется?

— Ира... Ты имеешь на это право. Но лучше — со мной. Или с удвоенным количеством охраны.

— Я поняла, зачем ты женился, — отрезала я. — Ты сам ходишь без охранников, как я заметила. А работу людям предоставить надо — вот ты их на меня и переключил.

Он обиделся. Я тоже надулась. Долго сидела у камина, не желая идти в спальню. Потом вдруг вспомнила красный купол — ритмичный скрежет, с которым ледовая бомба катилась нам под ноги... Вздрыгнула. И побежала к мужу. Мириться...

— К вам можно? — заглянул в кабинет молодой человек приятной наружности.

Я очнулась от своих мыслей.

— Да, конечно, — кивнула. — Проходите. Что у вас стряслось?

— Надо же, вы и правда работаете в госпитале, — улыбнулся он. Получилось очень симпатично.

— Я работаю в госпитале, — нахмурилась я. — И веду приемы для того, чтобы оказывать помощь. Поэтому повторюсь — что у вас стряслось?

— Понимаете, я — репортер журнала «Светские львицы».

— И что хотят от меня львицы?

— Вас не удивила негативная реакция в средствах массовой информации на ваш брак? —

поинтересовался у меня репортер.

— Мне как-то не до ваших статей.

— Вообще-то, по логике, следовало ожидать прямо противоположной реакции... Люди любят сказки про Золушку. И должны были прийти в восторг от такой феерически невозможной женитьбы...

— Что же им помешало?

Нет, любопытство действительно порок. Вот я должна бы вызвать охрану — а мне стало интересно.

— В том числе фигура вашего супруга — не обижайтесь... И, конечно, то, что нет никакой достоверной информации. А нет информации — есть повод для фантазии, согласитесь?

— Нам с мужем фантазировать, знаете ли, некогда. И до чужого воображения тоже дела нет. Что-нибудь еще?

Я зло улыбнулась.

— Вот зря вы так, — укоризненно покачал головой репортер... — Мы ведь тоже работаем. Наша задача — обеспечить информацию, желательно из первых уст.

— Сочувствую.

— Расскажите вашу историю, — чуть подался он вперед. — Пусть это будет замечательная сказка — люди их любят.

Он оставил на столе визитную карточку:

— Решайтесь, Ирина Алексеевна. Это будет на пользу не только вам, но и вашему мужу.

И репортер тихо выскользнул за дверь.

Через несколько минут я выглянула в коридор.

Там никого, кроме дежурной сестры, не было. Вдохнула с облегчением, посмотрела на часы — и пошла домой.

Завтра у меня выходной, и я хотела попросить Андрея, чтобы мы вместе с ним отправились в Мирград — словно бы представить мужа своим. Когда мы были там в прошлый раз, меня не покидало чувство, что они где-то рядом...

Как бы они отреагировали? Папа бы, наверное, нахмурился. Сестра захлопала в ладоши от восторга. А мама... Мама бы спросила тихонько: «Доченька, ты счастлива?» И улыбнулась, услышав мое: «Да...»

Мне нестерпимо захотелось очутиться там, на берегу океана... Вслушаться, как волны накатывают на берег, — и услышать родные голоса...

— Добрый вечер, ваше сиятельство, — окликнул меня кто-то.

Я очнулась — и поняла, что это привратник распахнул передо мной калитку. Что я пришла

домой, меня ждет муж, и я прямо сейчас поговорю с ним о путешествии к океану!

Потом мне стало казаться, что у нас перед особняком как-то людно. С удивлением посмотрела на привратника.

— Гости прибыли, — радостно и торжественно улыбнулся он.

Я вздохнула — нет, надо было как следует задержаться... у меня обход сегодняшний не записан в карточки... Там как раз форм много заполнять...

Передо мной распахнули дверь дома. Я вошла, сделала несколько шагов — и остановилась. И вот что мне сейчас положено делать? Идти приветствовать дорогих гостей? Распоряжаться, чтобы накрыли ужин? Идти — переодеться? Вернуться на работу — пускай с ними Андрей беседует и ужинает?..

Вздохнула уже тяжело.

— Добрый вечер, Ирина Алексеевна! — поприветствовал меня... император.

— Добрый вечер, ваше величество, — я изобразила реверанс. Да... никогда у меня реверансы сильной стороной не были.

— Можно без официоза, — оценил попытку реверанса император. — Мы с вами — родственники. Поэтому, пожалуйста — Александр Александрович.

— Хорошо, — улыбнулась я.

— В гостиную? — подсказал мой... родственник.

— Конечно, — я смутилась. Хороша хозяйка дома, нечего сказать...

— Не волнуйтесь. — Он подал мне руку, и мы пошли через прихожую, которая представляла собой достаточно большую залу с широкой лестницей посередине. Император, как и в день свадьбы, ободряюще хлопнул меня по руке. — Вы зря переживаете. Реверанс вам, конечно, выполнять придется на официальном приеме — попросите Марию Алексеевну, пусть к вам кого-нибудь пришлет. Потренируетесь.

«Мария Алексеевна...» Я не сразу сообразила, что он говорит о своей супруге, императрице.

— Что касается остального... В неофициальной обстановке я бы хотел, чтобы все было посемейному. И как можно проще... Вы не против?

Мы остановились в гостиной — и я замерла, ожидая, что он усядется и даст разрешение садиться и мне. Или мне положено стоять?..

— Ирина Алексеевна, — протянул он насмешливо.

— Да, ваше ве... Александр Александрович.

— Вы слышали, о чем я сейчас говорил?

— Что-то про простоту и семейственность, — пробормотала я.

— Именно так, — кивнул он. — Тогда почему вы еще стоите?

— Жду разрешения, — честно ответила я. — А вы почему?

— Жду, пока вы усядетесь, — улыбнулся император.

Уселись одновременно.

— Вам очень неловко? — спросил меня вдруг двоюродный брат моего мужа.

— Очень, — я не стала спорить. — Понимаете, я... не знаю, как себя вести. Очень боюсь совершить какую-нибудь оплошность. Поставить Андрея Николаевича в неловкое положение...

— Это первое время... — пожал плечами император. — Мой вам совет — делайте все спокойно, как будто так и надо. Не обращайтесь ни на кого внимания. Вас объявят либо сумасбродной, либо оригинальной. Второе — скорее. В любом случае к вам привыкнут — и не будут особо досаждают. Я это проконтролирую. Любви особой со стороны придворных к вам не будет — уж простите за прямоту. Дело тут даже не в вас... А в личности вашего супруга — когда-то мы с ним вынуждены были серьезно проредить наших аристократов. Да и дворянство тоже. Поскольку официально за это несет ответственность Великий князь Радомиров — а не император, то к нему соответственное отношение. Так что светской жизни у вас особой не будет — насколько я знаю Андрея Николаевича, он ее терпеть не может. А в остальном... Вы, главное, не переживайте из-за пустяков. Ваш супруг вас любит — и счастлив этим. Соответственно счастлива вся его семья.

Я кивнула.

— Кстати, о семье, — продолжил император. — Знаете, чем в данный момент заняты ваш супруг и моя жена? Не знаете? Они скандалят.

Поймав мой удивленный взгляд, он рассмеялся. Но получилось как-то невесело:

— Конечно, они не повышают друг на друга голос и не опускаются до... нелитературных выражений, но... Недовольство друг другом — скрытое и явное, какие-то намеки, недоговоренность, прошлые и нынешние обиды, оскорбления — настоящие и мнимые... И так постоянно. И по любому поводу. Если Мария Алексеевна говорит «белое», то мой брат обязательно «черное». И так уже давно. Вот, например, сегодня моей жене в голову пришла замечательная идея. Она предложила дать в самом популярном женском журнале статью о вас — с фотографиями из романтической истории ваших отношений.

— И что же?

— Ругаются, — поморщился император.

— А вы тоже считаете, что это необходимо?

— Если мы не рассказываем — рассказывают за нас. И вряд ли так, как нужно нам... Монархия, конечно, популярна в стране — народ помнит еще время смуты. Однако не стоит забывать, что игры против императорской фамилии ведутся все время. Необходимо делать шаги на опережение. А тут... Такой хороший повод показать второе лицо в государстве в... человеческом облики. А он... Упрямится... Про покушение рассказывать нельзя. Вот почему, спрашивается? Про вас — нельзя... Тоже непонятно...

— Может, лучше будет, если об этом ему скажу я?

— Возможно. Но только если это ваше решение. Мне бы не хотелось настаивать.

Насмешку во взгляде мне скрыть не удалось.

— Поверьте, не в вашем случае, — серьезно посмотрел на меня император. — Я действительно хочу, чтобы вы были счастливы...

Столица. Первые числа января. Он

Надежды на мирный семейный вечер не оправдались. Сначала Ирина задержалась на работе, а потом и император удостоил их чести своим неожиданным визитом. Да еще и с супругой.

Идея императрицы о том, что ему с Ириной необходимо изложить историю их любви для прессы, у Великого князя Радомира личного восторга не вызвала. И сколько бы аргументов ни приводила супруга императора, у него был лишь один ответ:

— Нет.

Он с интересом смотрел на Марию Алексеевну, которая уже начинала злиться, но, поглядывая на мужа, предпочла сдержаться.

Андрею Николаевичу тоже было что ей сказать — но посвящать императора в то, что его жена была замешана в исчезновении Иры год назад, Радомиров не собирался.

— Пожалуй, я вас оставлю, — поднялся Александр Александрович. — Вам, похоже, есть что обсудить.

И была в его голосе совсем неприкрытая насмешка.

— Мне жаль, что так получилось, — начала императрица. — Я успела проклясть ту минуту, когда согласилась помочь... одной даме в вашем розыгрыше. Год назад.

— Так в моем доме были вы и графиня Дымова? — желчным, неприятным голосом спросил Великий князь Радомиров. — Она уговорила вас помочь отомстить за ее бедного, несправедливо осужденного сына, который, конечно же, не виноват ни в чем. А раздавленные им дети сами под коляску бросились?

— Нет, — криво улыбнувшись, ответила императрица. — Я не настолько глупа, чтобы поверить в эту историю. Хотя — да, графиня Дымова ко мне приходила. Но ей было отказано. В том решении вы были правы.

— Тогда — кто?

— Этого я вам не скажу. Дело было личное. И касалось влюбленной в вас женщины, которая... скажем так... она надеялась на вашу взаимность.

— И поэтому вы согласились на это?..

— Это была глупость. Преступная глупость... Но я поверила, что есть женщина, которая вам не безразлична. Которой не безразличны вы. И когда она попросила помочь сделать вам

сюрприз... Я не отказала. Передала ей ключ. Я не знала, что в поместье будет Ирина. Не знала, что последует за этим... Простите меня.

И императрица склонила голову.

Молчал какое-то время и князь. Потом он тяжело вздохнул — и произнес:

— Получается, что вас разыграли так же, как и меня. Может, не так зло... Но все же...

— Я места себе не находила. Молила Небеса, чтобы вы нашли девушку, чтобы с ней ничего не случилось...

— Мария Алексеевна... Кто?

— Не могу. Вы ее уничтожите. А она всего лишь глупая, влюбленная девчонка.

Они опять замолчали. Слышен был лишь треск дров в камине.

— Почему вы не рассказали обо всем мужу, когда узнали, что я замешана? — вдруг спросила она.

— Не знаю, — тяжело вздохнул Великий князь.

— Вы собираетесь это сделать?

— Нет, — уставился на огонь Андрей Николаевич.

— Почему? Вы же ненавидите меня. Вы же убедили моего мужа в том, что мой отец и мой род причастны к гибели императора и императрицы. Так почему бы вам не нанести окончательный удар, чтобы избавиться от меня бесповоротно? Вы же понимаете, что подобного вмешательства в вашу жизнь муж не простит.

— Вы прекрасная жена. Прекрасная мать. И прекрасная императрица, — как-то обреченно ответил ей Андрей Николаевич. — С абсолютно глупой любовью к розыгрышам. Это, не спорю, не красит вас в моих глазах. И за историю с Ирой я хотел вас убить. Правда... Но вы преданы своему мужу. И этот факт сильнее моей злости.

— Это... правда?

— Я не имею привычки лгать, — пожал плечами Великий князь. — К тому же я знаю — и император знает — ни вы, ни ваш род, ни ваш отец не имеют отношения к гибели наших родителей. Как и я не имею отношения к смерти вашего отца.

— Но мне сказали...

— Вас снова ввели в заблуждение. И если это те же самые люди, которым вы помогли проникнуть в мой дом, то задумайтесь, в любви ли дело? Или вас втянули в интригу против меня?..

— Я подумаю, — чуть улыбнулась императрица. — Но и вы подумайте насчет интервью.

— Хорошо, — чуть склонил голову Великий князь, прислушался и добавил: — Ирина пришла. Пойдемте ужинать.

Я рассматривала наших гостей. Императора, который оказался очень похож на Андрея, — те же темно-русые волосы, только чуть короче, голубые глаза. Был он выше ростом, массивнее в плечах.

Что касается его супруги... Она была прекрасна. Тоненькая, изящная. Золотистые волосы, огромные голубые глаза... Есть люди, у которых каждый жест, каждый взгляд смотрятся красиво и гармонично. Поворот головы, движение рук. И не потому, что человек рисуется или играет на публику. Нет. Это каким-то непостижимым образом заложено в самом его существе — совершенство от природы.

За ужином мы вели легкую, забавную беседу о том, кто каким был в детстве. Я предпочла слушать: князь Андрей, император и императрица оказались прекрасными рассказчиками — с иронией и, что очень меня удивило, немалой долей самокритики.

— А как у вас с любовью к музыкальным инструментам? — обратился ко мне напрямую его величество. Пришлось оставить свои размышления и присоединиться к беседе.

— Понимаете, у нас в Академии были прекрасные педагоги. Очень сильные и весьма настойчивые. Но в моем случае они оказались бессильны. Их эстетические чувства были уничтожены моими «talантами». А как вы понимаете, целителям нельзя заставлять страдать других людей. Поэтому от меня отступились.

— А в личном деле написано, что у тебя Академия закончена с золотой медалью, — удивился Андрей. — Следовательно, у тебя и по музыке должно быть «отлично».

— «Отлично с отличием». Я сдавала экзамен с помощью исследовательской работы. Какое личное дело?

— А тема? — улыбнулся император, давая понять, что вопрос моего личного дела обсуждаться не будет.

Жаль... Очень любопытно, но придется выяснить все потом.

— «Влияние музыки на операционный процесс», — выпалила я и поняла, что надо объяснить, а то невежливо. — Вы ведь знаете Ариадну Угову — известную целительницу из незнатного рода. Она была невероятно талантлива и, кроме того, что оперировала, оставила огромное количество работ — учебников, исследований. Так вот она оперировала под музыку. На самых сложных ее операциях тихонько играл вальс. Прием, когда во время сращивания сломанного позвоночника энергия вливается витками, дозированно, так и называется — «вальс Ариадны».

Я огляделась. Все молчали. Молчали долго. Опять испугалась, что сказала что-то не то, но императрица заговорила, и я вздохнула с облегчением.

— Наконец-то хоть кто-то признался, что не умеет играть на музыкальном инструменте, — улыбнулась она. — А то у меня уже комплекс неполноценности начал развиваться за эти годы.

Я взглянула на нее с недоумением:

— Отец моей супруги был большой оригинал, — пожал плечами император. — Он почему-то считал, что чужие мелодии лишь мешают усвоить магические плетения.

— Именно так, — кивнула Мария Алексеевна. — У него вообще было свое мнение по любому поводу.

Я посмотрела на них с удивлением.

— Магия — это та же музыка, — пояснил мне Андрей Николаевич, — только сила вместо нот. И эту силу надо сплести в красивую мелодию — со своим ритмом.

— Поэтому вы учили меня вслушиваться в ритм волн, чтобы зачерпнуть энергию, — вспомнила я.

— Совершенно верно, — улыбнулся он. — Так что музыка для детей аристократов — это необходимость, а не прихоть.

— Спорный вопрос насчет музыки, — покачала головой Мария Алексеевна. — Мне мелодия всегда мешала.

— Мне помогала, — не согласился с ней Андрей.

— Наверное, кто к чему привык, — пожал плечами император. — У меня когда как. А у наследника?

— Как у вас, — рассмеялся Великий князь. — Но все же он больше привязан к ритму природы, чем к музыке.

И он легко поклонился в сторону императрицы, которая расцвела, счастливая донельзя.

— Так, как вы, к музыке, наверное, не привязан никто, — улыбнулся император. — Просто у вас талант. И если я, например, учился потому, что у меня другого выхода не было, — то вам это нравилось.

— Не без этого... — согласился Андрей.

После ужина мы перешли в гостиную.

— И с кем из этой братии вы прикажете общаться? — ворчливо проговорил Андрей, резко меняя тему беседы.

Мы втроем посмотрели на него с недоумением.

— Я имею в виду журналистов, — пояснил он. — Вы же переманили Ирину Алексеевну на свою сторону, как я понял. Только я по-прежнему считаю, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет.

— Почему? — искренне удивилась императрица.

— Я их терпеть не могу. Они мне платят тем же самым... Вот, например, вчера... Один уважаемый, — Андрей скривился, — журналист изволил водочку кушать в компании с друзьями. Было поздно — они покинули ресторацию и отправились продолжать. Выпивку купили по дороге домой и моченый арбуз. Уселись в пролетку, тронулись. И обнаружили, что арбуз потек. Вы знаете, что они сделали дальше?

— Выкинули его? — предположила императрица.

— Отнюдь. Они решили подшутить над полицейским. Остановили пролетку около городского и сунули ему в руки пакет с криком: «Бомба! Держи, голубчик, главное, не выпускай!»

— Журналист и его компания живые? — небрежно поинтересовался император.

— Живые, — недовольно поморщился его брат, — что им будет... Месяц исправительных работ в столице. Думаю, полицейские будут следить за тем, чтобы работы эти были самые неприятные.

— И что тебя возмущает в этой истории? — спросил император.

— Кроме того, что я подобный «юмор» ненавижу?

Мы кивнули.

— То, что Гильдия Журналистов выступила с протестом, обвинив меня в произволе и травле свободной прессы. Ну, и в тирании заодно. По их мнению, полицейские просто не поняли юмора.

Император скривился.

— Завтра и вас порадуют, — продолжал докладывать родственник. — И петицией от уважаемых деятелей культуры, и открытым письмом с просьбой повлиять на меня.

— Я свяжусь с ними, — злобно блеснули глаза у императора, — и постараюсь объяснить, насколько я не понимаю юмора, связанного с бомбами. И как тошно будет начальству этих журналистов, если они не уймутся.

— Твоя поддержка — это, конечно, замечательно... Однако вчерашняя история возвращает нас к первому вопросу, который я задал. С кем из журналистской братии можно нормально общаться. В моем случае? И к кому из них можно будет вывести Ирину?

— Я не такая уж и беззащитная, — рассердилась я. — К тому же один из журналистов подходил ко мне сегодня. И ничего...

— Как это — подходил? — взревели одновременно и император, и мой супруг. — Где была охрана?!

Посмотрела на императрицу с сочувствием — как она их терпит. И продолжила:

— Я намерена пообщаться с этим журналистом. Сама. В любом случае, хуже того, что уже написали, у него вряд ли получится...

— Нет, — отрицательно покачал головой Андрей. — Я запрещаю. Это может быть опасно.

Раздался странный звук — такой сдавленный смешок, похожий на похрюкивание. Я удивленно огляделась — наверное, мне показалось... Неужели император и императрица могут издавать такие неприличные звуки. Да еще и хором.

В любом случае выказывать недовольство мужу прилюдно было неуместно, поэтому я сменила тему разговора:

— Ваше величество, — обратилась я к императрице.

— Мария Алексеевна, — поправила она меня.

— Мария Алексеевна, — кивнула я, — мне бы хотелось выразить благодарность за то платье, которое вы прислали мне для представления ко двору.

— Я сделала... что? — удивилась супруга императора.

— Платье... — растерялась я.

— Так... — протянула Мария Алексеевна, и в ее голосе мне послышались отголоски тщательно скрываемого бешенства. — Пойдемте посмотрим, что за платье.

Она поднялась, я последовала за ней.

Мужчины были уже на ногах. Короткие поклоны от них — и мы удалились.

— Все-таки это странно, — пожаловалась я.

— Что именно? — императрица шла за мной.

— Вся эта история. С моим замужеством. К тому же я многого не понимаю — и меня это угнетает.

— Ваша история с замужеством... — как-то устало и по-доброму улыбнулась императрица. — Это не странно. Это волшебно. И волшебница — вы. Я и не думала, что Андрей Николаевич может быть таким...

— Счастливым?

— Просто человеком...

— Простите, я не понимаю.

— Это вы простите. Не надо меня понимать. Просто знайте, я хочу быть вам другом. Если вы, конечно, позволите.

— Конечно... — кивнула я. — А, кстати, что не так с платьем?

— Все. Все не так. Начиная с того, что я ничего не посылала. И потом, это попросту неприлично — вы же не бедная родственница, чтобы кто-то решал за вас, что надеть на представление ко двору или любое другое мероприятие.

— Тогда у меня ничего не готово... Мне и некогда, и я в этом ничего не понимаю.

— Ничего. Разберемся. Показывайте, — и в голосе императрицы четко прозвучали рычащие нотки интонаций императора.

Посмотрев на платье, Мария Алексеевна помрачнела еще больше.

— Пойдемте, — скомандовала она. — Поговорим с вашим супругом.

— Не понимаю, — потерла я виски.

— Это мое платье. С прошлого бала, — стала объяснять мне императрица.

— И если бы я в нем появилась...

— Это было бы весьма и весьма унижительно. Особенно для вашего супруга, конечно. Ну и наши придворные дамы не отказали бы себе в удовольствии поглумиться над вами.

— Зачем?

— Наверное, скука... И зависть, конечно, — поморщилась Мария Алексеевна.

— Мне же говорили, что Великого князя Радомира высший свет не любит.

— Совершенно верно. Не любит.

— Тогда откуда зависть?

— Нелюбовь к вашему супругу — это же не повод отказываться от самой блестящей партии в Империи Поморья.

— Странно.

— Возможно. Я завтра отправлю к вам портниху. Надо решить вопрос с нарядами. И, пожалуй, приеду, чтобы все проконтролировать самой.

— Вы не хотите, чтобы моему мужу и вам было стыдно за меня? — спросила я прямо.

— Нет — я хочу, чтобы вы и ваш супруг были счастливы. Я чувствую свою вину за весь этот театр абсурда — ведь это действительно я ввела моду на розыгрыши несколько лет назад. И от скуки, и от желания досадить Великому князю Радомирову. Придворным очень понравилось. Но сейчас... Я бы все отдала, чтобы повернуть время вспять — и никогда этого не делать.

Столица. Неделю спустя. Он

Это было третье — и последнее светское мероприятие этой зимы, на котором им нужно было побывать. Первые два — представление Ирины ко двору и Тезоименитство наследника — прошли на редкость успешно, без каких-либо происшествий. А вот зимний бал...

Интуиция подсказывала, да что там подсказывала — отчаянно вопила о том, что от Ирины не нужно отходить ни на шаг.

— Вы разрешите пригласить вашу супругу на танец? — поклонился им наследник.

Молодой, вихрастый, в парадном мундире и с ямочками на щечках, молодой человек улыбался светло и радостно. От него пахло молоком, надеждой и верой в то, что все обязательно будет хорошо...

А разве может быть по-другому? На щеках — румянец, в крови — сила. Она течет, переливается. И кажется, что этого более чем достаточно, чтобы стать счастливым самому, а главное — подарить кучу счастья окружающим. Это же так просто — нужно только вырасти, выучиться — и издать указ: не болеть, любить и светиться от счастья! Всем!

Сердце князя сжалось... Когда-то он был точно таким же. Захотелось, чтобы свет в глазах молодого наследника никогда не гас. Но он знал, что это невозможно. Как много еще придется

ему пережить. Да хранят его Небеса и всеильные Духи...

Князь целиком ушел в мрачные мысли и никак не отреагировал на то, что наследник только что попросил княгиню оказать ему честь, приняв приглашение на тур вальса... Ирина посмотрела на супруга удивленно, Александр — насмешливо.

Он опомнился. Нацепил равнодушную светскую улыбку — и кивнул. Вальс закружил Ирину по зале, но Андрей видел, как она пытается не потерять мужа из виду. Он тоже смотрел на нее. Смотрел и любовался...

В платье цвета шампанского и жемчугах его княгиня была обворожительна, а ему было не по себе. Сложная прическа по последней придворной моде делала жену еще моложе, чем она была. Еще наивнее и трогательней...

— Я так тебе благодарен за сына... — сказал ему подошедший граф Волков.

— Не стоит, Степан Иванович, — князь Андрей отвлекся от пары, легко кружившей вальс в центре зала.

— Думаешь, я благодарю за то, что ты его в адъютантах у наследника оставил? Нет! — старый боевой товарищ совсем было расчувствовался.

— Тогда за что?

— За учение. Он таким воодушевленным вернулся с юга! Сказал, что теперь знает, для чего надо жить. И попойки прекратились с дебошами!

К ним подошла императрица в белоснежном бальном платье с широким поясом в тон драгоценностям. Князь Радомиров смотрел, как алые искорки горят на рубинах ее браслета и колье. Вспомнил, как матушка, показывая ему их, светилась от счастья и все приговаривала, какой чудесный подарок они с отцом приготовили для Машеньки Снежинской — первой красавицы Поморья...

Ему показалось, что Мария его взгляд поймала. Поймала и поняла. Их связывало прошлое. Одно прошлое на троих. Годы, когда родители были живы. Когда не надо думать об Империи — можно думать о балах, дуэлях, и кажется, что так будет всегда. Боль потери. Страх. Груз ответственности. Невозможность принадлежать самому себе... Все это будет потом...

Как же много у них общего, и как же так получилось, что они перестали друг друга понимать? Что творилось в ее душе? И что происходит между ними? Он так привык воспринимать благополучие правящей четы как должное, что сейчас, наверное, во многом благодаря тому, что сам нашел и боролся за свое счастье, впервые за все это время задумался — а счастливы ли они?

Рубины на белоснежной шее и изящном запястье россыпью кровавых капель связали их троих. Да, они не ладили. Но если бы за нее или брата пришлось бы отдать жизнь — он не думал бы ни секунды.

Мужчины поклонились. Мария Алексеевна, приветливо улыбнувшись графу, отвела князя Андрея в сторону и спросила:

— Андрей Николаевич, где Ирина? Она исчезла, ее нигде нет...

Она нервно отпила шампанского, изящно отсалютовав кому-то бокалом.

— Моя жена только что танцевала с наследником. Я потерял ее из виду пару минут назад, — вроде бы спокойно ответил князь, когда бокал в руках императрицы лопнул.

— Может быть, вам лучше заняться поисками собственной жены, чем срывать злость на чужой?

Андрей Николаевич поклонился, признавая ее правоту, но тут бутылка шампанского взорвалась на подносе проходящего мимо слуги, залив игристым вином стоящих вблизи дам.

Послышались визг и стоны, но ни одна капелька не долетела до императрицы. Андрей Николаевич кинул в сторону хозяйки бала взгляд, который выражал противоречивые чувства — признание ее магической силы и самообладания, с одной стороны, недоверие и злобу — с другой.

— Андрей! Прекрати! — Император уже построил над братом невидимый, но мощный купол, парализующий силу. — Ты так все напитки во дворце изведешь. Мария права — надо найти Ирину.

— Что у вас случилось? — к ним четкими шагами, будто маршируя по плацу, уже направлялся военный министр.

— Мы должны найти княгиню Радомирову, — быстро сказал император.

— И в идеале скрыть это от придворных, — поджала губы императрица. — Хотя... Похоже, уже поздно. А где Саша?

— Пойду побеседую с адъютантами, — поморщился граф Морозов. — Развели бездельников! И зачем на бал допустили князя Варейского?

Андрей Николаевич нашел жену в одной из комнат. Ира лежала на кровати рядом с наследником. Локоны растрепались, платье порвано, на полу рассыпано жемчужное ожерелье. Он подарил ей его утром, спрятав в конверте со стихотворением. Знал, что каждое утро она делает обход поэтических закутков их особняка в поисках его шедевров. Все стихи были о ней...

Он замер. Вслушивался — дышит ли. Боялся подойти и проверить.

— Отойди, — это неправда! Это подстроено! Отойди от них, слышишь? Не смей — там мой сын!

Император ворвался в комнату на мгновение позже — князь Андрей уже склонился над Ириной и наследником. Даже сквозь две защиты — свою и Великого князя, Александр чувствовал ярость и боль брата, когда кинулся спасать сына от неминуемой гибели. Пот ручьями стекал со спины — его сил едва хватало держать все под контролем.

Император попытался оттащить брата, но тот оттолкнул его, рыкнув в свою очередь:

— Да знаю я, знаю! Пусти!

Подхватил жену на руки, и казалось, все остальное перестало для него существовать.

— Ира! Ира, Ирочка, Ира! Тамара! Сюда!

Император склонился над сыном.

Хлопок портала, и целительница князя появилась в покоях.

— Оба положили их и отошли на два шага назад! Быстро! — голос целительницы зазвенел так, что князь и император подчинились мгновенно. — Вызовите княгиню Снегову мне на подмогу и можете быть свободны. Мы переносим обоих в госпиталь, и нас не беспокоить!

И целительница замерла над спящими на несколько мучительно долгих секунд...

— Тамара... Тамара, что?! — князь говорил очень тихо.

— Ее жизни ничто не угрожает, но... Это психотропный препарат. Дар целителя перестраивает сознание — делает его хрупким, остро реагирующим на потоки энергии. Подобные сильнодействующие настойки целительницам запрещены категорически — результаты совершенно непредсказуемы и часто фатальны. Опираясь на те случаи, что я знаю, — потеря памяти. Навсегда. Потеря Дара — это даже не обсуждается... Что касается мальчика — все не так страшно, но доза слишком большая. Если Ирина Алексеевна, судя по всему, лишь пригубила то, что подсыпали в вино, то он глотнул прилично. А подсыпали им — маран! И мне очень интересно, где взяли запрещенный препарат!

Целительница кинула обвиняющий взгляд почему-то на Великого князя Радомира.

— Тамара Ильинична!

Княгиня Снегова уже открывала портал — и целительницы исчезли с наследником и княгиней.

— Начальника охраны ко мне. И пригласите военного министра, — приказал белый от гнева император.

— Всех следователей Министерства безопасности во дворец, — уже связывался со своими его брат.

— Саша... — Императрица стояла за спиной мужа. Она часто появлялась вот так — внезапно, бесшумно, будто ниоткуда. — Что с ним? Что с Ирой?

— Позже, — супруг не обернулся.

— Жить будут оба, — тихо сказал ей князь Андрей.

— Это все вы, с вашими идиотскими розыгрышами. — Император медленно развернулся к супруге. Вспышка дикого гнева захватила его, и он уже не мог остановиться. — Скучно вам? Все забавляетесь... Теперь довольны? Будьте уверены — я докопаюсь до истины. И все замешанные получают то, что им причитается. И ничье заступничество или имя не спасет от обвинения в покушении на наследника и княгиню Радомирову. Вы меня слышите?!

— Саша, — попытался остановить его князь Андрей. — Прекрати!

— Вот уж нет!

— А знаешь, что я поняла... — тихо проговорила Мария Алексеевна.

— Просветите нас — просим! — император изобразил пригласительный жест. Он искал глазами у брата поддержки, — но не находил...

— Ты меня никогда... не любил.

Император еле успел подхватить смертельно бледную женщину.

— Машенька, — выдохнул он. Гнев внезапно схлынул — и пришло осознание того, что натворил. Император заорал: — Придворную целительницу!!!

Дворец блокировали в считанные минуты. Всем, кто находился в императорском дворце, — от адъютантов наследника до последнего поваренка — сообщили, что никто не войдет и не выйдет. Целительница распорядилась отправить императрицу в госпиталь. Срочно!

— Ваше величество! Разрешите обратиться к его сиятельству! — вытянулся перед ними следователь по особым поручениям.

— Слушаем вас, Сергей Иванович, — кивнул император, показывая, что наиболее значимые персонажи в Министерстве безопасности Поморья ему известны.

— Посмотрите, что мы нашли в одном из углов бальной залы.

Следователь показал им длинную шпильку — такими придворные дамы скрепляли свои парадные вычурные прически. Шпилька была полая, украшенная бриллиантовой снежинкой, которая откидывалась, стоило лишь слегка нажать у основания. Изящная, тонкая вещица.

Император посмотрел на своего брата — и они оба с трудом проглотили ругательства.

— В ней была вытяжка марана, — продолжил Тюленев.

— А я-то был уверен, что это кто-то из адъютантов, — вздохнул князь Андрей.

— Варейский? — быстро спросил у него незаметно подошедший военный министр.

— Не похоже, — с сомнением покачал головой Сергей Иванович.

— Отчего же? Он оскорблен отказом князя вызвать его на дуэль. И тем, что из-за этого стал в обществе изгоем, — вонзил император недовольный взгляд в следователя.

— Он заявляет, что явился на бал для того, чтобы вызвать на дуэль Андрея Николаевича. И таким образом спасти свою честь.

— Может, ты убьешь уже мальчишку — чтобы он не страдал так? — мрачно проворчал император.

— Сильный маг, отличный военный, — скривился граф Морозов. — Неплохой тактик. Огромный потенциал. Отдайте его мне. Хотя бы в солдаты. Все какая-то польза будет.

— А как у него с выполнением приказов? — спросил князь Радомиров. — Как мне показалось, он никого, кроме себя, не слышит.

— В армии у него с этим проблем не было.

— Если не Варейский... Тогда — кто? — нетерпеливо спросил у следователя император.

— На мой взгляд, надо искать женщину, — поклонился Тюленев.

— Так ищите, — скрипнул зубами император. — Пока вы не скажете нам, кому мы обязаны... никто никуда из дворца не выйдет.

— Насколько это разумно, ваше величество? — поклонился граф Морозов. — Нам известно, кто был на балу. А следствие может и затянуться.

— Разумно?! — Император сжал шпильку так, что следствие чуть было не лишилось главной улики. — Я устал быть разумным и все просчитывающим, пекущимся о благе государства! Я в ярости. Я в бешенстве. По-моему, мы с Андреем Николаевичем никогда себе такого не позволяли. И как мне кажется, зря! Раз подданные Поморья решили, что можно... вот так!

— Ваше величество, — низко склонился военный министр.

— Я чуть сына не потерял! Моя жена...

Император замолчал.

— Свободны, — приказал Великий князь Радомиров.

Военные щелкнули каблуками.

Уже под утро стало известно, что шпилька принадлежит графине Дубовицкой. Допрашивал задержанную Великий князь Радомиров. Лично. Император отбыл в госпиталь — справиться о жене, сыне и княгине. Все мысли Великого князя были там. Жива? Помнит? Сможет лечить?

Он прекрасно понимал — потеря Дара для Ирины, после того как она его уже потеряла, почти смирилась, но потом обрела с новой силой, теперь... Теперь это означало смерть для нее. Когда его жена лечит — она живет. Она счастлива. Это ее предназначение, ее свет, ее дыхание, ее сила... Он поднял глаза и посмотрел на женщину, сидевшую напротив.

Графиня Дубовицкая — хорошенькая аристократка. Блестящее положение в обществе, отличное воспитание. Балы, платья, драгоценности, поклонники. Красота, в конце концов, — любая может позавидовать...

— Зачем? — устало потер виски он.

— Я любила вас, — с вызовом взглянула на него графиня. — А вы... Вы не замечали меня! Вы предпочли мне эту безродную балерину. Ну, там хоть понятно — неженатому аристократу нужна любовница, а я на эту роль не подхожу. Но потом... Я даже выпросила у императрицы ключ от вашего поместья — думала, что если я откроюсь вам, то мы сможем быть счастливы. Но... Там я увидела вашу... пассию. Которая по нелепому стечению обстоятельств стала вашей женой... Вы совершили глупость, а ведь мы могли быть так счастливы!

Дубовицкая взмахнула веером, откинулась и так наигранно рассмеялась, что князь тяжело вздохнул. Он понял, что у его боли нет и не будет выхода. Злиться, ненавидеть — бесполезно. В его душе не было ничего — лишь равнодушное отвращение.

— Вот то, что вы привели во дворец, — это что? Просто пощечина нам всем! А бедный Варейский?! Вы же жизнь блестящему аристократу сломали!

— И за это вы сломали жизнь моей жене и мне?

— Да. Она вас теперь не вспомнит.

— И потеряет Дар...

— Надо знать свое место!

— А наследник?

— Бокалов было два — я же не знала, какой он ей подаст.

Князь Андрей только покачал головой. Пустота. Пустота в голове. В сердце. Звонящая пустота...

— И вообще — это вы во всем виноваты. Вы что же думали — во дворце ее примут? Аристократия смирится? Нет!

— Я так понимаю, вы действовали не одна. Вы только подлили в шампанское отраву.

— Даже если у вас есть сообщники, — в кабинет ворвался император, — мы их найдем. А вас... Вас казнят за покушение на наследника и Великую княгиню Радомирову. Завтра, на рассвете. Публично!

Столица. Конец января. Она

Оказалось, что накручивала я себя и так переживала совершенно напрасно. Мое представление ко двору прошло без происшествий. Все придворные были подчеркнута любезны. Я, конечно, понимала степень их искренности... Но это было всяко лучше, чем откровенная неприязнь. Все равно нам особо не общаться...

После официальной части ко мне подошли наследник и его адъютанты. Они, тихонько посмеиваясь над моим смущением, объявили, что берут меня под свою опеку и проследят за тем, чтобы никаких косых взглядов в сторону княгини Ирины Радомировой не было.

Что касается императора и императрицы, то я радовалась тем искренним, дружеским отношениям, что установились между нами.

— Значит, год назад ты ни в какой командировке не был, — задумчиво проговорила я, когда мы ехали домой.

Андрей кивнул и настороженно посмотрел на меня.

А я... потянулась к нему за поцелуем. Тогда, год назад, он бросил все — и пришел ко мне в госпиталь... Чтобы побыть в такую же волшебную ночь со мной. Только со мной... Как сейчас...

Вторым мероприятием, которое мне положено было посетить, был праздник, посвященный Тезоименитству наследника. И я на этот раз была среди аристократов, которые сопровождали августейшую семью. Небеса, да я сама принадлежала теперь к этой семье...

Поскольку ездить верхом я не умела, Андрей усадил меня на коня впереди себя.

Люди, которые встречали торжественную колонну, так искренне кричали: «Ура!» и «Счастья!», когда мы проезжали мимо, что я заулыбалась.

— Вот! Видишь, как хорошо, что мы поженились! — прошептал мне на ухо супруг. — А то бы я

опять переживал, где ты...

Мы как раз проезжали въезд на Ледяной мост. Я посмотрела туда, где год назад стояла и думала, что мир рухнул.

Я поежилась от воспоминаний.

— Это был кошмарный день, — согласился со мной Андрей.

Надо же... Он подумал о том же самом... И прошептал, уткнувшись в мои волосы:

— Прости меня...

Толпа вокруг восторженно взревела. Да так, что я вздрогнула.

— Не бойся. Они подумали, что я не удержался — и тебя целую.

— А ты... ты не будешь меня целовать?

— Надо? — он склонился надо мной.

— Если тебе этого хочется.

Он рассмеялся — и легонько коснулся моих губ.

Люди вокруг ликовали. Кстати, наши портреты в газетах и журналах получились очень красивыми. Я даже подумала, что это, наверное, какая-то специальная магия... В жизни я не такая.

В интервью я рассказала о том, как мы познакомились и полюбили. Конечно, не все. Только то, что необходимо. Однако этого оказалось достаточно, чтобы я стала совсем уж популярной особой. Андрей увеличил штат телохранителей и запретил выходить в приемный покой.

— Больных примут и без тебя, — заявил муж — Хочешь лечить — лечи. Оперировать — оперируй. Но на своем третьем этаже.

Я поморщилась, но спорить не стала. Решила, пусть все поутихнет — а там посмотрим.

Так прошла еще неделя. Я так устала от этих двух мероприятий и от подготовки к ним... Уговаривала себя, что надо потерпеть: еще один бал — и все.

И вот он — Снежный бал. Его я почему-то запомнила смутно. Хорошо помнила сборы на него, представления, торжественную часть. Танец с Андреем, танец с наследником. Потом глоток поднесенного шампанского — и все...

Очнулась уже в палате нашего госпиталя, в качестве больной. Непривычные ощущения. Койка, кстати, очень удобная. Я была в больничной длинной рубашке. Куда делось бальное платье, не помнила совсем. За чуть приоткрытой дверью палаты шептались. Слышно было плохо, я встала и тихонько прокралась поближе. Голова кружилась, пришлось себя подлечить — через пару минут все было в полном порядке.

— Надо сообщить князю... Хвала Небесам, все обошлось. Дар Ирина не потеряет, — это говорила княгиня Снегова.

Я вздрогнула. Потеряет Дар... О чем это она?

— Это просто чудо! Непонятно, почему все обошлось...

— Может, доза была слишком мала?

— Княгиня отпила из бокала — этого было бы достаточно, — с сомнением проговорила личная целительница князя Радомира.

— Теперь осталось выяснить, что с памятью Ирины.

— Подождем, пока она очнется.

— Нам надо доложить Великому князю о том, что его жена не потеряла Дар, — строго проговорила моя начальница.

— Сообщим. Чуть позже. Пусть... Пусть немного задумается об ответственности. Не уберет девочку... И это в который раз!

Шаги стали приближаться. Я пулей бросилась в кровать и шмыгнула под одеяло. Притворилась, что сплю. Дверь приоткрылась и закрылась поплотнее.

— Ждем, — решили целительницы. Шаги удалились, все стихло.

Они ушли, а я задумалась. И почему я не спросила обо всем княгиню? Сама не понимаю... Сердце колотилось как бешеное, у самого горла. Я завернулась в одеяло и только собралась обо всем этом подумать, как снова слышались шаги. Теперь — легкие и быстрые.

— Ира?

Я ушам своим не поверила — императрица! Высунула голову из-под одеяла и села на кровати.

— Мария Алексеевна?

— Да, это я... Ты как? Как себя чувствуешь?

— Я хорошо. А что случилось?

— Ты ничего не помнишь? Совсем? Как тебя зовут, помнишь?

— Небеса... Конечно помню! С чего вы взяли, что я должна забыть? Княгиня Снегова и Тамара Ильинична тоже что-то про память говорили...

— Тамара говорила, что целительницы так реагируют на маран, который подлили тебе в шампанское.

— Маран?! — я похолодела. — Но это же запрещенный препарат! Кто и зачем добавил его в шампанское?

Мысли путались в голове, я уже ничего не понимала, но про маран знала, и много.

Плохо быть отличницей! Если бы поменьше сидела в библиотеках и совала свой любопытный нос во все существующие энциклопедии, включая энциклопедию ядов Бурина, то сейчас мне было бы не так страшно...

Маран так и называют среди целительниц — Смерть Дару. Даже небольшая доза приводит к потере Дара, и одновременно — полная амнезия. Но я все помнила, чувствовала себя хорошо, и главное — Дар был при мне.

— Это все мода на розыгрыши. Князя Андрея решили разыграть — подлили сыну и тебе маран в шампанское и положили вас на одну кровать, как любовников...

Императрица говорила страшные вещи... Мне даже показалось в какой-то момент, что я перестала ее слышать. Просто смотрела на ее безупречные черты лица и не знала, как на это все реагировать. Что подумал Андрей, даже представить было страшно.

— С сыном все в порядке, просто спит. Правда, уже целые сутки. А вот ты...

Тем временем мне пришла в голову мысль:

— А вы? Почему в больнице — вы?

Я смотрела на нее, и мне показалось, что женщина побледнела.

— Так... Ты в этом госпитале работаешь? — не пожелала отвечать на мой вопрос императрица.

— Да.

— Где здесь вино?

Я задумалась. Нам приносили густое красное сладкое вино после очень сложных операций, — чтобы поддержать уровень гемоглобина и снять усталость. Так что оно должно быть в пищеблоке...

— На кухне, наверное. Но нам туда нельзя.

Я попыталась объяснить императрице, что мы с ней сейчас — больные, пациенты и что существуют определенные правила, но не тут-то было.

— Ты смеешься? Мы — первые дамы Поморья, забыла? И если мы хотим вина — кто ж нам запретит, глупенькая!

И мы пошли.

Вот так бывает... Великая княгиня и императрица прокрались в пищеблок, нашли вино. Пару яблок.

— Я ведь просила его! Уговаривала оставить меня в домике. На окраине Джанхота, — говорила я.

— А я сегодня поняла, что Саша меня никогда не любил...

— Андрей все время мной манипулировал... И тогда, год назад, когда прикидывался полковником. И сейчас, когда нашел меня...

— Я просто так больше не могу. Не хочу...

— Наверное, Дар, покой и память дороже всего. Дороже любви.

— Когда любишь — теряешь себя... Растворяешься в нем... А потом понимаешь — тебя попросту не стало...

Мы до утра проговорили по душам. Пили из горлышка, потому что ни бокалов, ни даже чашек не нашли, кусали яблоко по очереди. Императрице так понравилось, что она взяла с меня слово — каждый год в этот день устраиваем девичник. Пьем, кусаем, разговариваем...

Иногда... Иногда очень нужно поговорить с кем-то по душам. Даже если ты княгиня или императрица. Особенно если ты княгиня или императрица...

Столица. Конец января. Он

Коридоры дворца слились в один бесконечный туннель без начала и конца. Руки тряслись. Стало жарко, пот тек и жег глаза.

Он не уберег ее. Он не уберег ее от этого гниющего монстра — императорского дворца. От лжи, предательства, фарса. От бесконечных насмешек, от злых улыбок. Он не уберег. На что он вообще рассчитывал? Почему решил, что имеет право касаться этой чистой души руками, что были по локоть в крови? А теперь ее жизнь в опасности. Ее Дар, то, чем она дышит и чем живет, — под угрозой. Уже второй раз и опять из-за него.

Небеса, пусть она забудет! Пусть все забудет, а главное — пусть она забудет его. Он исчезнет из ее жизни. Хватит. Хватит убивать и подставлять тех, кто ему дорог. В этом нет никакого смысла. Империя — не погибнет, у нее есть император. Его место займут. Кто-то другой займет его место. Есть достойные — полно! Справятся. Невелика премудрость — казнить. А сейчас необходимо избавиться от него самого. И чем скорее — тем лучше для всех, и прежде всего для нее.

Он завернул за угол, выстроил портал.

Шаги гулко отдавались в подвалах Министерства. Кодовые замки открывались, стоило Великому князю сказать вслух пароли или просто приложить ладонь. Наконец он нашел то, что искал, — вещдоки.

Вот она — небольшая смертоносная сфера размером с кулак. Смерть жила внутри, дышала мягко, чуть слышно, вилась серым дымом. Звала, манила, дарила надежду на покой...

Князь взмахом руки поднял стеклянный колпак, взял сферу и, сжав ее в кулаке, решительно шагнул в открывшийся по его приказу портал.

Зажмурился, ожидая взрыва, который превратит его в ошметки — и положит конец всему... Последний раз мысленно прошептал:

— Ласточка, я тебя люблю. Прости меня...

* * *

— Князь Андрей Николаевич Радомиров?! Собственной персоной! Надо же! Очень рад, Андрей Николаевич, очень рад... Вы, верно, не помните меня? Я до сих пор на службе императора, вот недавно как раз ко мне обращались. А лично мы с вами виделись, еще батюшка ваш был жив... Да... Сядьте, Андрей Николаевич, сядьте... Я сейчас. Сейчас коньяк принесу... — и маленький

тщедушный старичок, укутанный в клетчатый плед, исчез.

Великий князь огляделся. Шары светили приглушенным, мягким светом, причем разным — два шара отливали бирюзовым, два — фиолетовым. Князь никогда такого не видел. Огромный стол был завален Небеса знают чем: сферы, колбы, пузырьки, какие-то приборы, о назначении которых он ничего не знал, и даже предположений в голове не было.

Старичок вернулся, прижимая к себе пузатый графинчик. Серебристые волосы торчали во все стороны, такими же роскошными были усы. Яркие голубые глаза за невероятно толстыми очками. Видимо, очки скорее защищали глаза во время химических опытов, потому что целительницы зрение могли поправить кому угодно — очков в Поморье не носили.

— Простите меня, но... как...

Князь Андрей не знал, что сказать. Просто сел и стал смотреть, как человек в очках деловито разливал содержимое графина по бокалам, которые неизвестно откуда взялись.

— Как вы сюда попали? — Синие глаза хитро сверкнули. — Сфера! Хлопушка, которую вы до сих пор держите в руках. Дайте-ка сюда. Вот так. Когда мне принесли эту штуку ваши люди, я ее сразу подменил.

Он взял серую сферу и стал рассматривать ее на свет. Свободной рукой ученый снял очки, сощурился, клетчатый плед съехал с плеча.

Наконец довольно кивнул:

— Вот эта, — он поднял из-под стола стеклянный куб, в середине которого висела точно такая же сфера, — настоящая.

— Но... зачем?

— А затем, Великий князь, что интуиция с возрастом перестает подводить... да. Я сразу понял, что иметь смерть в кармане — состояние весьма занимательное для романтической натуры. Да-да, и не смотрите так хмуро! Я не знаю, что лично вас побудило к столь крайним мерам, Андрей Николаевич, но до этого было несколько влюбленных молодых людей, и среди них даже смелая барышня! Так что решение я принял верное. Очень рад! Вашему здоровью и благополучию в особенности, однако готов понести наказание за нарушение порядка...

— А вы...

— Серафим Валерианович Сиялов, к вашим услугам, Андрей Николаевич! — и маленькая сухая ручка отсалютовала бокалом с коньяком.

«Сиялов, Сиялов... — стал вспоминать князь. — Сумасшедший ученый-физик. Отшельник, который догадался, как можно спастись из купола бомбистов. И создал кольцо-артефакт. Сотрудничает с Министерством давно. Ну конечно — его подпись на заключении экспертизы вещдоков. А я с ним так и не познакомился лично».

— Простите меня, — проговорил глава Министерства безопасности Поморья. — Я знаком с подготовленными вами документами, а вот лично побеседовать так и не собрался. А планы такие были.

— Понимаю-понимаю, не извиняйтесь! Лучше попробуйте коньяк! Лучшее лекарство —

успокаивает нервную систему, это я вам как лекарь говорю.

— Лекарь? Не может быть — вы же ученый!

Серафим Валерианович удивлял его все больше. Лекарь врачуют души, целительницы — тела. Целительницами могли быть только женщины. Среди лекарей когда-то встречались и мужчины. Психология имела место до войны. Во время войны было не до психики — тела бы спасти. Поэтому большинство лекарей переквалифицировались, и лечить нервы стало немодно.

— Одно другому не мешает! Хотя лекарей забыли, и зря. Зря и незаслуженно! Мой скромный опыт с подменой этой малютки ясно показывает необходимость лекарского мастерства на сегодняшний день. Я бы рекомендовал вам подумать об этом, князь, но не раньше, чем вы попробуете, наконец, коньяк! Напиток из собственных запасов. Батюшка ваш еще мне имение пожаловал... — Серафим Валерьянович надел очки. — Есть там у меня небольшой погребок — всего три бочонка. Сам настаиваю — на вишневом листе!

Речь его вышла очень аппетитной и соблазнительной, но ни в какое сравнение с самим напитком тем не менее не шла. Коньяк был настолько хорош, что сомнения в том, а не попал ли князь Радомиров все-таки на Небеса, появились.

— Это действительно очень вкусно! И вишней пахнет.

Напиток навевал теплые воспоминания о лете. Ире бы понравилось. Ира...

— Я же говорил! Для вас, дорогой князь, я бутылочку найду, в память о нашей дружбе с вашим батюшкой. Да... — лицо ученого стало очень грустным, но лишь на мгновение.

— Простите, а... Как же молодые люди смогли найти вещдок? Он хранится в подвалах Министерства, все закодировано и...

— Это я вас, дорогой Андрей Николаевич, хочу спросить — как?! Как любой желающий проникает в ваше совершенно секретное, закодированное лишь на доверенных лиц — первых лиц государства, смею заметить! — хранилище как к себе домой?! С этими новомодными придворными фокусами, Небеса их... Ваши трусы, пардон, достать не проблема! Докатились...

— Неужели все так плохо? — князь грустно посмотрел на дно своего бокала. Правильно истолковав этот жест, ему налили еще.

— Хотелось бы вас утешить, князь. Но я не буду. В интересах государства. Все действительно плохо. Вам нужно не счеты с жизнью сводить, а исправлять ситуацию. И о восстановлении лекарской практики, прошу вас, подумайте. Например, я бы рекомендовал вам выплеснуть эмоции на что-нибудь... неодушевленное, но имеющее для вас большое значение. Вы очень сильный маг, Андрей Николаевич. Огромный потенциал. Вот если бы вы мне доверились...

— Почему же вы решили, что я вам не доверяю? Вы только что доказали свою компетентность и преданность Империи...

Он не знал, что еще сказать. Было и стыдно, и безразлично одновременно. Лекарь был прав — сила бурлила внутри и рвалась наружу. Выход был неизбежен, и он решил положиться на этого... Серафима Валериановича Сиялова.

— Чудесно! — старик мгновенно исчез.

Он вернулся не скоро — князь уже начал засыпать. За собой Сиялов вез небольшой столик на колесиках, весь уставленный баночками, скляночками, колбочками и коробочками.

— Вы не волнуйтесь, ваше сиятельство, я свое дело знаю. Кстати, батюшка ваш покойный прибежал к этому средству не единожды и весьма, смею сказать, успешно.

Бормоча все это себе под нос, Серафим Валерианович капал, сыпал, заливал что-то горячей водой, потом, немного подумав, добавил свой знаменитый коньяк. Что-то булькнуло, задымилось, вспыхнуло, и вот, наконец, из-под клетчатого пледа, будто из-под мантии факира, возникла обычная жестяная кружка, заполненная меньше чем наполовину темно-бурой жидкостью.

— Небеса... Какая гадость! — князь согнулся, скривился и закашлялся.

— Значит, действительно! — Сиялов похлопал его по плечу.

Где-то князь это уже слышал... Кресло под ним покачнулось, открылся портал...

Он стоял перед их с Ириной домом. Значит, выплеснуть гнев и отчаяние и уничтожить значимый для него неодушевленный предмет... Сейчас сделаем...

Снова выстроил портал, шагнул в комнату с камином. Книжка про некроманта, нужная страница заложена листком с очередным его стихоплетством. Пара четверостиший, просто так, чтобы она нашла, наморщила лоб, а потом улыбнулась и прижала листок к себе:

Тихо падает снег за окошком.

Тихо шепчет камин у стены.

Жаль, нет кошки, а то бы немножко

Ее тень оживила ряды

Предсказуемых строк осторожных,

Не достойных твоей красоты.

Тихо падает снег за окошком,

Тихо шепчет камин у стены...

Тихо. Тихо-тихо. Он бы услышал удары собственного сердца, но, казалось, их не было. В голове шумело. Он позвал Иру. Она не ответила. Ах, да — она же в госпитале. И все забыла...

Он вдруг ясно осознал, как сильно виноват перед ней. Вспомнил ее бледное лицо, бескровные губы, порванное платье. Позвал еще раз... А вдруг... Ничего. Наверное, она не хочет с ним разговаривать или вообще не помнит, кто он такой. Ее же нет дома. И никогда не будет... А он все помнит... Почему? Зачем? Все забыть. Уничтожить. Стереть с лица Земли. Затерять среди миров. Все. Чтобы даже воспоминаний не осталось. Он закрыл глаза, расслабился и выпустил наружу всю свою ярость. Всю свою боль.

Дома не стало мгновенно. Осталось только пламя.

Яркое, чистое. Оно мгновенно уничтожило все, что было вокруг... И в его равномерном гуле Радомирову слышалось сочувствие. Огонь чуть согрел его, и князь с удовлетворением услышал, как жалобно тренькнули лопнувшие стекла.

Он желал выжечь все до пепла. До праха, который развеет ветер. Взметнет — и словно никогда и не было ничего. Ни любви. Ни Иры. Его самого, его бестолковой, какой-то патетичной и никому не нужной жизни... Если бы он был другим человеком... Полковником Мировым... Они были бы счастливы. Но этого человека нет. Их нет...

— Ваше сиятельство! — его негромко окликнули.

Он недовольно развернулся — рядом стояли оба его охранника. Один уже развернул защитную сферу, отгораживая их троих от огня, второй держал наготове портал.

— В чем дело? — недовольно процедил Великий князь.

— Надо уходить.

— Не надо было приходить. Я не желаю никого видеть!

— Ваше сиятельство! Немного времени — и крыша обвалится. Балками всех накроет. Вы покалечитесь...

— Скоро тут дышать будет нечем. Так что до рухнувших балок можно не дожидаться, — обрадовал их второй.

Андрей Николаевич перевел на него взгляд и понял, что охранник держит защитную сферу из последних сил.

— Убирайтесь отсюда. Оба, — приказал он.

— Никак нет. Только с вами, — был ответ одного.

— Тут и так уже нечего палить... — другого.

— Не дерзайте, — оборвал Великий князь.

Потом посмотрел на своих «спасителей» — и сам выстроил портал для них. Недалеко. На лужайку объятаго огнем дома.

К нему подбежали Петр Петрович, генерал Макаров. Кто-то накинул ему на плечи шинель.

А он стоял и наслаждался тем, что, кроме гула всепожирающего огня, никого и ничего не слышал.

— Позовите Ирину Алексеевну, — а вот приказ императора до него донесся сквозь гул. — Пусть она его успокоит.

— Не смейте! — заскрипел он зубами.

— Андрей, — затряс его за плечи брат. — Прекрати!

— Я разрушил свою жизнь, — ответил Великий князь родственнику и с извращенным удовольствием посмотрел на особняк, где с жалобным стоном, похожим на человеческий,

наконец, обвалилась крыша.

— И что ты будешь теперь делать?

— Подам в отставку, — безучастно отвечал Великий князь.

— Ты с ума сошел? — взвился император.

— Скорее всего. Я даже был у лекаря. Только что. Ты же не думаешь, что человек в нормальном состоянии будет собственный дом сжигать и не уходить со двора лишь потому, что все хочет дожидаться, чтобы пепел от кострища стал падать, словно снег...

— Так ты этого ждешь? И поэтому мы все мерзнем на улице?

Радомиров кивнул.

— А зачем тебе пепел?

— Красиво... Стихотворение хочу написать.

— О чем? — Император с беспокойством смотрел на брата. Застывшая улыбка и отсутствующий взгляд князя ему не нравились, но он решил пока поддерживать разговор так, будто все в порядке.

— О том, что пустота превращается в гнев. Гнев — в огонь. А потом все это обратно в пустоту — в пепел седого снега. Пепел седого снега... Пепел седого снега...

— Андрей, я понимаю, в каком ты состоянии, однако у нас тут кризис. Покушения, непойманный преступник... Пострадали мой сын и твоя жена.

— А у нас всегда кризис. Не покушения — так недовольные регионы. Не соседи — так холодная зима. Не бомбисты — так война... Но все это меркнет в сравнении с теми розыгрышами... — и костяшки пальцев князя хрустнули от напряжения, с такой силой он сжал кулаки.

— Тамара Ильинична! — позвал целительницу император.

— Ваше величество... — Женщина перед ними появилась спустя несколько секунд. Окинула цепким взглядом князя Радомирова, догорающий дом. Побелела как белый снег, которого по округе не было...

— Что Ира? — задал Андрей Николаевич единственный вопрос, который его волновал.

— Что с ним?! — кивнул на родственника император.

— Ирина Алексеевна очнулась, — с виноватым видом быстро сказала целительница. — Все помнит. Дар не ушел. Это просто чудо...

— Слава Небесам... — выдохнули все.

— Только она...

— Не желает обо мне ничего слышать, — усмехнулся князь Андрей.

— Простите, — ответила целительница.

— Это малая цена за все, что я сделал...

— Прекрати, — возмутился император. — Надо отправиться к ней и поговорить...

— Нет.

— Почему?! Саша тоже не пострадал! Значит, все обошлось. Или тебя все-таки приложило? Или дымом надыхался?

— Физически Андрей Николаевич здоров, — безжизненно проговорила целительница.

— Идите к Ирине. И проследите, чтобы с ней все было в порядке, — приказал князь Радомиров.

Целительница кинула на него виноватый взгляд — и тут же ушла порталом.

— Давай напьемся! — предложил князь Радомиров императору. — А утром я уеду. В поместье, чтобы никого не видеть.

— По поводу напиться — я согласен. А по поводу твоего отъезда... Вот скажи мне, брат, а мне куда уехать? Может, и мне подать в отставку? Или ты думаешь, что твоя ноша тяжелее моей?

— Я ничего не думаю.

— Где пить будем? У тебя? У меня?

— У тебя, — решил Великий князь. — В свой дворец не хочу. Тоскливо там. И мертво. А дом... Дом я спалил, как видишь.

И тут случилось то, что и предсказывал князь: пепел сгоревшего дома поднялся вихрем в ночное небо и стал медленно опадать. Они стояли и смотрели на это удивительно красивое, завораживающее зрелище. Император был поражен, князь — счастлив.

Как только они перенеслись, император отдал распоряжение, чтобы родственнику подготовили чистую одежду.

— Я, конечно, понимаю, что ты в тоске, и я даже несу за это ответственность. Но терпеть твой запах с пожара — это выше моих сил, — усмехнулся в густые усы император.

Но когда Великий князь Радомиров зашел в кабинет императора, тот уже не усмехался. Он стоял у окна и мрачно смотрел на никогда не спящую столицу, расцвеченную световыми шарами.

— Что еще случилось?

— От меня Маша ушла, — ответил император, помахав перед братом листком бумаги. — Она устала терпеть мои измены. И не намерена терпеть мой гнев. Пишет, что она сегодня осознала — между нами любви не было. Написала, что раскаивается из-за того, что в прошлом году отдала ключ от твоего поместья графине Дубовицкой. И сообщила, что между нами все кончено.

— Что? С ней надо поговорить! Ты подумай, какой удар по престижу...

— Андрей! Какой престиж! Какая Империя! От меня жена ушла!

— Выпьем?

— Пошли, — равнодушно ответил ему брат. И добавил: — Кстати, наши жены в госпитале устроили дебош. И мыли нам кости... То смеялись. То плакали...

— Охрана доложила?

Император кивнул.

Бутылка опустела быстро. Потом еще одна.

— Поубивал бы ее придворных куриц, — в сердцах грохнул кулаком об стол император. — Заговор они учудили! Ведь все замешаны! Понимаешь, Андрей! Все!!! Теперь плачут, кивают на заслуги родов и мужей! А мы... от нас жены ушли... И как нам теперь быть...

— А ты с этими придворными курицами Марии Алексеевне изменял.

— Вот только не спрашивай меня — зачем? Я сам не знаю. Все это длится слишком давно. Мы любили друг друга и, я надеюсь, любим до сих пор. Но этот дворец украл наши чувства. Империя забрала все себе. И вдруг ты понимаешь, что у тебя самого — ничего не осталось. Пустота. И мы оба пытались заполнить эту звенящую пустоту хоть чем-нибудь. Я — любовницами, она — розыгрышами этими...

— Давай...

И мужчины подняли бокалы. Они выпили, отсалютовав друг другу. Молча. И каждый в этот момент думал о чем-то своем.

Столица. Конец января. Она

Я лежала в своей палате, свернувшись калачиком под шерстяным одеялом. Голова гудела после трех бутылок красного вина на двоих. Прислушалась к себе — обычное похмелье, подлечила немного и с радостью осознала, что все в порядке. Я вспомнила последний вечер и скривилась. Стыдно было ужасно. Нас нашли с императрицей уже поздно вечером. А сейчас? Шар услужливо подлетел, мигнув голубоватыми цифрами. Сейчас тоже уже вечер — сутки прошли.

Смутно помню строгое лицо княгини Снеговой. Правда, то, что моя начальница вот-вот рассмеется, все-таки было видно. Зато хорошо помню, как я кричала, когда у нас отнимали недопитую бутылку вина:

— Я — княгиня Радомирова, вы не имеете права!

Тамара Ильинична на эту мою реплику (до сих пор не верю, что выдала подобное!) только руками всплеснула:

— Хвала Небесам, помнит!

— Это хорошо. Правда, характер изменился. Или, может, это влияние плохой компании? — ответила ей княгиня Снегова.

Потом посмотрела на императрицу. Та, лучезарно улыбаясь, элегантейшим жестом

протягивала целительницам бутылку, предлагая присоединиться.

— Прошу вас, княгиня! Там еще почти полбутылки осталось... — икнув, сказала первая дама Поморья. Императрица даже икала совершенно обворожительно, честное слово!

Дальше я мало что помню. Нас уговорили-таки разойтись по палатам. Не помню, кто из целительниц попытался поговорить со мной. Кажется, что-то объясняли про князя Андрея. Я заявила, что все мужчины... В общем, стыдно вспоминать. Андрей пытался связаться со мной. Два раза. Но я не ответила. Не могу. Не могу — и все. Стыдно...

И вот я лежала в темноте своей палаты, прислушиваясь к своему стыду, когда открылся портал. Потянуло холодом. Снежный вихрь злобно ворвался в тепло. Я испугалась, села на кровати, поплотнее закутавшись в одеяло и вжавшись спиной в стену. Снежинки кружили по палате, превращаясь в знакомый силуэт...

— Мария Ивановна!

Я так обрадовалась, что забыла спросить, как она сюда попала. Госпиталь — закрытая территория, охраняемая лично императором, и без специального разрешения строить сюда порталы могли только члены императорской фамилии...

— Девочка моя... как ты? — Мария Ивановна присела на кровать, улыбнулась. Я посмотрела в ярко-голубые глаза старушки и вдруг, неожиданно для себя, расплакалась. Так и плакала, уткнувшись лицом в белый жесткий мех ее шубы, вздрагивая всем телом. А она гладила меня по плечам, напевала:

— Все будет хорошо, девочка, все будет хорошо. Духи хранят тебя, они тебя не оставят. — Шершавые ладони взяли мое лицо, провели пальцем по щекам, стирая слезы. — Запомни, Ирина. Твоя любовь принадлежит не только тебе. Она не только в твоём сердце. Она — в сердце Поморья.

Моя соседка... Или это была не она? Приговаривала и приговаривала — будто песню пела:

— Ветер несет любовь твою и поет о ней, вторят ему вековые деревья, пишут историю волчьи следы на снегу — чтобы помнили... Да, это тяжело. Но раз тебе такая доля досталась, значит, выбрали тебя. Духи выбрали. Прости Андрея. Он любит тебя — это главное. И Сашенька Машеньку любит. Храни вас Небеса, дети. Храни Небеса...

Станный шепот стих, а на полу осталась горстка снега с отпечатанной в ней волчьей лапой.

Утром я проснулась и решила, что это сон. Правда, пол у кровати почему-то был влажным, но это просто сестричка делала уборку. А я выпила — вот мне и почудилось.

Хватит, надо взять себя в руки. Княгиня права — общение с императрицей портит характер. А ночные приключения — следствие того, что вина было слишком много. Целительницам положен бокал, не более. А иначе... Иначе целительницам мерещится Небеса знают что — волчьи следы, например.

Но память, с которой вопреки страшным прогнозам все было в порядке, услужливо напомнила, как в ту, самую первую встречу, когда Мария Ивановна неожиданно исчезла, на снегу тоже были волчьи следы...

Я постаралась если не выкинуть все эти мысли из головы, то хотя бы отложить в сторону, и

отправилась к княгине Снеговой. Сообщать, что готова оперировать, вести больных и сидеть на приеме. Работать. Только вот вопрос с жильем надо бы как-то решить.

— Добрый вечер, Наталья Николаевна, — поздоровалась я с начальницей, заходя к ней в кабинет.

— Добрый. Как вы?

— Хорошо, — смутилась я. — Простите за вчерашнее.

— Ничего, — вдруг светло улыбнулась Снегова. — Бывает.

— Я хочу вас попросить допустить меня к операциям. И... можно я поживу в госпитале? Пока не решу, как быть.

— Князь Радомиров волнуется, — специально нейтральным голосом проговорила она.

— Я напишу ему. Но... пока я не могу его видеть. Пожалуйста. Я хочу поскорее приступить к работе. И забыть свое замужество, как страшный сон.

— Ирина, подумайте хорошенько. И отнеситесь со всей серьезностью к своему сегодняшнему состоянию — физическому и душевному. Вы уверены, что справитесь?

Я упрямо кивнула.

— Поймите, девочке с тяжелейшими ожогами, которую вам привезут в операционную, совершенно неинтересно ваше душевное состояние.

Княгиня Снегова говорила мягко, но я слишком хорошо ее знала. Меня отчитывали за вчерашнее поведение, и я это, бесспорно, заслужила... Мне лишь оставалось склонить голову и ждать.

— Операция ожидается сложная, — продолжила Наталья Николаевна, — поэтому энергии понадобится много. Если вы еще не готовы, я буду оперировать девочку сама. Вы действительно готовы работать?

Заведующая с тревогой посмотрела на меня, но тем не менее протянула заключение первичного осмотра пациента.

— Конечно. Я не подведу вас!

Мысленно я уже сосредоточилась на деталях того, что мне предстояло делать. Стала проигрывать в голове все этапы операции... Пятилетняя девочка с ожогами. Очень тяжелая.

Я пошла в купальню, разделась, вошла в кабинку. Радужный шарик отделился и подплыл ко мне. Я взяла его в руки и прижала к себе, как котенка. Вспомнила своих друзей со Снежного бульвара... Кошмар. Я глажу шары как котят, дружу с ними... Хорошо, княгиня не видит — точно бы от операции отстранила за подобные выходки.

— Тридцать восемь и пять, — попросила я температуру воды.

Через двадцать минут я уже подходила к операционной. Сестра повязала мне передник.

— Как вы? — спросила меня княгиня Снегова перед операцией.

— Все хорошо, — ответила я ей как можно спокойнее.

— Ирина Алексеевна, вы как, уверены в своих силах?

— Я справлюсь. Я смогу.

— Хорошо, — улыбнулась начальница. — Идите. И не дайте себя сломить.

Операция действительно была сложная. С ожогами хирурги не любили работать. Особенно с такими обширными, какие были на пятилетней девочке. Она была дома одна, прорвало трубу с горячей водой. Водяное отопление — это было то, что ненавидели все целительницы. В домах небогатых людей вместо нормального отопления магическими шарами были подведены эти ужасные трубы. А кипятик — это всегда кипятик... Рано или поздно рванет... Поэтому несчастные случаи происходили достаточно часто.

Вот и в этот раз... Ребенок, вместо того чтобы бежать, решил посмотреть, что случилось. Теперь я буду пересаживать ей кожу, сращивать, подпитывать энергией, чтобы она прижилась. И молить Небеса, чтобы все получилось.

— Начали, — скомандовала я и забыла обо всем. Все осталось за белой дверью операционной.

В какой-то момент вдруг показалось, что не хватит энергии. Меня ощутимо повело. Тревожный взгляд ассистентки. Шар с мигающими голубыми цифрами подплыл поближе — двенадцать минут. Цифры расплываются. Собираются снова — двенадцать минут сорок восемь секунд. Еще чуть-чуть... Я справлюсь!

Зачерпнула энергии в браслете. Стало легче. В голове прояснилось. А там еще чуть-чуть... Терпеть... Заживлять. Терпеть. Все. Справилась. Можно в купальню, потом провести обход, заполнить истории.

Кровь бурлила от радостного возбуждения — у меня получилось! Я победила. Себя, свои чувства, весь мир! Улечься в кабинете и заснуть — как было положено по инструкции — у меня не получалось.

Хотя, когда через пару часов меня отправила спать заведующая, я заснула. И мне, к счастью, ничего не снилось.

Меня не стали будить — и я проснулась, когда уже стало темнеть. Посмотрела на часы — шестой час. Надо подниматься, обойти еще раз своих пациентов в палатах. И, конечно, сходить в реанимацию, навестить девочку, которую я сегодня оперировала.

Я уложила волосы и уже надевала на голову платок, когда раздался осторожный стук в дверь.

«Андрей!» — руки слегка задрожали. И с чего это? Не из-за паники же...

Подошла и открыла.

— Ваше величество? — изумилась я.

— Да, это я, — кивнула Мария Алексеевна. — Не ожидали меня увидеть?

— Нет.

Я продолжала стоять на пороге.

— Вы позволите? — улыбнулась она.

— Простите. — Я отступила. — Проходите, пожалуйста.

Мы снова были на «вы» и очень смущались. Обeim было неловко за спонтанный дебош накануне. Императрица уже переделалась. Как всегда — обворожительна, безупречна, ослепительна. На ней был костюм, идеально подходящий для того, чтобы встретиться с княгиней Радомировой после того, как они с этой самой княгиней выпили из горла две с половиной бутылки вина из запасов пищеблока главного госпиталя Империи и яблочками закусили... Вот... Как ей это удастся?!

— Я выписалась. Наверное, поеду к себе в поместье. Я хотела... Сказать вам спасибо.

Императрица смотрела прямо в глаза, голос ее немного дрожал, и мне стало неловко.

— Что вы, я...

Императрица вытянула руку вперед:

— Нет-нет, выслушай меня, Ирина, прошу. Выслушай меня, пожалуйста, и давай перестанем друг другу выкать, наконец!

Мария Алексеевна порывисто вошла в мой закуток и присела на краешек дивана.

— Ну да... Как говорил отец — все-таки пили вместе, — растерянно ответила я.

Мы переглянулись и улыбнулись друг другу. Стало легче.

— Это я передала год назад ключ от поместья, где ты находилась, одной даме... А она распорядилась им по своему усмотрению. Прости меня.

Я только покачала головой.

— Знаю, что такое прощать нелегко, — по-своему расценила мое молчание императрица. — Но я действительно умею ценить дружбу и не хочу, чтобы когда-нибудь что-нибудь встало между нами. У меня никогда не было подруги. У тебя тоже никогда не было — я знаю. И я подумала...

— Сочту за честь, Мария Алексеевна. — И я попыталась сделать реверанс. Зря. Посмотрела на императрицу и спросила: — Научишь?

— Конечно!

Она улыбнулась и вытерла набежавшую слезу. Намного изящнее, чем я, сделала реверанс...

Тут раздался стук в дверь.

— Открыто, — ответила я.

— Ирина Алексеевна! — заглянула сестричка. — Пострадавший в приемном покое!

— Иду.

Я с сожалением посмотрела на императрицу. Разговор хотелось продолжить, но мои обязанности тоже никто не отменял.

— Давай так, — быстро сказала императрица. — Как только освободишься, свяжешься по кулону со мной. Я приду, перенесу нас к себе в поместье — и мы поговорим. Заодно ускользнешь от журналистов, которые караулят на выходе из госпиталя.

— Спасибо...

Пострадавшего пришлось срочно оперировать — открытый перелом берцовой кости со смещением.

Все прошло как-то легко.

Потом я обошла своих пациентов, понаблюдала за прооперированной девочкой с ожогами — она как раз очнулась.

И ближе к девяти вечера связалась с императрицей.

— Я не поздно?

Меня заверили, что мой визит будет очень кстати. Императрица пообещала покормить меня ужином — и прибыла, чтобы перенести в свое поместье.

— Только не обижайся, — сказала она мне. — Я связалась с князем и сообщила, что забираю тебя на ужин. Просто чтобы не было переполоха.

— Понимаю... — пробормотала я. Потом не удержалась и спросила: — Как он?

— Немного лучше, — улыбнулась Мария Алексеевна. — По крайней мере, императорский дворец, в котором он пьянствовал с императором... не поджег...

— Не поджег? — удивилась я.

— Ты же не знаешь... Ира, мне очень жаль. Ваш особняк сгорел...

Я не знала, что сказать, только вопросительно хлопала глазами и, к ужасу своему, приоткрыла рот... Очень изящно, нечего сказать. Императрица же вздохнула, легко опустилась в кресло, и лицо ее выражало крайнее сожаление по поводу сгоревшего дома. Это совершенно невозможно: она лань, а я медведь... Вот как с ней дружить, когда она всем своим видом каждую секунду напоминает мне о моем несовершенстве и не дает забыть о совершенстве собственном?!

— У князя был неконтролируемый выброс энергии. Это бывает у сильных магов подобного уровня.

— Да, я знаю — в состоянии крайнего эмоционального...

— Ну да — ты сама все знаешь, ты же целительница... Он очень переживал. Он думал — ты все забыла. Его не могли найти какое-то время, потом обнаружили в горящем особняке. Тамара почему-то не стала его разубеждать в том, что ты ничего не помнишь. Мне кажется — она это сделала специально, чтобы его проучить. Но это я во всем виновата. Это я ввела моду на эти розыгрыши... А теперь вот... Теперь мы с Сашей расстаемся.

Вьюга выла за окном — настойчиво, бесприютно, тоскливо... На стеклах мороз вырисовал ледяные цветы, сквозь которые в одинокий дом заглядывала беспросветная темень.

— Как грустно, — вырвалось у меня.

Мария Алексеевна согласно кивнула.

После ужина отправились в гостиную. Императрица велела подать легкое белое вино и даже уговорила меня выпить бокал на ночь. Я отказывалась — завтра у меня была плановая операция, — но потом решила, что после таких дней несколько глотков алкоголя мне точно не повредят.

Вино оставалось на языке привкусом лета: виноград с легкими нотками смородины и меда. Мы неспешно делали маленькие глоточки, растягивая удовольствие.

— У меня до этой недели даже мысли такой не возникало — уйти от мужа...

Она говорила тихо, ни к кому особо не обращаясь.

— Простите, но...

Императрица сделала едва уловимый жест, по которому я поняла, что не нужно сейчас задавать вопросов. Нужно просто выслушать.

— Последнее время я часто вспоминаю нашу жизнь. Молодость. Войну... Может, грех так говорить, но хорошие были времена. Кругом совершеннейший ужас, непонятно, выживем ли мы, чем все закончится... Кто за дверью — верные люди или уже заговорщики, что пришли нас уничтожить. Но в противовес всему этому мы были счастливы... Наверное, молодость. Уверенность в том, что все получится, вера в Сашу, восхищение им — а я ведь сейчас понимаю, насколько все висело на волоске... Наверное, мы втроем — я, император и Великий князь Радомиров — просто по молодости и по наивности не понимали, что в той ситуации победить было нельзя.

Она покачала головой и мягко улыбнулась.

— Мы видели цель — не видели преград. А еще очень-очень хотели жить. Страстно. Поэтому моя любовь к супругу, а его ко мне была настолько яркой, настолько трепетной... Каждый раз — словно и первый, и последний. За гранью чувств, эмоций... А потом... потом война закончилась. Радость, восторг... Наверное, мы перегорели... Наверное, в простой, размеренной жизни невозможно все время испытывать настолько яркие эмоции, как в эти первые пять лет нашего брака... Наверное, мы оба тосковали по этой феерии. Поэтому все получилось так, как получилось. Еще вина?

Мария Алексеевна обратила внимание на то, что наши бокалы пусты.

— Да, — кивнула я. — Пожалуй.

— Мы с мужем отделились. И как-то вспомнилось все — и то, что он женился очень рано, еще не закончив Военную Академию. И что свадьбу нашу организовал мой отец — сразу нашлись те, кто стал говорить, что императора принудили жениться. «За помощь в борьбе с заговорщиками он заплатил собственной свободой», — процитировала она кого-то. Потом перевела взгляд на огонь и долго молчала.

Ничего не говорила и я. Мне вспомнилось, как я только увидела императора и императрицу и сразу подумала: «Какая красивая, гармоничная пара». А оно все вот как. Действительно, права моя начальница, когда говорит, что в высшем свете все не так, как кажется.

— Появились яркие красавицы — победитель уже был известен, роман с императором уже не таил никакой опасности, кроме, пожалуй, моего неудовольствия, — вдруг снова заговорила Мария Алексеевна, не отрывая взгляда от огня, бесновавшегося в камине, и, казалось, забыв о моем присутствии.

Она рассмеялась — яростно и оскорбленно.

— Меня просто слишком хорошо воспитали. Небеса всемогущие — да меня, сколько я себя помню, воспитывали как императрицу. Ни у кого — ни у моего отца, ни у покойных императора с императрицей, ни у окружения, ни у нас самих — не было сомнения, что именно я буду супругой императора Александра. И буду ему спутницей более чем достойной. Поэтому, узнав об измене мужа, я... поступила... как должно. Я не заметила. Я императрица — и все эти... отношения... ниже меня.

Она долго молчала, разглядывая огонь в камине.

— Та женщина... самая первая... была яркой. Глупой, но яркой. Но ее, в отличие от меня, надо было добиваться... По-моему, Саша, когда... скажем так... настиг ее, сам удивился. А еще он ждал моей реакции. И то, что я сделала вид, что ничего не произошло... Как это ни парадоксально звучит — он оскорбился моим равнодушием.

— Сам изменил — сам оскорбился? — возмутилась я.

— Именно так.

— С ума сойти!

— Он сам прогнал эту девицу... И на какое-то время стал необыкновенно нежен. Дети подрастали, мы жили уже не на военном положении...

— Вы любите супруга? — вдруг спросила я.

— Что такое любовь? — Мария Алексеевна перевела взгляд от огня и внимательно посмотрела на меня. — Умение ставить его интересы выше своих? Умение поддержать в трудную минуту? Не замечать недостатки — ведь они свойства природы — значит, к ним должно проявлять снисходительность?..

— Я думала, что любовь — это когда больно находиться порознь...

— Ира... — тихо-тихо проговорила императрица. — Раз вам больно оттого, что вы не вместе, может, и не стоит...

— Конечно, не стоит. Не стоит и не должно. Мне приснился сон. А может, это был не сон — я так и не поняла. В себя приходила после нашего больничного девичника. Вот будто пришла ко мне одна моя знакомая женщина и сказала: «Твоя любовь тебе не принадлежит. Она не только в твоём сердце. Ветер несет ее и поет о ней, вторят ему вековые деревья, и память о ней сохраняют следы на снегу». И еще что-то про Духов, которые нас выбрали...

— Существует легенда о том, что повелителей Поморья охраняют два Духа — волка и волчицы.

Саша один раз их видел... Он... такой... Ира...

Императрица плакала, и я знаю почему — она простила...

Столица. Февраль. Он

— Ну? Все готово?

Император в черной полковничьей форме Министерства безопасности Поморья, что, как правило, свидетельствовало о его отвратном настроении, вошел в кабинет брата.

— Просчитано, — кивнул ему Андрей Николаевич. — Ловушки расставлены. Как я уже докладывал тебе вчера в Серебристом кабинете — расследование завершено. Сегодня я якобы должен получить бумаги из банка вольного государства Шедд с подписью лица, оплатившего наемников. А к вечеру собрать журналистов и дать пресс-конференцию.

— Да, — довольно кивнул император. — Мои люди проверяли — во время твоего доклада у дверей моего кабинета как бы между прочим прогуливался весь высший свет Поморья... Должно сработать. Должно.

— И слышимость была хорошая. Вроде бы все учли.

— Слушай, — рассмеялся император. — На тебя жалуются.

— Да что ты...

— И наследник, и его адъютанты.

— Неужели мои служащие, получив приказ подергать за ниточки наших аристократов, увлеклись? Ай-ай-ай... Нарочитая слежка высокородным пришлась не по нутру?

— Да. Твои люди к приказу «заставить нервничать и совершать ошибки» отнеслись... творчески.

— Вот и посмотрим, кто сегодня занервничает и явится ко мне в «пустой» дворец...

— Андрей... Обещай мне, что не будешь рисковать жизнью больше, чем необходимо...

— Как Маша? Вы не помирились? — спустя мгновение спросил императора Великий князь, игнорируя его последнее замечание.

— Нет. Вот скажи мне, как извиняться перед любимой женщиной императору? Я... Я распорядился. Ей прислали цветы...

— Сто одну розу? — тихо рассмеялся князь Андрей, вспомнив похожую ситуацию. Сердце защемило.

«Прекратить, — приказал он себе. — Не время. Главное, Ира жива. И исцеляет».

— Я дарил Ирине розы. Они ей не понравились.

— А что понравилось?

— Ландыши...

Нежность мелькнула на дне глаз Андрея Николаевича, сделав его на мгновение... беззащитным. Император Александр отвернулся, ругая себя за то, что начал этот разговор.

«Прекратить, — приказал он себе. — Не время. И не место». А потом вдруг сказал:

— Со мной дети перестали разговаривать.

— Как это? — удивился князь Радомиров.

— Дочь просто перестала. А его высочество наследник — еще и высказались. Мораль изволили читать.

— С ума сойти! — рассмеялся Андрей Николаевич.

— Смейся-смейся... — беззлобно пробурчал брат. — Вот будут свои, я посмотрю, как ты повеселишься. Тогда все эти мелочи — раздор с женой, беседы с репортерами, служба на благо Империи, ловушки с риском для жизни — раем покажутся.

— Сильно задел?

— Саша... сказал правду, — тяжело вздохнул император. — Безо всякой снисходительной риторики. А правда — она ранит больше всего. Он сказал то, что есть на самом деле. Я оскорбил Машу. Предал ее. Нас...

— Хороший у вас получился сын.

— Не без этого. Только я теперь не знаю, что делать. Я был у императрицы. Она в самой глуши Восточного региона — любимое поместье ее покойного отца. Просил простить. Вернуться...

— И как результат?

— Как видишь... Она в поместье — я в столице.

— Наверное, нужно время...

— Андрей, я только сейчас понял, как она важна для меня. И как без нее стало... пусто...

— Тогда зачем... зачем были все эти женщины?

— Не знаю... Все молодым хотел себя почувствовать. Свободным. Дурак.

— И что теперь?

— Теперь... Ты, брат, спалил дом и играешь в приманку для преступника... А я... Я чувствую себя полнейшим... Ладно, не время. На кого из адъютантов моего сына ты ставишь?

— Мы действительно нашли схрон с артефактами времен Черной войны возле поместья Алсаповых. По магии он подходит, по складу характера — более чем. Если бы это было не высокопоставленное аристократическое семейство — арестовали бы еще вчера. Но, как ты понимаешь, нужны доказательства. Тем более ты распорядился, чтобы процесс был открытым. Я этого, прости, по-прежнему не понимаю! За каким проклятьем небесным нам нужен

открытый процесс?! Это — во-первых, а...

— Я хочу показать, — поднял руку император, перебивая брата, — что в Империи нет неприкосновенных. Аристократию давно не строили. Пора уже. Так что я настаиваю на аресте и суде. А вот теперь продолжай. Что там у тебя во-вторых?

— Зачем молодому, небедному, умному адъютанту его высочества... все это? Никто из тех, кто работает над этим делом, включая меня, не может понять мотив. Чего в жизни не хватало?

— Подвига, — невесело рассмеялся император. — Романтики. Вот узнаем — будем этим молодежь обеспечивать.

— Может, оно и так... Ладно, надо выдвигаться.

— Андрей, пообещай мне, что ты отправишься к жене и поговоришь с ней.

— Нет. Я заставил ее выйти за меня замуж шантажом — она в храм идти не хотела. Просила, чтобы я не выставлял ее напоказ перед всеми. Предложила просто приходить к ней. Представляешь, девочка предложила себя в любовницы, лишь бы о нашей связи никто не знал. Я отказался. А вот теперь думаю — мудро она рассуждала. Нет, брак надо было заключать. Но так, чтобы о нем никто не знал. Тогда мы были бы намного счастливей. И, главное, — вместе.

— Андрей, прекрати. Мы об этом уже говорили. Ты тот, кто ты есть. Не просто частное лицо — второй человек в государстве. Я готов дать тебе время, чтобы ты остыл, как-то договорился с супругой. Но ты же понимаешь...

— Понимаю, — он грустно улыбнулся, — второй человек в государстве все-таки... Все. Я пошел.

— Храни тебя Небеса...

* * *

Великий князь Радомиров не находил себе места. Все было просчитано до мелочей. Оставалось только ждать. Ждать и старательно изображать из себя приманку. Вот только терпение никогда не было добродетелью Великого князя.

Андрей Николаевич мерил широкими шагами пустые залы своего дворца. Ждал нападения. Радовался, что Ирина в безопасности, в госпитале. И никуда оттуда не выходит.

Шар, сочувственно мигая голубыми цифрами, подлетел и остановился на уровне глаз — с того момента, как князь вышел из портала, прошло лишь тридцать восемь минут. Великий князь вздохнул — и отправился в кабинет. Разбирать бумаги. Дел в свете последних событий накопилось неоправданно много, и предполагаемое покушение, на которое они так старательно заманивали одного из адъютантов наследника, было не поводом манкировать своими обязанностями.

Князь с тоской посмотрел на гору корреспонденции. Вызвал порученца:

— Дмитрий Всеволодович, будьте добры, распорядитесь, чтобы подали обед.

Молодой человек взглянул на него как-то недовольно.

— Что еще? — спросил Андрей Николаевич.

— Ваше сиятельство! — голос молодого человека просто звенел от негодования.

— Да?

— Вы должны что-нибудь предпринять!

У Великого князя брови поползли вверх.

— Князь Варейский выслеживает вашу жену! Он хочет поговорить с ней!

— Ирина Алексеевна находится под охраной моего личного состава. К тому же князь Варейский исключен из списка возможных подозреваемых. На это есть объективные причины.

Дмитрий Всеволодович посмотрел на него как на крайне неумного, но очень любимого ребенка. Князь, который не привык к подобным взглядам в свой адрес, рассвирепел.

— Будьте добры, распорядитесь об обеде, — холодно приказал он.

— Слушаюсь! — гаркнул молодой человек так, что у князя зазвенело в ушах.

— И пригласите на обед графа Морозова.

— Будет исполнено!

— Приготовьте бумаги по взаимодействию с высшими учебными заведениями. Пока ждем нападающих — я их вполне успею обсудить с военным министром.

— Разрешите выполнять!

Дождавшись кивка, Дмитрий Всеволодович удалился, преувеличенно старательно печатая шаг.

— Дожили... — проворчал Великий князь и вернулся к своим бумагам.

Граф Морозов отчего-то задерживался — и князь Андрей приступил к обеду один. Он еще не доел суп, как во дворце сработала система оповещения. Кто-то открывал с десяток порталов.

— О как! — откинул салфетку князь. Поднялся, довольно потянулся. Почувствовал, как дворец отрезали от всего остального мира...

Рядом с ним уже появились его охранники. И Дмитрий Всеволодович.

— Только оборона, — уточнил Великий князь. — Помните — мне необходим кукловод! И... Небеса с нами!

Они образовали классический оборонительный квадрат — по сторонам света. Князь Андрей — как самый сильный маг — взял на себя север. Север поморцам всегда давал защиту и был милостив. Значит, Небеса дадут, и сейчас не откажется от них...

Дмитрий Всеволодович стал атакующим, взял противовес — юг.

Охранники — два полковника Министерства безопасности Поморья, командиры отрядов специального назначения — держали запад и восток, обеспечивая стабильность всего построения.

— За свободу Поморья! — поприветствовали их... кадеты Военной Академии. Юные, румяные лица, блеск в глазах, форма болотного цвета. Князь успел поморщиться — да что ж такое! Опять дети...

В один слились несколько десятков выстрелов. Кадетов хорошо подготовили. В их распоряжении было новейшее изобретение военных — шестизарядные револьверы. Столовую затянуло едким дымом, но... Четверо обороняющихся не пострадали.

Андрей Николаевич хищно улыбнулся, поймав растерянные взгляды нападающих. А что ж они думали: в великокняжеском дворце кто хочешь — приходи, в кого хочешь — стреляй? Не выйдет! Защиту от огнестрельного оружия ставили еще при жизни батюшки Великого князя. Плохо подготовились бунтовщики — не просчитали... Ну эти — понятно, а кукловод? Ради того, чтоб выиграть эти несколько минут, послать на верную смерть детей?! Детей, которых придется убить...

Дмитрий Всеволодович глубоко вздохнул, широко раскинул руки, словно желая обнять весь мир... и резко, на выдохе, сжал кулаки.

Полтора десятка нападающих упали на пол. Вот и нет армии кукловода. Будто кто-то одним взмахом острого клинка отрезал марионеткам все ниточки.

Молодой маг побелел. Одно дело — тренировки. Другое — растерзать сердца живых людей...

Кто-то успел кинуть им под ноги ледовую бомбу...

— Э, нет, господа! — Великий князь ухмыльнулся. — Мой дворец — мои правила. Милости прошу в гости к князьям Радомировым!

Он мгновенно поместил бомбу в кокон их структурного льда — последняя разработка Сиялова. Внутри кокона гроыхнуло, но больше ничего не случилось.

«Надо будет Сиялова наградить: подарить виноградники да вишневый сад — пусть обеспечивает двор своим знаменитым напитком...»

А вот потом стало жарко. Судя по тому, как новая волна наступающих управлялась с клинками, — это были наемники. Значит, кадетов пушечным мясом запланировали на «разогрев». Умно. Умно, но жестоко. Жестоко, кукловод. Жестоко...

Защиту наемникам держал кто-то очень и очень... По крайней мере, повторить массовое колдовство, как с кадетами, Дмитрию Всеволодовичу не удалось. Как только молодой маг раскинул руки, в грудь ему метнули сразу несколько клинков.

— И на метательное оружие у нас наложено вето. Я не позволю, — усмехнулся Великий князь, легко поставив снежный щит на своих людей и при этом успев достать самого ретивого наемника кончиком шпаги.

Квадрат распался — на каждого из четырех обороняющихся приходилось по несколько наемников. И только то, что военные были сильными магами и держали щиты, давало возможность отбиваться, обходясь пока без особых ранений.

Но и наемники знали, что делают. Их было больше, и защиту кто-то им обеспечивал не хуже.

В какой-то момент Радомиров почувствовал, наконец, знакомую магию. Князь обрадовался ей как родной. Выманили! Выманили! Сомнений больше не было — это кто-то из аристократии Поморья. Попался!

Всю неделю на полигоне они тренировали перестроения. Генерал Макаров с них семь шкур спустил — требовал, чтобы умели и рассыпаться, и вести четкий рисунок боя, не мешая друг другу. Но сейчас необходимо было быстро собраться обратно в квадрат, чтобы в момент колдовства все четко находились по своим сторонам света.

— Север! — скомандовал Андрей Николаевич. — Перестроение!

Началась яростная, остервенелая контратака. Князь, его порученец и два полковника голодными волками ринулись на наемников. Злой перезвон клинков, хрип умирающих.

— Юг! — новая команда. И они снова в квадрате! Теперь Великий князь Радомиров был атакующим — действовали слаженно, все как один, — получилось! Ему не нужно было делать пассы или раскидывать руки. Он просто обрушил весь свой гнев... Главное — удержаться. Не спалить дворец так же, как свой дом...

Осколки льда пробивают защиту наемников, льдинки-дротики царапают дорогой, причудливый паркет из редких пород дерева. Пол во дворце покрыт лаком, секрет которого утратили со временем и так и не смогли восстановить... Жаль. Может, Сиялов? Мозаика паркета поплыла, и перед глазами встало морщинистое лицо в обрамлении серебристых волос, смешно торчащих во все стороны. Мгновение — и образ исчез, превратившись в кровавую кляксу, густая, на глазах сворачивающаяся жидкость медленно заполняла трещинки на паркете...

Льдинки хрустят под ногами, сладковатый запах крови, крики, стоны, его собственное хриплое дыхание, стук в висках... Прочь! Прочь из столовой. Туда, где в гостиной, за дверью, скромно стоит кукловод, который вот уже год не дает жить спокойно! Тот, кто посылает на смерть мальчишек. Тот, кто чуть не убил Ирину...

Ненависть застит глаза, руки трясутся от злости — только бы не разорвать его сразу, только бы выполнить приказ императора — дотянуть до казни! Только бы выдержки хватило, чтобы эту мразь не...

— Ты?!!

Это не Алсапов, которого он ожидал увидеть. И не Варейский, которого увидеть надеялся... Хвала Небесам, это и не сын его старинного друга — Волков, который, по словам отца, взялся за ум...

Перед ним стоял поэт и меланхолик... Самый слабый маг в свите наследника... Граф Соколов.

Великий князь легко выбил шпагу из рук мальчишки, проломил защиту, кинул адъютанта на колени, заломил руку назад...

— Как?! Как ты так строил порталы?! — рычал Андрей Николаевич, ломая пальцами кости на запястье мальчишки. — Как вербовал студентов? Откуда взялись кадеты?!

— Осторожнее! — крикнул кто-то из охранников.

— Он под золотой пылью, — задыхаясь от бега, прохрипел Дмитрий Всеволодович. — Посмотрите... Посмотрите на зрачки!

В глазах адъютанта действительно плескались крупинки золота.

— Вот как ты строил порталы и прыгал на такое расстояние... А мы сильного мага высчитывали. Кто разрабатывал операцию? Кто?!

— Ты хотел убить ее... — прошептал мальчишка, не чувствовавший боли.

— Кого?!

— Мою... любимую...

— Делать мне нечего, как твоих девок убивать!

— Не смей так говорить о ней...

— Да о ком?

— Моя прекрасная императрица... Я ее верный слуга...

— Что?!!

Князь Радомиров отскочил от Соколова, словно от прокаженного.

— Нет... Не может быть...

Адъютант наследника обмяк.

— Передоз, — констатировал Дмитрий Всеволодович. — Сердце вот-вот не выдержит.

— Меня что — заказала императрица? — спросил князь Андрей, не желая в это верить.

— Конечно, нет...

— Тогда зачем...

— Моя жизнь — служение ей!

— Умер...

— Открываются порталы!

— Андрей Николаевич! Что с вашей магией?!

Великий князь кивнул, поднимаясь. Его порученец был прав. Магия оказалась заблокирована. Соколов — очередная пешка — его смерть была нужна, чтобы привязать к ней магию князя... Ну что ж... Хороший ход, кукловод. Очень хороший...

— Вызываем помощь? — спросил один из охранников.

— Нет! Рано. Кукловода мы еще не видели.

И тут из первого же портала выпорхнула императрица. Мужчины напряглись, не зная, как реагировать. Каждый из них сейчас думал только об одном: смогут ли они ударить по ней, если, не приведи Небеса...

— Андрей Николаевич! — возмущенно сказала она, смотря прямо в глаза князю и не обращая ни на кого внимания. — Мы должны поговорить об Ирине Алексеевне!

— Императрицу в центр! — рявкнул Великий князь, принимая решение. — Защищаем правительницу!

Магия Марии Алексеевны оказалась щекотной... Как весенний ветерок, что холодит слезы... Странно, но женщина сразу сообразила, что делать. Без истерики. Без восклицаний или вопросов. Она, мгновенно оценив ситуацию, поняла, что Андрей Николаевич остался без магии. Императрица встала за спиной Великого князя, отправив ему на помощь свою.

Этот удар был страшен. Рухнул как подкошенный Дмитрий Всеволодович. Захрипел один из охранников — нападающие пытались пробиться к императрице.

Наемниками командовал человек в маске, которого князь Андрей узнал сразу — по манере двигаться со шпагой. О, конечно же, он эту манеру знал — этот человек учил и его, и императора... Он знал эту ауру. Эту магию...

Великий князь сбросил кольцо с мизинца на пол.

И когда, повинувшись приказу, прибыла помощь, а император, командуемый подкреплением, сорвал с поверженного маску...

— Небеса... Неужели... Вы?! Зачем?..

* * *

О хрустальной комнате, что находилась в подвалах Министерства Поморья, ходили легенды. Стены, пол, потолок и даже стул, больше похожий на трон, величественно возвышающийся посередине на невысоком постаменте, — все было сделано из чистейшего черного хрусталя. Комната полностью блокировала магию. Любую.

Друг их родителей, военный министр Поморья, граф Павел Афанасьевич Морозов, кавалер всех мыслимых и немыслимых орденов государства, сидел на черной глыбе неподвижно и величественно.

Император, его супруга и Великий князь Радомиров смотрели на него, и даже сквозь черный хрусталь им была видна мертвенная бледность... Кого? Предателя? Изменника? Злодея? Врага? Сумасшедшего? Знать бы...

— Ты... видишь их? — князь Радомиров обратился к императору, не отрывая взгляда от неподвижной фигуры в центре хрустальной комнаты.

— Да... — император отвернулся и тяжело вздохнул.

Он видел. Двух огромных, выше спинки черного трона, что возвышалась почти до середины комнаты, волков, сотканных из плотного, молочно-белого тумана. Духи. Духи Поморья. Именно они дадут императору силы в хрустальной камере, если понадобится. Они заставят министра говорить. И они же покарают изменника.

Первый раз император Александр видел их после смерти родителей. Огромные, белые, грациозные и величественные хищники... И видит их только он. Волки тогда медленно таяли в тумане, унося души правителей, бесшумно ступая по снегу, алому от крови. Столько времени

прошло. Он уговорил себя, что ему померещилось. Стресс, горе. Но он их видел. Это Дар Правителей. Это... Проклятье Правителей.

— Саша, — императрица подошла к мужу, вложила свою ледяную руку в его.

Он крепко сжал ее ладошку и... вспомнил. После смерти родителей, когда он первый раз увидел их — она точно так же подошла, сжала ладонь холодными пальцами. Сколько лет прошло...

— Ты их видишь? — прошептал император. Тогда он задал ей точно такой же вопрос.

— Вижу, Саша. Саша... Саша — обними меня! Мне страшно. Я боюсь... — одними губами проговорила она точно так же, как тогда.

Они целовались долго. Очень долго. Кружившие вокруг преступника огромные белые волки остановились, легли по обе стороны осужденного, положив морды на лапы и прикрыв глаза. Они охраняли преступника. Они делали вид, что не видят целующихся правителей Поморья. Они были спокойны. Потому что это было правильно.

— Маша... — начал император, но его прервал вернувшийся князь Радомиров, который, видимо, исчез, когда они с Машей... Молодец — вот только вернулся зачем?

— Александр... Нам пора.

— Мария Алексеевна, мы с князем займемся делами допросными. — Император открыл жене портал. — А вы... Вы сделаете самое главное.

— Что именно?

— Простите... меня...

Александр прижался к уху жены. И что-то ей прошептал. Мария Алексеевна покраснела. Он снова ее поцеловал — быстро. Жадно. Императрица ушла. Император же обратился к брату:

— Я принял решение — ты будешь слышать наш разговор.

— Как? Черный хрусталь блокирует магию. Может, попробуем зайти вместе? Наверняка правило о том, что зайти в черную комнату с преступником может только Правитель, — пережиток прошлого. Этой комнатой ни разу не пользовались, и никто о ней ничего не знает, кроме того, что черный хрусталь блокирует магию. Ну, не Духи же меня туда не пустят!

— Андрей... — Император жестом преградил князю дорогу. — Ты будешь слышать наш разговор. Я ручаюсь. И... я пойду один.

— Хорошо, — Радомиров пожал плечами и остался стоять, вглядываясь в черный хрусталь стены.

— Что-то ты долго, мальчик, — насмешливо приветствовал императора военный министр, друг и сподвижник. — Не решался зайти к старому, обезоруженному человеку?

— Как вы решились на измену, Павел Афанасьевич? — тяжело роняя слова, проговорил император. Он сидел напротив графа и смотрел ему прямо в глаза. Не отрываясь, но без вызова.

— Я не изменял ни вам, ни Империи Поморья, — с видом человека, абсолютно уверенного в своей правоте, проговорил граф Морозов.

— Почему же ваши поступки говорят об ином?

— То, что я пытался уничтожить твоего бездарного родственника, который дурно влиял что на тебя, что на наследника, — изменой не считается.

— Отчего же князь Андрей впал у вас в немилость?

— Значимость армии была ущемлена созданием Министерства безопасности. Армейцам нанесли тяжелейшие оскорбления, когда расформировывали части. Этот человек практически уничтожил то, на чем издревле стояла Империя Поморья! Аристократия пошла под нож точно так же, как перед этим командиры!

Князь Радомир вздрогнул от слов военного министра. Им пришлось сокращать армию — Поморье не могло прокормить столько дивизий. Он старался сделать все как можно безболезненнее, мучился, понимая, что так не получится... Но говорить о том, что он пустил командиров под нож... А он-то после Черной войны считал себя в армии своим...

— Армия... Допустим... Хотя я по-прежнему считаю, что это все надо было обсуждать, но никак не устраивать бунта... Тут я могу понять суть претензий. Но... аристократы?

— Дворянство дают всем, кому попало! Все это образование для всех, дикая мысль о том, что дети солдата могут стать генералами — посмотрите на этого Макарова! Это же просто оскорбление всем нашим предкам, что хранили Поморье сотни лет!

Император снова увидел волков. Они показывались лишь тогда, когда хотели, — он не мог контролировать эти видения. Сейчас призраки хищников снова появились и стали медленно кружить вокруг осужденного министра, пригибаясь к земле и скалясь...

— Личного дворянства еще надо добиться! — четко произнес император, стараясь не реагировать на происходящее. — А то, что можно завещать своим детям, надо еще заслужить! Беспорочной службой. Минимум трех поколений! И порядок этот неизменен со времен моего деда!

— Князь Радомир просовывает в высшее сословие удобных ему людей. И что остается аристократам? Только дегradировать, занимаясь идиотскими розыгрышами!

— С чего вы взяли, Павел Афанасьевич, что на меня кто-то оказывает воздействие? Император — я. И все, включая Андрея Николаевича, лишь выполняют мои приказы.

Граф Морозов ухмыльнулся:

— Действительно, у нас же в Империи есть еще и его императорское величество! Капризный, избалованный, похотливый мальчишка, который возомнил, что лучше знает, как развиваться моей стране...

— Я не предполагал, что предательство может исходить от вас. Моего друга, — уже ни к кому не обращаясь, скорее сам себе проговорил император.

— Оставьте этот увещательный тон. Мне не удалось то, что я задумал. Следовательно — я проиграл. Что-нибудь еще, ваше величество?

— Вы манипулировали Соколовым. Только им?

— Он оказался самым податливым. Остальные — нет. Сначала я хотел привлечь Варейского. Но понял, что он меня сдаст. В плане службы он... слишком правильный. Хотя до наследника вы его допустили зря!

— Остальные? — глухо спросил император.

— Алсапов — слишком хитер. Думаю, он ведет свою игру. Волков — человек князя Радомирова. Предан ему, как пес.

Андрей Николаевич, услышав это, скривился — мальчишку он, конечно, курировал. Но доклады о наследнике и его окружении сын старого друга не составлял. Привлекать его было бы... неправильно.

— Почему сейчас? Прошло уже больше десяти лет. И после победы в Черной войне. И с переформирования армии, — император был бледен, но говорил медленно и спокойно.

— Тогда я верил. А сейчас... Разочаровался.

Император поднялся. Он знал, что волки уйдут, унося душу военного министра так же, как уносили души его родителей. Но он не хотел и не собирался на это смотреть. Утром он отдаст распоряжение. Хрустальную комнату откроют и уничтожат тело.

* * *

Князь Радомиров стоял, закрыв глаза и прижавшись лбом к прохладной стене. Тупая боль поселилась внутри, мысли путались, в висках стучало. Он смертельно устал после боя. Перед глазами замелькали белые лица кадетов, расширенные зрачки Соколова, усыпанные золотой пылью, смуглое лицо молодой цыганки, ее белозубая, беззаботная, совсем еще детская улыбка. И голос:

— Один из твоих господ, князь, — человек нехороший, бояться тебе его надо, золотой ты наш, бежать надо! Душа у него черная, глаз алчный, сердце трусливое — предаст он тебя!

Серая шкура мелькнула среди сосен — цыганка исчезла. Теперь он видел белые стены дворца, свет шаров, бальные платья и улыбающегося Морозова. Ясные голубые глаза — смелые и... преданные. По крайней мере, им с братом всегда так казалось...

— Надеюсь, ты не будешь винить себя в том, что произошло? — спросил император, заставив князя очнуться.

— Нет... Не знаю.

— К журналистам я тебя не пущу, сам им все рассказывать буду.

— Напали подлые наемники, засланные нашими соседями?

— Именно так.

— А военный министр, совершенно случайно оказавшийся у меня во дворце и кинувшись мне на помощь, героически погиб за императора и Поморье?

Александр Александрович грустно согласился:

— Я буду думать, что он просто сошел с ума. Мне так легче.

— Мне тоже, — согласился глава Министерства безопасности Поморья, умолчав о том, что они с императором как раз собирались отправлять графа Морозова в отставку — и ставить вместо него генерала Макарова.

— А что делать с Соколовым? — вдруг спросил император.

— То же самое? Погиб, помогая?

— Нет. Он умер — и то, что он употреблял золотую пыльцу, наверняка откроется. Раскопают. Значит... Он предатель.

— А не ударит ли это по престижу императрицы?

— Надо согласовывать с управлением по связям с общественностью. Думаю, что они сделают это хорошо. А аристократам все-таки надо показать, что неподсудных нет.

Князь Радомиров только кивнул.

— Все. Иди домой. Отдыхай. Может, правда с Ириной поговоришь?

— Ваше величество!

— Как знаешь. Свободен.

Идею о том, чтобы пройтись по улицам Поморска, посмотреть на людей — и почувствовать себя живым, можно было отмести как неудачную. Журналисты его просто преследовали. Не наседали — справедливо полагая, что можно получить боевыми заклинаниями от охраны князя, но и не отступали. Материал-то был нужен. На очередном повороте родственник императора сдался. Остановился. Дождался, пока журналисты подойдут поближе.

— В следующий раз я вызову войска, — искренне предупредил он. — Пользуйтесь тем, что у меня нет сейчас настроения дергать занятых людей. Задавайте свои вопросы — и проваливайте! И вообще — его величество разговаривает с журналистами во дворце. Я-то вам зачем?

— Ваше сиятельство! Все, что говорила о ваших отношениях княгиня Радомирова, — это правда?

— Что же именно говорила моя супруга?

— Что-то о большой любви...

— Мне непонятна ваша ирония в голосе, — отрезал князь. — Не забывайтесь. Меня действительно спасла Ирина Алексеевна, которая, как вы знаете, является целительницей и оперирующим хирургом в Центральном Военном госпитале. Кстати говоря, я настоятельно советую вам ее не беспокоить. Помните о том, что она каждый день стоит у операционного стола, спасая чью-то жизнь.

— И все же, что вы можете сказать о ваших отношениях?

Вид замершего на мгновения Великого князя Радомирова, от которого понеслась волна дикого

бешенства, заставил журналистов не только вздрогнуть от страха, но и еще бодрее задавать вопросы. А что? В репортеры всегда шли люди бесшабашные... Хотя все уже знали о том, что князь в припадке ярости спалил собственный дом. Но он же дал время вывести людей... Значит, себя он все же контролирует. Значит, можно задавать вопросы...

— Как вы относитесь к княгине? — выкрикнул кто-то совсем отчаянный.

— Я ее люблю, — тихо и как-то злобно рыкнул Радомиров.

— Тогда почему ваша жена сейчас не с вами?

Репортеры от радости, что беседуют с министром безопасности Поморья, Великим князем Радомировым, двоюродным братом императора, просто сходили с ума... Вероятно, еще и оттого, что он впервые отвечает на вопросы, а не приказывает им проваливать подальше и не мешаться.

— Думаю, мою жену оскорбило то, что я не смог ее оградить... уберечь, — спустя длительное время все же ответил князь. — Ведь замужество — это не только любовь, но и защита. А я... не смог...

Он до полуночи бродил по улицам, одними глазами задавая всему, что видел, один и тот же вопрос:

— Где она? Вы ее видели? Здорова? Простила? — Но светящиеся шары молчали, деревья не желали отвечать, небо и вовсе отвернулось. Оказывается, небо, такое огромное, такое красивое, — стоит лишь голову поднять, и — вот оно — все твое, может развернуться спиной, молчанием показывая, что оно еще не простило...

Почему-то мысль о том, что он окажется в доме, в котором нет Иры, доставляла физическую боль. Превратиться бы в призрака. Грустное, скитающееся привидение Поморья. Забыть обо всем и летать по заснеженным улицам столицы, пугая граждан Империи.

Когда князь совсем замерз, то перенесся в поместье на берегу моря. В Джанхот. Хоть чуть-чуть, но поближе к ней...

Дом встретил его растопленным камином, непонятным уютом. Не усаживаясь за накрытый почему-то на двоих стол, Великий князь Радомиров что-то проглотил. Стоя, почти не жуя. Прислушался. К дому. К себе. Что-то... Что-то было не так.

Внутри него не было той пустоты, которая в последнюю неделю сводила с ума. А еще... в доме пахло Ирой. Боясь себе поверить, уговаривая не сходить с ума, Андрей пошел наверх — сначала быстро, потом все замедляя и замедляя шаги — взяться жене тут, в поместье, было просто неоткуда.

Тихонько приоткрыл дверь в спальню — темно и тихо. Приказал зажечься свету — едва-едва, лишь чуть растопить черноту вокруг — и руки все-таки дрогнули.

В спальне никого не было. Ожидаемо.

Но надежда зубной болью дергала изнутри. Он заглянул в ванную комнату — улыбнулся, вспомнив, что как-то потерял Иру. Вышел, стал по очереди открывать все двери — с каждой пустой и темной комнатой хмурясь все больше и больше.

Стал взывать к здравому смыслу — ее здесь нет. Нет и быть не может.

Но князь упрямо открывал все двери подряд. Спустился на первый этаж. И в библиотеке нашел-таки жену, спящую в кресле около камина.

— Ласточка моя! — прошептал он. Скинул китель — вспомнил, как тогда, в госпитале, оцарапал ее планками орденов. Прижал к себе.

Жена сонно, немного недовольно прошептала:

— Ты ужинал? — и еще крепче прижалась к нему.

Столица. Февраль. Она

Плодотворная рабочая неделя подошла к концу. В свете моих переживаний можно было бы добавить: «К сожалению».

Вспомнив старую присказку о том, что все дурные мысли в голову приходят от праздности, я загрузила себя работой так, чтобы ни на что другое сил больше не оставалось. Жаль только, что больше двух операций в день княгиня Снегова проводить не позволяла, запретив также брать лишние дежурства. Но я не сдавалась — отправила в Академию Целительства письмо, в котором предложила свою помощь. В результате под мою опеку выделили практиканток, с которыми я и занималась до полного изнеможения.

А еще удивительные приключения боевого некроманта заменили поморские газеты... Я узнала, что покушение на меня и наследника затеяла влюбленная в князя Радомирова графиня Дубовицкая, мстя двоюродному брату императора за пренебрежение. Указ императора о ее казни был приведен в исполнение такого-то числа... Мысль о том, что из-за меня погиб человек, приводила в ужас. Хотя Мария Алексеевна и пыталась меня успокоить... Чувство вины не проходило.

С мужем мы так и не говорили. Он ни разу за последнюю неделю не пытался со мной связаться. Может быть, потому, что был занят. Может быть, потому, что Тамара Ильинична передала, что я пока не готова с ним поговорить. Я правда была не готова... Не готова — и все... Жалко было наш дом... Жаль нас... Но... Я оставалась жить в госпитале и так и не нашла в себе силы на что-то решиться.

Кстати говоря, в приемный покой меня по-прежнему не пускали. Но в эту пятницу я туда прорвалась — пусть даже и поскандалив с начальником смены.

Столицу занесло снегом — травм было много. И если с детьми все просто — кости, связки, мышцы срастались у них быстро, главное, вовремя оказать необходимую помощь, то с пожилыми людьми и их конечностями куда сложнее. И гораздо медленнее.

Все шло как всегда, в рабочем режиме. Мы с моими девочками отправились на помощь коллегам, что просто не успевали осматривать пострадавших.

— Ирина Алексеевна! — обратилась ко мне Наталья Николаевна. — Вы еще не ушли? Это хорошо.

Я удивленно на нее посмотрела — обычно она выпроваживала меня отдыхать, ругая теперь и

за то, что я не только сама домой не стремлюсь попасть, но еще и девочек-практиканток не пускаю.

— Вы мне нужны. Пойдемте, посмотрим пострадавшую.

— Кто у нас там? — подняла я глаза на заведующую.

— Мне неловко беспокоить вас по такому вопросу, но... — княгиня Снегова смущенно вздохнула. — У нас там прима-балерина императорского театра, Нина Холодная. Я бы вас не беспокоила, но мне одной не справиться. А к моей новой ассистентке я еще так не привыкла.

— Пойдемте, посмотрим, — кивнула я. Удивилась такому поведению начальницы, но решила не обращать внимания.

— Танцовщица год назад травмировала спину, сейчас боли усилились, — стала торопливо объяснять Наталья Николаевна. — Сейчас в Императорском театре идут репетиции балета «Ари и Рэй». Постановка в самом разгаре. Впрочем, это не важно...

Княгиня нервно отмахнулась, перевела дыхание и продолжала рассказывать, пока мы с ней пролетали один коридор за другим:

— Балерина просто рухнула на репетиции. Князь Снегов, мой муж, при этом присутствовал, он... страстный балетоман. Меценат. Покровительствует труппе Императорского театра. А уж балет «Ари и Рэй» — это вообще его мечта... Он завернул эту «Ари» в шубу — и принес мне!

Она говорила о муже чуть насмешливо, но с такой любовью, уважением и пониманием... У меня на мгновение сжалось сердце... Андрей-Андрей... Что же у нас получилось не так... Почему...

Наконец мы пришли.

Балерина чем-то напомнила мне императрицу Марию Алексеевну. Не внешностью, нет. Совершенством.

Белая фарфоровая кожа, темные гладкие блестящие волосы и такие же темные, огромные блестящие глаза. И я знала, как зовут этот блеск, — боль... Хрупкая, тоненькая, она лежала на кушетке в кабинете у Натальи Николаевны. Увидев нас, попыталась встать, но была остановлена резким, красноречивым жестом княгини.

— Что мне надо сделать, чтобы танцевать? — голос был красивым. Нежным, но сильным. И снова она напомнила мне Марию Алексеевну. Наверное, она тоже императрица. Императрица Императорского театра...

— Хотите танцевать — давайте вылечим вашу спину, — ответила Наталья Николаевна. — Как вообще можно было настолько не заботиться о себе?

— Вы не понимаете, — устало произнесла балерина почти шепотом. — Танцы — это... Возможность существовать. Пожалуй, единственная...

И она посмотрела на меня. Пристально и внимательно. В глазах ее промелькнуло что-то... На мгновение стало не по себе. Я заставила взять себя в руки. Это все усталость. Надо, наверное, все-таки попросить хотя бы один выходной.

— И ради танцев вы готовы терпеть такую боль?

Я почувствовала только отголосок ее боли... Меня накрыло волной такой силы, что я еле удержалась на ногах!

— Да, — ответила она. — Что вы делаете?

— Не мешайте, — хором пригрозили мы, склоняясь над балериной. Снегова снимала боль в спине, а я работала над левой ногой, сведенной так, что та казалась деревянной.

Когда Наталья Николаевна поднялась, ее руки тряслись. Нине, казалось, стало легче — балерина обмякла на кушетке сломанной куклой.

— Ирина Алексеевна. — Княгиня Снегова вытерла влажный лоб полотенцем. — Посмотрите спину больной, подумайте, что можно сделать. Потом сверим ощущения. Я пока схожу посмотрю, кто у нас из диагностов еще в госпитале.

— Вы действительно жена Великого князя Радомира? — спросила у меня балерина, как только мы остались вдвоем.

— Да, — кивнула я. — Раздевайтесь, я принесу вам халат.

— Надо же. А я не верила, что вы на самом деле работаете в госпитале.

— Помолчите, пожалуйста. Вы меня отвлекаете.

Я осторожно провела ладонями над ее позвоночником от шеи до крестца.

— Где больно? Или печет?

— Везде.

— Как же так... Почему вы не обратились к целительницам раньше?

— Зачем? Я же могла танцевать. А все остальное можно перетерпеть.

Я просто восхитилась — это же какое упрямство! Или... глупость?! Какое пренебрежение своим здоровьем! Какое умение терпеть боль! Все это вызывало раздражение и восхищение одновременно. Даже не знаю, чего во мне в тот момент было больше...

— По состоянию вашего позвоночника могу сказать, что у вас грыжи гроздьями. А в крестцовом отделе — вот здесь — одна из них защемила седалищный нерв. Боль вы чувствуете такую, что шаге на сороковом ложитесь на пол и катаетесь, пытаетесь найти позу, в которой отпустит. А ступню, вот здесь, слева, вы уже не чувствуете. И если я могу попытаться понять, как для вас важно станцевать какой-то балет, то понять, по какой причине вы рискуете остаться калекой... Я не могу.

— Что будет, если я дам разрешение на операцию? Через сколько я смогу восстановиться?

— Диагност придет и скажет точно, что у вас с позвоночником. Я не знаю, сколько времени уйдет на восстановление, но речь идет не о неделях. А о нескольких месяцах.

— Можно ли облегчить боль, станцевать — хотя бы премьерные спектакли, а потом лечь на операцию?

— Риск. Но, опять же, надо смотреть на состояние грыжи и позвонков.

— Понимаете... Там, где мы пробиваемся, все очень жестоко. И к боли... можно привыкнуть. А вот к тому, что можно рухнуть с вершины, на которую пробивалась, сколько себя помнишь... Нет.

— То есть если я правильно вас поняла, сейчас наша задача — облегчить ваше состояние и дать возможность станцевать? А потом вы придете на операцию?

— Совершенно верно.

— Послушайте, но если у вас отнимутся ноги... Никаких танцев не будет! Давайте думать, как нам поступить. К тому же у меня есть идея. И, кстати говоря, какие обезболивающие вы принимаете? И есть ли какие-нибудь ограничения в лекарствах?

Мы провозились с прима-балериной Императорского театра до глубокой ночи. Тихонько разводили узкие каналы позвонков, высвобождали нервные окончания, укрепляли сумки грыж, чтобы они дожили до операции и не повредились. И все это консервативно, без операционного вмешательства.

Когда мы закончили, то переглянулись с Натальей Николаевной — обе были мокрые, как будто купались прямо так, в белых одеждах целительниц.

— Завтра надо повторить, — с трудом выговорила я.

— Да... — выдохнула начальница.

Я даже обрадовалась тому, что с утра в субботу буду чем-то занята. Что можно отложить поиски квартиры, и не только... Что есть чем оправдать свое нежелание покидать госпиталь, чтобы решать личные проблемы.

Но Наталья Николаевна просто-напросто выставила меня из госпиталя.

— Гулять! — приказала она мне. — Срочно дышать воздухом! Вы уже неделю наружу не выходили!

Мне не хотелось, но спорить с княгиней Снеговой было бесполезно. Поэтому я решила быстренько сбежать в ближайший книжный магазин. И на этом успокоиться. Заодно будет чем скоротать вечер. Что-то мне подсказывало, что к больным меня не пустят.

Но, как только я перешла дорогу, увидела князя Варейского. Был он... не то чтобы осунувшийся. Просто какой-то другой.

— Ирина Алексеевна, — окликнул он меня. — Здравствуйте. А я вас который день высматриваю. По-моему, это очень раздражает вашу охрану.

— Михаил Олегович, добрый день, — почему-то улыбнулась я.

Странно, но после того, как мы ушли из поместья, где нас захватили в заложники, живыми, я не чувствовала в отношении князя Варейского ни гнева, ни злости. Может быть, виновато его сердце, что вернуло мне Дар?..

— Вы могли бы уделить мне несколько минут? — Он с подозрением посмотрел на меня — видимо, то, что я не шиплю как змея и не отскакиваю в сторону, показалось ему странным.

— Отчего нет... Только давайте отправимся куда-нибудь — и выпьем чаю. Холодно.

— А... репортеры?

— Поздно, любезный князь. Вы уже подошли ко мне, теперь напишут что угодно. И уже без разницы — виновны вы или нет.

— А вы изменились, — посмотрел он на меня внимательно.

— Да, я изменилась. — На миг кольнуло сердце. — Но это, как я понимаю, к делу не относится. Не переживайте — приставленная ко мне охрана подтвердит ваше приличное поведение.

Мы зашли в милую кондитерскую неподалеку. Уселись за столик. Сделали заказ.

— А почему не кофе? Утро ведь?

— Не люблю, — призналась я. — Да и не действует он на меня бодряще.

Девушка накрыла на столик, стрельнула глазами в молодого красавца-князя, потом, с явно читающимся недоумением, мазнула взглядом по мне. Мне стало смешно. Князь нахмурился.

— Я пришел, чтобы извиниться, — негромко начал Варейский. — Я и так непростительно долго тянул с этим.

— За что именно вы хотите извиниться?

— Как с вами тяжело...

— Если вы хотите извиниться за то, что похитили невесту Великого князя Радомира и подвергли ее жизнь опасности, то ваше сожаление оставьте при себе, — сказала я тихо — и сама не ожидала, как злобно это прозвучит.

— А если не только?

— А если не только, — тяжело вздохнула я, — то вам придется научиться слышать других людей. Не только себя, князя Радомира или наследника.

— Мне все чаще приходит в голову мысль о том, что выжил я зря, — пробормотал он. — Сначала этот долг жизни вам. Как он меня гнетет, вы не представляете. Потом князь Радомир, ваш супруг, который унизил, отказавшись вызвать меня на дуэль. Это такое унижение! Зачем мне такая жизнь...

— Послушайте меня внимательно, любезный Михаил Олегович. Самое ценное, что есть, — это человеческая жизнь. Биение сердца, яркость глаз, смех ребенка... Жизнью иной раз приходится жертвовать — вспомним пример гибели моей семьи... Все остальные нехотения жить — глупости. И праздность. И за сочувствием о том, что вы героически не лишились жизни... Это, знаете ли, не ко мне. Мне как-то пришлось закрыть глаза ребенку, которому я не смогла помочь. А потом выйти к его родителям и сообщить о том, что их мальчик умер... Поэтому...

У меня перехватило дыхание — я смогла лишь взмахнуть рукой.

— В любом случае, у меня слишком плебейское происхождение, чтобы я могла понять ваши

душевные терзания, — выговорила я наконец. — Могу лишь посоветовать заняться чем-нибудь. И не путешествием, подкармливающим сплин... А делом. Работать не пробовали?

К моему удивлению, князь не оскорбился. Невесело, но усмехнулся. И ответил мне:

— Как у вас ядовито получилось произнести «душевные терзания»...

— А вы хотели сочувствия?

— Сам не знаю, чего я хотел.

— Какое-нибудь суточное дежурство с высокой ответственностью, — отрезала я. — И так несколько дней, пока мысли не будут только об одном — упасть и не шевелиться. Когда даже есть не будет хотеться. Попробуйте. Гарантирую — поможет.

Я выскочила из кондитерской и понеслась куда-то, не разбирая дороги. Шла как революционер, печатая шаг, запрокинув голову, не застегивая пальто... Я злилась. Меня трясло от негодования. Потом праведный гнев утих, и я заплакала. Села на скамейку и заплакала. Не знаю почему — устала, наверное...

Незаметно стемнело. Я отерла глаза. Три шарика висели прямо передо мной — утешали.

— Ну... здравствуйте! Как поживаете? Я соскучилась, правда... Очень рада! Вы как будто стали чуть ярче или мне кажется?

Шары радостно замигали и стали кружиться вокруг. Снова накрыло ощущение, что они живые...

— Хотите проводить меня домой? Ну что ж... пойдете! Хотя... у меня сейчас нет дома. Свой, маленький, на юге — я бросила. А большой, наш... Андрей спалил. Побудьте со мной. Я не против — даже наоборот... Скучно, знаете ли, одной. Особенно в последнее время. Нет, раньше — я любила одиночество, правда! А потом... Потом я вышла замуж и... Понимаете, мой муж, князь Радомиров, он... Он...

И я опять заплакала.

Когда успокоилась, оказалось, что я забрела куда-то. Видимо, не заметила, как свернула со Снежного бульвара. Шары были рядом — хоть это хорошо. Вдруг пошел снег. Повалил внезапно крупными хлопьями, да так, что видимости не стало. Только шарики мигали теплым желтым светом, подлетев поближе, будто боялись потеряться.

Я остановилась в нерешительности. Двигаться куда-либо смысла не было — все равно не видно ничего. Стало страшно. Одиноко. Неуютно. Холодно... Захотелось к Андрею. Андрей... Андрей! Андрей — найди меня, пожалуйста, пожалуйста, найди... Небеса! Я хочу к нему... Слышите меня?! Я хочу к нему! Пожалуйста...

— Ирочка... — я услышала знакомый голос.

Из метели вышла Мария Ивановна. Откуда? Что она здесь делает? И неужели это действительно она приходила тогда ко мне в палату? Снег падал на ее длинную белую шубу, но даже сквозь пелену снега было тепло от ее улыбки.

— Ирочка, что же ты, девочка? Заблудилась?

— Заблудилась, Мария Ивановна... Заблудилась...

— Иди, девочка. Иди!

И старушка открыла портал.

Сердце радостно забилось. Я знала, что портал вел в Джанхот, в наш дом с Андреем. Я просто знала это, как и то, что именно там я хочу очутиться. Сейчас, немедленно, сию минуту! Это — выход, это — правильный путь. И я сделала шаг. Наверное, если заблудиться в дремучем лесу, а потом выйти на дорогу, испытываешь то же самое...

Вокруг был полумрак, но запахи дома в Джанхоте не спутаешь ни с чем. Шары переместились вместе со мной! Они осветили нашу спальню. Потом мы все вместе прошли на кухню.

Вестовые сгружали тарелки с ужином в холодное. Два молодых человека первого года службы.

— Ирина Алексеевна! — поздоровались они со мной. — Добрый вечер!

И такое счастье было на их открытых лицах, что я просто смутилась.

— Вишневый сок доставили, — быстро отчитался один из них. — И креветки есть! Если что-то надо еще — только скажите!

— Может, велите за романом о некроманте послать? Мы мигом...

— Не надо, — улыбнулась я. — И вот что... Ужин я приготовлю сама.

Я выставила их и стала готовить ужин. Жарила мясо, пекла блины. Не знаю почему — но я была уверена, что Андрей придет. После того как румяные блинчики с мясом были готовы — целое блюдо получилось, — я накрыла их салфеткой и пошла в библиотеку — найти что-нибудь почитать. Шарики полетели следом.

Библиотека была огромна. Начищенные специальным маслом, сохраняющим редкие породы дерева, резные шкафы. Полки, доверху забитые томами, атласами, картами. Длинный стол зеленого сукна. Канделябры, камин, кресла... Да уж... Роман про боевого некроманта я тут точно не найду. Что же почитать? словно ответив на мое замешательство, шарики остановились. Вальсируя, они зависли над столом, возле большой прямоугольной шкатулки. Я только один раз спрашивала Андрея, что там. Он говорил про свою маму и какую-то сказку.

Шкатулка открылась сразу — застежка поддалась, даже не скрипнув. Внутри было что-то, завернутое в парчу голубого цвета. Кусок ткани выщел и потускнел. Запах жасмина. Книга. Тонкие страницы пожелтели от времени. Черно-белые гравюры, бархатный переплет...

Конечно, я знала эту сказку. Ее все в Поморье знают.

В стране ледяного ветра, во дворце, спит прекрасная Ари, и никто не может ее найти, чтобы разбудить. И только когда на ее поиски отправился принц Рэй, дворец обнаружил себя северным сиянием над морем. Так Рэй нашел остров и смог разбудить девушку с помощью зелья, которое сварила лесная колдунья. Многие смельчаки пытались отыскать этот остров, но все погибли из-за метели и холодов. Рэю же помогли духи Поморья — огромные белые снежные волки.

Я забралась с ногами в кресло, шары услужливо подлетели ближе, освещая искусно выполненные гравюры. Рассматривая их, я не заметила, как заснула.

Мне снился ледяной дворец, сверкающий радугой на солнце. Внутри гулким эхом раздаются шаги храброго Рэя. Его заснеженные сапоги осторожно ступают по гладкому блестящему льду. Прекрасная Ари лежит на спинах девяти белых волчиц, алой раной сидит на груди ее стая снегирей. Губы принцессы подернуты инеем, лицо белое, как сама смерть. И вдруг — будто заря взошла — вспорхнули птички, закружились вокруг Рэя, что бережно поднес к бескровным губам возлюбленной колдовской напиток.

Снилась собственная свадьба с Андреем. Алтарь в храме Небес укрыт вышитым покрывалом: белые волки бегут сквозь метель — помогают Рэю найти Ари. На свадебном столе — пирожки с брусничным вареньем в форме птиц. Такие пекут в Поморье только на свадебный стол. Волки и снегири — слуги Ари... Традиционное бирюзовое платье невесты с белоснежным кружевом — это ледяной дворец, в котором до сих пор спала красавица. Молодым подносят травяной напиток — зелье лесной колдуньи, чтобы разбудить их любовь... Я стала понимать сквозь сон, что свадебный обряд Поморья — это сказка об Ари и Рэе. Все эти традиции трогательны, наивны и мудры одновременно. А я так к этому относилась. Неправильно, враждебно. Захотелось увидеть Андрея, назвать его мужем, накормить ужином...

Чьи-то теплые ладони взяли мое лицо в свои. Я почувствовала такую бешеную радость от того, что он пришел. Я так много хотела ему сказать. Рассказать. Объяснить. А сказала только:

— Ты ужинал? — и еще крепче прижалась к нему.

ЭПИЛОГ

Снег тихо падал, укутывая дом, в котором за столом сидели двое. Блюдо с блинчиками, вышитая снегирями скатерть.

— Ой, Андрюш... Подожди! Я там специально тебе оставила — чтобы теплые еще... Я сейчас!

Женщина бегала по кухне, суетилась. Мужчина улыбался, вытирая руки салфеткой.

— Уже цапнул! Я же тебе сказала, подожди, я теплые достану! — Она подвинула к нему тарелку. — Вот, попробуй! — улыбнулась.

— Очень вкусно, честное слово! — Андрей сделал попытку ее поцеловать, но жена увернулась.

— Но теплые-то вкуснее! А ты взял и весь аппетит перебил!

Княгиня скрестила руки на груди, нахмурилась.

— Что ты, родная! Мой аппетит невозможно испортить ничем, если это готовила ты...

Женщина покраснела от удовольствия.

— Правда?

— Конечно!

— Тогда — ешь! — и она протянула ему аппетитный румяный блинчик. Он улыбнулся и с наслаждением откусил...

Они смотрели друг на друга. Долго. Глаза в глаза. На тарелке перед ним лежал блин, из которого вываливались креветки.

— Ира... Что это?

— Это? Розыгрыш...

Снег тихо падал. Двое пожилых людей стояли напротив окна, отбрасывая на снег длинные... волчьи тени. Там, внутри, теплым желтым светом горели шары. Двое — мужчина и женщина — бегали друг за другом вокруг большого стола...

— Что у вас, Серафим Валерианович? — спросила старушка, не отрывая взгляда от них.

— Все хорошо. Император и императрица пишут закон, запрещающий розыгрыши. Вторые сутки из спальни не выходят. А что у вас, Мария Ивановна? Они что, в догонялки играют?

— Да нет. Я не совсем поняла, но, кажется, она что-то сделала с едой, и теперь он пытается ее поймать...

— Тоже ничего...

— Пойдемте, Серафим Валерианович. Нам тут больше нечего делать.

Два сгорбленных силуэта росли, сливаясь с синими тенями, и вот уже два огромных белых волка скользнули в лес. Медленно и величественно хищники-призраки шли в тишине векового леса. Было слышно, как снег падает на жесткую шерсть, как под мягкими лапами дышит земля Поморья, рождая семена целебных трав — сокровища Зирры, как улыбаются встречному ветру над кронами заповедных сосен Небеса.

Ветер. На всей Земле остался только ветер. Он летел, кружа над волчьим следом, топорща белую шерсть, обнимая стройные сосны, лаская крылья чаек, умываясь ледяными брызгами прибоя на ходу, — туда, где уже начинается новая сказка.

Несколькими днями позднее

— Передайте его сиятельству, князю Снегову, что мы с супругой не сможем посетить премьеру балета «Ари и Рэй». Искренне сожалеем и выражаем огромную благодарность за приглашение.

— Могу ли я уверить его сиятельство, князя Снегова, — чуть поклонился порученец, — что это очень взвешенное решение вашего сиятельства?..

Князь Радомиров посмотрел на Дмитрия Всеволодовича раздраженно. Он в очередной раз задался вопросом: почему молодой, умный, перспективный маг — один из самых сильных в Империи Поморья — довольствуется должностью порученца при министре безопасности? Нет, претензий к его работе у Радомирова не было — не считая подобных иронических выходов, которые порученцу позволялись благодаря его, князя, личной симпатии к последнему. Неужели молодой человек до сих пор считает себя обязанным, отдавая долг, который сам же себе и выдумал?

— А не пора ли вам на повышение? — спросил он у Дмитрия Всеволодовича.

Тот лишь поклонился — и отрицательно покачал головой.

— Но послушайте. С вашим потенциалом...

— С ним все в порядке, — улыбнулся молодой человек. — К тому же профессор Сиялов лично заинтересовался моей персоной. Мы с ним стали заниматься теоретической магией.

— Смотрите сами, — проворчал князь. — Мы еще вернемся к этому вопросу.

— Как вам будет угодно.

— Что с газетчиками?

— Несмотря на вспыхнувший интерес к биографии балерины Нины Холодной, в статьях ничего про вашу связь упомянуто не будет. Я достаточно доходчиво объяснил всем, что степень вашего гнева будет достаточно высока. Похоже, акулы пера прониклись.

— Хорошо. Свободны.

И уже уходя, порученец услышал, как князь проворчал:

— И с чего Ира вдруг газеты читать начала? Вот не было печали! Может, заплатить... кто там у нас про некроманта кропает — пусть поторопится с продолжением?

Счастье князя Радомирова было безгранично — Ира вернулась к нему... Жена стала другой. Спокойнее. Мягче. Мудрее. Теперь ее движения напоминали Андрею мать — плавные, нежные, исполненные осознанного внутреннего спокойствия и света.

Это было неожиданно, невероятно... как снег в июле. Они оба до смешного старались не задеть друг друга. Ему было стыдно за выходку со сгоревшим домом. За то, что не посмел прийти к ней. Ей — неловко от того, что так долго не решалась возвратиться к нему, хотела отречься от их любви...

Княгиня Радомирова сама предложила жить в Мраморном дворце. Попробовать сделать его своим домом.

— Все равно детей нужно будет воспитывать как княжичей, — пробормотала она.

Князь смотрел в окно своего кабинета в Министерстве и вспоминал, как это было. Вот она, его Ирочка. Ласточкой пролетела мраморную залу, замерла у огромных окон. Чуть тронула тяжелые бархатные портьеры и вдруг сильным, полным жизни жестом отдернула их! Свет. Солнечный свет залил всю залу, обнял осиную талию, золотом осыпал волну волос.

Они танцевали вальс под музыку, что звучала внутри, в сердце, и счастье, счастье-балетмейстер кружилось вместе с ними, нашептывая нужные па. Свет, солнце, счастье, вальс, она...

— Ваше сиятельство!

— Что еще?

Чувства князя Андрея уже стали складываться в строчки стихотворения, что хотел подарить любимой женщине... И вот — отвлекли! Небеса их прокляни...

Он почти не удивился, услышав, что на аудиенции настаивает молодой и неугомонный князь Варейский.

— Опять!

Великий князь Радомиров только начал радоваться тому факту, что Михаил Олегович перестал его преследовать с идеей дуэли. Андрей знал, что Варейский с Ириной беседовали в кофейне — охрана доложила. Разговор был недолгим, спокойным. Интересно, что ему Ира сказала тогда? И с чего молодой князь снова... активизировался?

Андрей Николаевич обреченно посмотрел на порученца. Тот изобразил сочувствие — и сказал, чуть поклонившись:

— Их сиятельство с заявлением.

— Каким?

— О приеме на службу.

— Куда?!

— К нам. В Министерство.

— Зовите...

Варейский был бледен. Но глаза сверкали. Худой, измученный, возможно, бессонными ночами, какой-то осунувшийся, он тем не менее решительно промаршировал через кабинет Великого князя, щелкнул каблуками, склонился перед родственником императора — и протянул тому лист бумаги с гербом Варейских.

Князь раздраженно взял бумагу, мельком взглянув на вытянувшегося перед ним молодого человека. Герб Варейских — белая куница и ветвь, склонившаяся под тяжестью кедровых шишек. Богатство, изворотливость, ум. Куница — опасный и хитрый зверь. Он вспомнил изображение огромной белоснежной совы и надпись: «Мудрость и преданность» — герб Морозовых. Вспомнил серого волка — символ цыган. Предрассудки, что окутывают плотным кольцом серое племя. Жесткую серую волчью шкуру, которая согревала его во время лихорадки после ранения.

— Михаил Олегович, — спустя долгую-долгую паузу проговорил Радомиров, прочитав несколько строк на листе. — Вы решили свести меня с ума? Так или иначе?

— Никак нет! Я желаю служить Поморью! — вид Варейский при этом имел самый бравый.

Андрей Николаевич побарабанил пальцами по столу, прикидывая все «за» и «против».

— Вы же прекрасно понимаете, что, подписав эту бумагу, я к вечеру буду иметь удовольствие лицезреть вашу матушку. И выслушивать...

— Нет, — перебил его молодой князь, напрашивающийся на службу. — Не будете. В этом вопросе мы обойдемся без моих родственников.

Михаил Олегович говорил холодно и вид при этом имел весьма решительный. Радомиров почему-то удовлетворенно кивнул, хотя матушка Варейского была знаменитой в Поморске личностью. Заботой о единственном и любимом сыне она буквально сводила с ума всех и каждого, кто хоть как-то был причастен к его судьбе.

— Присаживайтесь, — разрешил Радомиров. — Давайте обсудим ваше решение... По правде

говоря, оно для меня... весьма неожиданное.

— Мне посоветовали занять себя каким-то делом. Приносящим пользу. С высокой степенью ответственности, — в глазах князя мелькнула улыбка. И неожиданное тепло.

«Вот, значит, о чем они говорили с Ирой», — понял Радомиров.

— По образованию я военный юрист. Был не последним на курсе, — отчитался Варейский.

— А почему не в армию?

— Там матушка сможет организовать все так, что я буду... Где-нибудь в безопасности, тепле и сытости. Одним словом — не на службе, а на курорте.

— А я, значит, смогу ей противостоять?

Варейский склонил голову.

— Я хочу понять, Михаил Олегович, — вздохнул Великий князь, — это взвешенное решение мужчины или очередная блажь избалованного мальчишки.

Молодой князь поднял глаза.

— Я не закончил, — осадил его Радомиров. — Кроме того, я желаю, чтобы вы понимали — теплого местечка с перебиранием бумажек у меня для вас не будет. Мне необходим толковый сотрудник в созданный мною лично отдел преступлений. Преступлений, в которых замешаны аристократы.

Великий князь скривился — и через паузу продолжил:

— И еще — вашим начальником будет человек, у которого есть только личное дворянство. Подчиняться вы ему будете беспрекословно. И вы должны понимать, что станете изгоем в высшем свете...

— Я и так изгой, — тихо проговорил князь. — После того как вы отказались драться со мной на дуэли...

— Глупости. Это всего лишь скандал. Его можно замять. Пережить. Переждать. А вот служба в Министерстве безопасности Поморья — тем более в отделе преступлений с участием высшей знати... Это — вызов. Пощечина. Всем и сразу.

Варейский задумался.

— Давайте поступим следующим образом, — решил Великий князь. — Завтра утром вас будет ждать пропуск сотрудника. Вы можете прийти — и это будет четко взвешенное решение. Или вы можете поискать себя в других областях. В армии, например.

Радомиров поднялся, показывая, что аудиенция окончена.

— Благодарю вас, — поднялся и Варейский.

— Дмитрий Всеволодович вас проводит.

А дома его встретила сияющая Ирина. Он подхватил ее на руки, закружил... Она нежно его поцеловала. И сказала:

— Мне прислали приглашение на балет «Ари и Рэй». Мы завтра идем в Императорский театр!

Следующий день начался с того, что Варейский все-таки явился на службу. Забрал пропуск и отправился представляться своему начальнику — Тюленеву Сергею Ивановичу. Тот, ошарашенный этим фактом, явился в кабинет министра безопасности Поморья, где и нашел того в крайней печали и компании его величества...

— Может, театр спалим? — на полном серьезе предлагал родственнику император Александр.

— Снегов не простит, — меланхолично откликнулся Радомиров. — Да и на новое здание театра столько денег маханули. В прошлом году только закончили. Жалко.

Видя такую непонятную, но душераздирающую сцену, Сергей Иванович устыдился. В государстве явно что-то случилось... Что-то из ряда вон... А он со своим недовольством относительно нового сотрудника. Чиновник по особым поручениям тихо удалился, никого не побеспокоив. А про себя решил, что при малейшем недовольстве Варейским он устроит последнему такое веселье, что молодой князь сам напишет прошение об отставке!

— Вот где этот балетоман со своим балетом взялся на нашу голову! — вздыхал император. — И ладно бы он с этими балеринами страсти разводил! Так — нет. Он — примерный семьянин. И любовь у него — к искусству, жене и Поморью... А нам... Сейчас Ирина узнает... Потом Маша к ее негодованию присоединится! Может, балерине этой заплатить, чтобы она призналась, что у вас романа никогда не было? И она оболгала тебя, чтобы...

Император Александр задумался, потом грохнул кулаком. А Андрей Николаевич решил:

— Нет! Я сам Ирине признаюсь. Чтобы не от сплетников!

* * *

Платье мы с Марией Алексеевной выбрали просто очаровательное — цвета темного шоколада. Я было спросила, какой наряд выбрала для себя сама императрица, но та будто и не слышала. Без конца теребила платок, поглядывала на меня, вздыхала... Словно решая — заговорить о чем-то важном или не стоит.

Видимо, не решилась. Вдохнула в сотый раз. Поинтересовалась: будем ли мы смотреть балет в своей ложе или же присоединимся к ним с мужем в императорской.

— А как нам положено? — спросила я у нее.

— По логике — в своей. Но мне и Саше будет приятно, если мы будем рядом.

И снова вздохнула.

— Ира, ты так любишь музыку и балет? — спросила она.

— Все представления, на которые нас водили в Академии, я честно проспала, — призналась я. — Кресла удобные, не будят, как на опере, когда особенно выразительно голос показывают. Красота!

Мария Алексеевна хихикнула. Но тут же спросила:

— Но зачем...

— Нина Холодная, — пояснила я.

— Что?! — императрица побелела, как первый снег.

— Она — моя пациентка. Моя и княгини Снеговой. Балерине нужна наша помощь. А князь Снегов очень переживает. Он этот балет любит.

— Да. За князем это водится... Причем он любит именно искусство, а не балерин.

— К балеринам, как я понимаю, он тоже относится очень трепетно. Особенно к их здоровью! — ответила я. И не очень поняла взгляда Марии.

На этом мы распрощались — и я отправилась домой собираться. Почему-то Андрей идею о том, что мы идем в театр, воспринял в штыки. Я пообещала ему, что не прикоснусь к напиткам и возьму с собой бутылочку с вишневым соком, чтобы никто ничего мне не подлил.

Сегодня же муж был... просто какой-то потерянный.

— Ты в порядке? — я сразу приложила ладонь к его лбу. — Давление повышенное. И пульс частит. Что с тобой?

— Ира, — поймал он меня, утащил в кресло. Посадил на колени. Прижался лбом к моему. — Я должен тебе признаться. Пусть лучше ты это узнаешь от меня.

— Что случилось?

— У меня был роман с Ниной Холодной. И... я виноват перед ней... Мы не очень красиво расстались. Был скандал в газетах. И я... боюсь, что ты... Это было до того, как я... И...

— Нина — моя пациентка. — Я повернула к себе его лицо. И посмотрела в глаза. — О том, что она — твоя бывшая пассия, я знаю. Добрые люди подложили мне старую газету с ее интервью. Сентябрьское еще. Поступил ты по-свински, что ни говори. Но я тебя люблю.

А потом... Потом было — чудо! Над Императорским театром горели тысячи световых шаров, переливаясь всеми цветами радуги. Само здание было словно изо льда! Об этом писали в газетах. По задумке князя Снегова, зрители должны были почувствовать атмосферу сказки еще до того, как войдут в здание. Лучшие маги не один месяц трудились над тем, чтобы театр выглядел как ледяной дворец, над которым встает настоящее северное сияние. Да, в газетах писали. Но разве можно передать печатным словом то, что мы увидели?

Князь Снегов денег не пожалел и премьеру устроил с размахом. Привилегированные особы, приглашенные его сиятельством лично, прибывали в санях, запряженных девятью белоснежными волками. У Андрея сияли глаза, когда он их гладил.

— А можно... Можно мне тоже? — робко попросила я.

Глаза хищников. Ясные, холодные. Голубые-голубые, как небо. И было в них что-то... первородное. Тайна, до которой люди, наверное, еще не доросли. Или не заслужили. И тайна эта, свернувшись калачиком, спала там, на дне волчьего зрачка, пока не пришло время... Длинная, жесткая, белая шерсть зверя струилась меж пальцев, приятно щекоча ладонь. Вот так бы и сидела на корточках. Гладила белый мех да смотрела в голубые глаза.

— Ирина Алексеевна, ваше сиятельство — пора! — улыбнулся возница.

По его взгляду было видно, что он понимает и разделяет мой восторг. И от этого стало тепло. А когда за нами полетели три световых шарика — и вовсе на душе стало спокойно. Жаль только, в театр моих знакомых не пустят...

Мы вошли в просторный, сияющий золотом холл, где нам с Андреем тут же захотелось выйти на улицу... Там такая красота! Сани, волки, ледяной дворец и... мои шарики.

— До начала еще полчаса, Ир! Они сейчас будут раскланиваться, пить шампанское и рассматривать друг друга. Фасоны там, драгоценности. Пошли!

И мы с мужем удрали на улицу.

Все гости уже прибыли, включая императорскую чету. Их сани, украшенные золотыми кистями и ярко-голубым бархатом, уже отгоняли.

— Ирочка!

— Мария Ивановна!

— Рад вас видеть, ваше сиятельство, мое почтение!

— Серафим Валерианович!

Мы с мужем тепло поздоровались с нашими добрыми знакомыми.

Почти все упряжки уже отогнали, и только один человек стоял в окружении девяти белоснежных волчиц.

— Какие красавицы! — Муж улыбнулся молодому цыгану. Почти все возницы были цыганами: в Поморье волчий питомник — их основной промысел.

Я стояла и любовалась волками.

— Представляю, какую цену они заломили Снегову! Поверь мне — не маленькую, — шепнул мне муж, обнимая за талию. Я улыбнулась.

— Так это ж лучшие! Артисты! — просиял цыган.

Вдруг животные засуетились, заскулили, завывали громко, в голос.

— Ирочка, мы пойдем, — засуетилась Мария Ивановна, взяла под руку Серафима Валериановича, и пожилая пара удалилась. Да так поспешно — впору молодым...

— Тихо! Тихо, сказал! — Цыган смущенно развел руками. — Не знаю, что с ними! Никогда так себя не вели...

— Больдо! Больдо! Заводи! Заводи, пора! — крикнули с черного хода.

— Простите, ваше сиятельство...

— Все в порядке. Нам с Ириной Алексеевной тоже пора.

И муж с цыганом обменялись каким-то особым рукопожатием, толкнув друг друга плечом.

— Что это было? — шепотом спросила я, когда мы уже усаживались в императорской ложе.

— Потом расскажу, — подмигнул муж.

Я хотела сказать, как же я его люблю, но... не успела. Вдруг все исчезло — гости, Мария Алексеевна в темно-изумрудном бархатном платье, которое ей шло невероятно и, как всегда, идеально подходило для того, чтобы посетить премьеру. Мария Ивановна в партере рядом с Серафимом Валериановичем. На обитом пурпурным бархатом стуле за старушкой лежала ее неизменная белая шуба. Все это погрузилось во тьму, но лишь на мгновение.

Это первый балет в моей жизни, который я смотрела, не отрываясь даже на то, чтобы вытереть слезы. Я плакала, чувствуя пронизывающий холод снежной бури, в которую попал отважный Рэй. Плакала, чувствуя боль изогнутой спины Ари. Я старалась не дышать, когда балерина, лежавшая на спинах тех самых волчиц, что выли в голос у здания театра, стала медленно подниматься. Волчицы не двигались, а героиня порхала, словно снежинка. Легкая, грациозная, удивительная. И только красные линии боли по всему ее телу не давали насладиться в полной мере той красотой, которую она дарила сейчас всем нам.

Я наконец отвлеклась и огляделась. Княгиня Снегова хмурилась. Понятно почему. Состояние балерины становилось критическим, но это никак не отразилось на ее выступлении... Да, я — целительница. Прежде всего. И не поклонница балета. Отнюдь. Но вопреки всему, спустя несколько мгновений — забыла! Забыла о боли и снова пропала... Как... Как ей это удалось?! Я пропала в снежной буре, чувствуя горький привкус густого зелья колдуньи на своих губах, я любила, любила Рэя всем сердцем! Тихонько, стараясь, чтоб никто не увидел, взяла за руку мужа. Нам словно рассказывали историю нашей собственной любви. И музыка. Удивительная музыка! Наверное, это какие-то старинные инструменты...

В полутьме было видно, что императрица с мужем тоже держатся за руки.

— Ты их видишь? — спрашивала она с волнением.

— Да...

Интересно, о чем это они?

Взгляд случайно упал на кресла в партере. Места пожилой пары были пусты — шуба Марии Ивановны так и осталась лежать на спинке кресла... Я было заволновалась, но то, что происходило на сцене, снова заставило забыть обо всем.

Спустя несколько минут сцена опустела. Лишь падал бутафорский снег, и медленно, не желая расставаться с героями и отпускать этот волшебный вечер, растворялись звуки старинной мелодии.

Зал взорвался аплодисментами. На сцену полетели огромные букеты белых роз, князь Снегов, вытирая слезы, орал:

— Bravo! Bravo! Брависсимо!!!

— Ира! — голос начальницы мгновенно вернул в реальность. — Быстрей!

Мы помчались в гримерную.

Ари... Нет. Нина... Нина Холодная. Маленькая хрупкая женщина лежала, обливаясь потом, со сведенными судорогой мышцами и пылающим счастьем лицом. Мы сразу принялись за дело. Было слышно, как поклонники, шурша букетами, пытаются атаковать гримерную примы. Гневный рык Снегова. Волчий вой...

Спустя полтора часа мы уже пили чай с шоколадными конфетами, коих в гримерной Холодной был внушительный запас, — можно было бы армию обеспечить на период затяжной войны. Нина порозовела, полулежа на диванчике, по-прежнему сияя. В дверь осторожно постучали, и князь Снегов виновато протиснулся к нам.

— Дамы! По случаю премьеры — банкет! Закрытое мероприятие — только для своих! — стал пояснять князь, отвечая на гневный взгляд жены.

— Нина должна лежать! Это не обсуждается! — ледяным голосом отрезала княгиня.

— Вы идите... Правда, идите! Я... Я лучше посплю...

— Ниночка! Ари! Ангел! Талант! Гений! Вы... Вы всем подарили такое... Такое счастье! Наслаждение! Искусство! Ну как же... Как же без вас! Ведь этот банкет, это... Это в вашу честь! Наташа! Наташа, ангел мой, ну может быть, все-таки... — Но наткнувшись на полный гнева взгляд жены, меценат сдался. — Ну хорошо, хорошо. Ниночка, отдохайте! Отдыхайте и знайте — все, что будет выпито, — за вас! За ваш талант! За ваше здоровье!

Последних слов восхищения князя балерина, казалось, не слышала. Она спала. Спала и улыбалась.

А потом был банкет. Его сиятельство князь Снегов картинно закрыл двери банкетного зала театра перед удивленно ахнувшей толпой придворных, которых сегодня императорская чета не желала видеть. Можно было пить шампанское и не бояться, что оно отравлено. Были только свои. Звучали тосты, звенели бокалы, шутки, смех, добродушное рычание Снегова. Огромный, как медведь, князь Снегов поздравлял всех с премьерой, лично разливал шампанское, стараясь подарить всем праздник. В этот раз у него получилось!

Я была счастлива. Нина спала, ее состояние было стабильным. Мария Ивановна и Серафим Валерианович тоже были среди гостей. Императрица улыбалась, подходя ко мне с двумя бокалами нашего любимого вина. Все-таки она обворожительна в этом платье! Андрей был рядом. Он улыбался, пил коньяк с императором и что-то бормотал про себя, незаметно постукивая пальцами по столу. Я знаю эти движения. Это муж стихи пишет. Как всегда — про любовь...

Стоит у моря замок
Назло семи ветрам.
Прекраснейшая Ари
Сном спит глубоким там.
Будто розы цветут во дворце ледяном —
пробуждения ждут снегири.
Чтобы встретить тебя красногрудой зарей.
Спи, Ари, спи.
Живет в лесу колдунья,
Горит в окне огонь.
Идет навстречу путник
Заснеженной тропой.

Ты идешь, попадая ногой в волчий след, —
только ветер колючий в лицо.
Путь не близкий лежит у тебя впереди.
Иди, Рэй, иди.
Под снегом спит принцесса,
Где вьюга песнь поет.
Кружат снежинки в сердце,
И на ресницах лед.
Много лет спины белые верных волчиц
пробуждения ждут твоего,
Чтобы ветра быстрее сквозь бурю везти.
Спи, Ари, спи.
Лесной колдуньи зелье
Коснется бледных губ.
Правители Поморья
В страну свою войдут.
Сами духи ведут тебя, Рэй! Сами духи хранят
тебя, Ари!
И бежит сквозь метель все быстрее
снежно-белая волчья стая... [1]